

Р

№:1-1929

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗДА-ВО
Л. П. СОЙКИ
СЕНТ-ПЕТЕРБУРГ

Под редакцией мастера *Арс. Ио. Куббеля.*

Открытый в 1928 году „Миром Приключений“ шахматный отдел нашел живой отклик среди читателей журнала. Образовался актив, около 60 человек, принимающих постоянное участие в отделе. Идя навстречу желаниям читателей, мы решили в текущем году несколько изменить выдачу премий по конкурсам на решения задач, увеличив количество шахматной литературы за счет досок с комплектом фигур. Сама программа шахматного отдела, получившая одобрение читателей, остается без изменений.

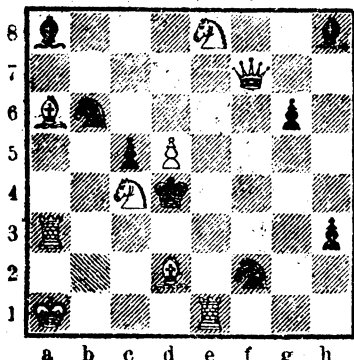
Начиная 2-й год, мы просим читателей и шире поддерживать тесную связь с нами путем присылки решений, партий, задач и хроник местной шахматной жизни. Весь материал следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. Остр., 10 линии № 39, кв. 63. Арвиду Ивановичу Куббелю.

КОНКУРС № 12.

Задача № 23

Е. И. Умнова (Ростов в/Д).

Печатается впервые.

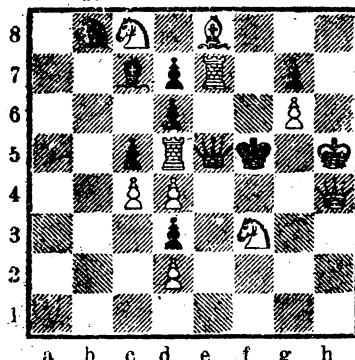
Кр. а1, Ф f7, Л а8, е1, С а6, d2, К с4, е8, П d5.
Кр. d4, С а8, h8, К b6, f2, П с5, g6, h3.

Мат в 2 хода.

Задача № 24

И. Олаша (Венгрия).

„Magyar Sakkvilag“ 1928 г.

Кр. b5, Ф b4, Л а5, е7, С е8, К с8, f6, П с4, d4, d2, g6.
Кр. g5, Ф е6, С е7, К h8, П с5, d7, d6, d8, g7.

Мат в 2 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будут выданы в право: 1) А. Алексин „Мои лучшие партии“, 2) Алексин „Нью-Йоркский турнир 1924 г.“, 3) Романовский и Левенфиш „Магч Алексин — Капабланка“.

Последний срок отсылки решений 15 марта (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

ПАРТИЯ № 4.

Нижеследующая партия, игравшая в турнире по переписке „им. тов. Крыленко“, присланная одним из наших читателей, наглядно иллюстрирует последствия ошибочного хода в дебюте и поэтому представляет известный теоретический интерес.

Белые: Ажорский (Ньюм). — Черные: Винокур (Житомир). — Итальянская.

1. е4, е5: 2. К f3, К с6: 3. С с4, С е5; 4. с3, К f6: 5. d4, h5: d4: 6. с3: с4; 7. К с3, К е4; 8. 0-0. К: с3; 9. b2: с3, С е7? (Важная дебютная ошибка, ведущая к форсированному проигрышу. Плохо также 9... С: е8; 10. Ф b2; С: а1; 11. С: f7 + Кр: f8; 12. С g5, К е7; 13. К е5, С: d4; 14. С g6! d7-d5; 15. Ф f3 + С f6; 16. С: f6, С: е5; 17. С е6 + и выигр., правильно же 9... d7-d5; 10. с3: b4; d4: c4; 11. b4-b5, К е7; 12. С а3, 0-0; 13. Ф e2, Л e8 с приблизительно равной игрой); 10. h5, К а5; 11. e6! С: d6. (Нельзя, конечно, 11... К: с4 из-за 12. e6: e7, а если 11... с7: d6, то 12. С: f7 +! Кр: f7; 13. Ф e5 + Кр: e8, 14. К g5, Л f8; 15. К: h7 и выигр.); 12. С: f7 —! (эффектная жертва слона, являющаяся началом прелюдии атаки на черного короля. Черные, полагая, не увидя этого обстоятельства, задав свой 9. ход) Кр: f7; 13. Ф e5 — Кр: f8; 14. С g4, С е7! Выигрывает. Ед: f4... Ф е6 выигрывает 13. Л f4!

Ф g6; 16. К h4 и выигр.) 15. Л e1! (Опять сильный ход! Белые не берут конца, а развивают наступление с максимальной интенсивностью) К с6; 16. К e4, К: e5 (Спасен уже вет. Ед: f4... Ф е8, то 17. Ф e2 + Кр: g8; 18. К: e6, d7: с6; 19. Л: e7, Ф f8; 20. Ф e2 и выигр.); т. к. черные не могут защитить от этой угрозы; 21. Л e8 и 21. Ф с4 +. Или 17... С f6; 18. С: f6, К: e5; 19. Л: e5, Ф f7; 20. С g7 +! Кр: g7; 21. Л g6 + и выигр.); 17. С е7 + Ф: e7; 18. Л: e5, Ф: e2! Опасная необходимость. Не удается 18... f5... 19... а2: f5 Ф f3 + Ф f6; 20. Л f3 выигрывает. Ф a3 выигрывает; 19. Ф: e5, d6: e6, Ф: e4 — Кр: g8 (Нельзя! Белые черные несли жертву слона, играя 20... Кр: e8; 21. Л e1 — Кр: d7; 22. Ф e7 — Кр: e8; 23. Ф g7, С f5); 21. Л e1. Славян. вид продолжения 21... С d7; 22. Л e7, С e6, e5, Ф с4 — Кр: e8, 24. Ф: e2 снова белым выигрывает.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1—1929 г.

СТР.		СТР.
	«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ»,— «В БОРЬБЕ»,—научный очерк и исторический рассказ А. М. Линевского; иллюстрации, карты и фотографии с на- туры—автора. «Древней- шая книга нашего Се- вера»,—научный очерк . . .	
2	«В борьбе»,— истор. рассказ.	
6	«БЕРЕГОВЫЕ БРАТЬЯ»,— ро- ман Ж. Тудуза, иллюстра- ции Г. Фэвра	
15	«ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НИЩЕ- ТОЙ»,— литературный очерк (от редакции) и новелла Си- рид Ундсет, с портретом.	
28	«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ»,— научно- фантастич. роман А. Мер- рита, иллюстр. Поля	
32	«ГОЛОСА ПРИРОДЫ»,— из жизни Канады, рассказ С. Макдуголь, иллюстрации М. Пашкевич	
38	Систематический Литера- турный Конкурс «Мира Приключений» 1929 г.— «ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ»— рассказ-задача, составленный из произведений 15 писателей. Литературная задача № 2 (премия в 100 рублей)	
46	«ИСТОРИЯ С ЧЕРВОНЦАМИ», литературная задача № 3 (2 премии на 100 рублей), юмористический рассказ, ил- люстрации Н. Кочергина.	53
	ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 10. Отчет В. Б. и решение рассказа- задачи «Лесная сказка».	60
	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «КОСМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТО- РИЯ»,—научный очерк проф. Н. А. Рынина с иллюстра- циями	69
	«МУКА — НОВЫЙ ДВИГА- ТЕЛЬ»,—науч. очерк Л. П., с иллюстрациями	71
	«ДЕНЬ С ЧАРЛИ ЧАПЛИ- НЫМ»,— очерк К. Берко- вичи, с иллюстрациями	74
	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» (Задачи)	74 и 80
	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ . . . . . стр. 2 обложки.	
	ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 5 красок работы художника С. Э. Лузанова.

В БОРЬБЕ

Научный очерк и исторический рассказ А. М. ЛИНЕВСКОГО

Иллюстрации, карты и фотографии с натуры — АВТОРА

ОТ РЕДАКЦИИ. В Карельской АССР, на Онежском озере, уже с 1848 г. известны очень древние рисунки, выбитые на скалах (петроглифы). Их не раз осматривали, но этим все дело и ограничилось.

Палео-этнографу А. М. Линевскому посчастливилось найти такие же неизвестные рисунки, также в Карелии, недалеко от Белого моря. Собранные с этих двух мест изображения дали ему возможность произвести большую научную, теперь уже приготовленную к печати, исследовательскую работу, выясняющую значение, причины и поводы возникновения этих любопытных и загадочных памятников древности.

А. М. Линевский первый собрал 459 петроглифов и получил весьма богатый материал для выявления жизни доисторического человека Карелии. Заслуживает особого внимания указание молодого ученого на теснейшую связь священных мест древности с промыслами.

Каждый новый труд о доисторическом человеке нашей необъятной страны сам по себе уже представляет интерес. И, к сожалению, у нас еще очень мало таких работ!

По поручению редакции «Мира Приключений», А. М. Линевский, человек самых разносторонних дарований—от научного исследователя до беллетриста и художника—написал помещаемый ниже краткий очерк о загадочных рисунках на скалах, служащий необходимым введением образовательного характера к его же и им же иллюстрированному историческому рассказу, рисующему падение одной культуры и смену ее другой, отдаленной, но все же более близкой к нам.

ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА НАШЕГО СЕВЕРА

НАУЧНЫЙ ОЧЕРК

Правительство Карельской республики уже три года подряд ассигнует мне средства для изучения любопытнейших памятников древности—рисунков, выбитых на скалах более 3 000 лет назад. Эти памятники находятся лишь в нескольких местах Карелии и неизвестны на всем остальном нашем Севере. На Западе они встречаются в Швеции и Норвегии, на Востоке—вдоль течения р. Енисея и в Минусинском крае.

В Карелии эти петроглифы (рисунки, выбитые на скалах) находятся в двух местах: «Бесовы Следки» в 7 верстах от Белого моря в устьи р. Выг, и группы на Бесовом Носе и Пери Носе, находящихся на восточном берегу Онежского озера.

Все эти петроглифы находятся у самой воды, при чем «Бесовы Следки» ежегодно покрываются весенним ледоходом, а петроглифы «Бесов Нос» и «Пери Нос» (в количестве 233 изображений) оmyваются водой во время сильного волнения; выше этой линии обмывания нет ни одного изображения. Их связь с бурной водой легко усмотреть и в том, что петроглифы «Бесовы Следки» находятся на последней горизонтальной скале у порога Шойрукши, остающегося до сих пор недоступным для проезда каким бы то ни было способом (см. фотографию).

Все петроглифы расположены исключительно на горизонтальных скалах; в Карелии нет ни одного рисунка, выбитого на вертикальной скале. Как правило, мы встречаем их только на гранитных скалах с красноватым глянцевым «загаром».

Эти памятники почти целиком состоят из охотничьих промысловых изображений. Группы изображений людей, орудий охоты и лодок, а также отдельных животных и форм их ранения, дают ряд данных, достаточно отчетливо обрисовывающих общественный строй, в котором жили творцы этих памятников. Рисунки на скалах также освещают быт, степень развития производственных форм, идеологию и много других моментов. Лишь благодаря этим рисункам можно выявить доисторическое прошлое края.

Чтобы выяснить причины появления подобных наскальных рисунков, надо понять психологию первобытных охотников. Они особенно склонны к различным психическим и нервным заболеваниям, вследствие постоянной неуверенности в своем охотничьем счастье. Такое напряженное состояние вызывает массовые галлюцинации зрения и слуха и служит причиной периодически возникающих массовых заболеваний истерией. Допустим, что начались неудачи на охоте. Вместо признания действительных причин (неблагоприятные атмосферные явления, эпидемии, оскудение корма и отсюда массовый переход добычи на новые места), промышленники первобытных времен думают, что виновниками всех неудач являются особые сознательные силы, которые обыкновенно они зовут духами. Отсюда — многочисленные попытки увеличить добычу промысла посредством жертвоприношения этим духам. При этом охотники пытаются привлечь духов в специальные вместилища, чтобы таким образом иметь возможность влиять на них.

Если посредством жертв возможно удержать привлеченных духов, то охранять их вместилища от действия злых духов доступно лишь шаману и в особенности почитшему, который будто бы, делается особым существом. Отсюда понятна связь петроглифов с местами погребения, что мы встречаем, например, в Минусинском крае — дух умершего, думают туземцы, сохранит святилище от враждебных духов.

Смысл высекания изображений на камнях был следующий: «Всякое изображение имеет душу того или иного существа, на подобие которого оно сделано (например, выбив изображение оленя, охотник думал, что в этом

Главная фигура петроглифов «Бесовы Следы». Тянувшиеся через всю скалу шесть человеческих следов оканчиваются этой фигурой. Ее высота 62 см. Изображение окружают нерасшифрованные предметы, которые, возможно, представляют жертвоприношения.

Петроглиф Шаман.
На это указывает
его шапка.

изображении будет жить дух живого оленя). Но сверх того изображенне еще может иметь и сверхъестественные силы и способности: оно может исцелять от болезней, передавать поручения божествам, исполнять приказы своего хозяина и т. д.» (Л. Я. Штернберг). Отсюда делается понятным, что выбивание на скалах изображений, по видимому, имело целью воздействовать на живое существо. Петроглифы Карелии богаты изображениями животных, раненых стрелами, дротиками, гарпунами и т. д. Точно также мы видим много сцен мор-

Магическая пляска. Охотник
пляшет над убитой птицей,
чтобы умилостивить душу
добычи и привлечь ее, как
пособницу в его промысле.

ской ловли, охоты и вообще охотничьих промыслов. Промышленник, выбив изображение раненой им рыбы, надеялся, что эта сцена осуществится в действительности.

Припомним некоторые обычаи австралийцев, важные для понимания смысла карельских петроглифов. Нарисовав на священной скале, где живет дух их рода — великий кенгуру — ряд красных и белых полос (красные полосы символизируют шкуру кенгуру, а белые изображают кожу этих животных), австралийцы образуют собственной кровью эту скалу, надеясь этим, при помощи пения заклинаний, умножить добычу своего промысла — животных кенгуру. Точно так же, изображая раненых животных, промышленник доисторической Карелии, по видимому, надеялся путем колдовства (магии) подчинить себе сделанные изображения.

Моя гипотеза подтверждается изображением рыб и тюленей. Из общего числа в 27 изображений, 23 повернуто головой на запад, а хвостом на восток, т. е. представляется идущими из моря в верховья реки. Только одна рыба изображена головой к морю, причем ее голова придавлена следом ноги «беса». Так как все остальные 6 следов не затрогивают никакие изображения, ясно, что этот след, на языке пиктографии¹, обозначает нечто в роде преграждения рыбе обратного возвращения в море посредством магической дороги духа. Остальные три рыбы идут поперек течения воды. Характерно, что многие изображения рыб — парные. Вероятно, первобытный художник хотел изобразить самку с самцом, т. е. рыбу во время нереста.

Если изображение рыб указывает, что выбивание их на скалах имело целью воздействовать на них колдовством, то это дает право предполагать, что и остальные наскальные рисунки служили таким же целям. Понятно, что морская рыба, входя в реку для метания икры, затем уходила обратно в море. Следовательно, изображая рыбу почти исключительно идущей из моря, человек тем самым пытался привлечь в устье реки как можно больше добычи и как можно меньше выпустить ее обратно в море.

Возьмем другой пример. На Бесовом Носе (восточный берег Онежского озера), мы видим громадное в 2,40 м изображение человека, выбитое в монгольском стиле (подобное изображение мы видим на одежде якутского шамана в музее

Хищник в капкане. У современных пермяков и зырян на Печере сохранился подобный тип западни. Рычаги заземляют туловище зверя, который делает прыжок и валится на спину. Плаха, соединяющая рычаги, не позволяет хищнику подняться на ноги и он издыхает от голода.

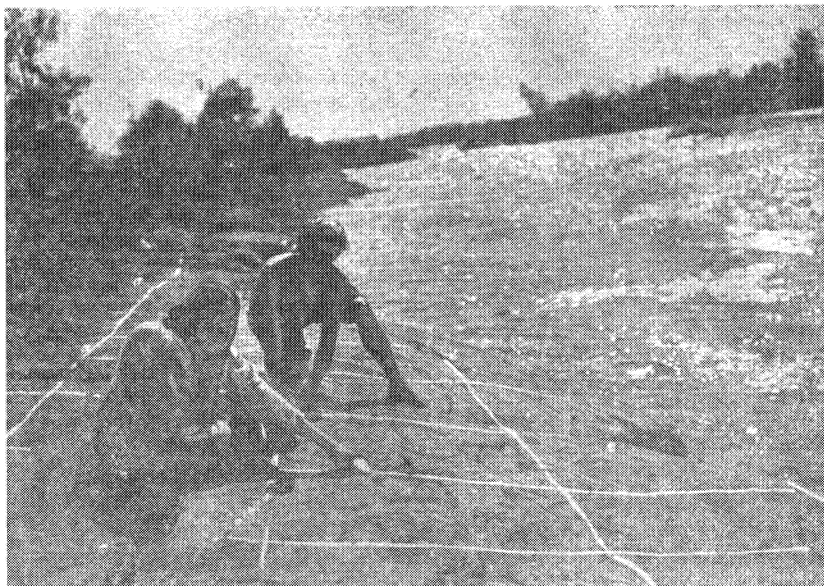
Антропологии и этнографии при Академии наук СССР). Выбитый на скале «бес» пригвожден семиконечным кре-

Лодка с 18-тью гребцами. Это изображение указывает, что Карелия в доисторические времена входила в круг Скандинавской культуры. Подобные рисунки лодок мы встречаем на петроглифах Швеции и Норвегии.

¹ Пиктография называется письмо рисунками; впоследствии эти рисунки все более и более символизируются, переходят в идеографию, а затем в условные знаки, т. е. в буквенный алфавит.

стом, который набит вдоль его левой руки и доходит до туловища. Этот крест является, по всем данным, работой монахов Муромского монастыря, основанного в XV веке Лазарем; в своем завещании он много говорит о борьбе с лопарями и чудью, жившей в этих местах.

Техника собирания петроглифов. Вся скала расчерчивалась на равные квадраты. Квадрат обмачивался водой, чернильным карандашом обводились контуры рисунков и накладывался лист чистой бумаги. Получались отпечатки с обратной стороны, которые тут же сворачивались на месте, а затем дома под чистую (правую) сторону листа подкладывалась копировальная бумага и карандашом обводились отпечатавшиеся линии. Таким образом на правой стороне обрисовывались абсолютно точные контуры наскальных рисунков.

Тут же, на Бесовом Носу, мы видим изображение лебедя, пробитого, как и бес, таким же крестом. В Карелии охотники из крестьян почти никогда не бьют лебедей, считая их священными. Сопоставляя такое почитание,

Порог Шойрунша. В этом месте р. Выг с своей ширины в 200 саженей суживается гранитными островками до 10 саженей, с трудом пропуская огромную водяную массу. Семга, чтобы преодолеть тяжесть разбиваемой о скалы воды, пытается скачками в воздухе перейти этот порог, длина которого около 50 саженей. Некоторые экземпляры, как говорят рыбаки, выбрасываются на скалы и по берегу скачками проходят этот порог.

дошедшее до наших дней, и выбитый на изображении лебедя крест, мы можем допустить, что прежде существовал особый культ лебедя. Повидимому, он был настолько развит у лопарей или чуди, что они и считали себя обязанными обезвредить изображение

ния как лебеди, так и беса, посредством высечения на них эмблемы христианства.

Лучшим способом проверки степени священности мест, где высечены подобные изображения, является отношение туземцев к петроглифам. Хотя сейчас окрестности карельских петроглифов заняты русскими, но самые названия «Бесовы Следки», «Бесов Нос» и «Пери Нос» (Пери по фински — «бес», дух) намекают на значение этих петроглифов. До сих пор у вотяков существует вера в особых духов Пери, о прибытии которых возвещают черные тучи и которые помогают охотникам загонять добычу (например зайцев) в ловушку.

Интересны также следы и самое изображение беса на «Бесовых Следках». Направление следов идет с юга на северо-запад, насколько это позволяет контуры скалы. У современных рыбаков Белого моря главной приметой удачной рыбной ловли считается направление ветра: если ветер с юга на северо-запад (шалонник), то рыбы будет много; если ветер с севера на восток (полуночник), рыбы бывает очень мало. Изображение следов беса имеет как раз благоприятное для рыбной ловли направление с юга на северо-запад.

В Карелии до сих пор существует суеверие, что человек, попавший на след «лешего», подчиняется его власти и начинает блуждать вдоль его пути. Верят, что следы лешего имеют магическую силу и с них нельзя сойти добровольно. Поэтому мы можем предполагать следующее: выбивая следы, оканчивающиеся фигурой беса, первобытный человек этим хотел сказать, что данная скала является дорогой этого духа. Как раз вокруг этих следов мы и видим изображения главных промысловых животных: оленей, зайцев, лисиц, тюленей, рыб и т. д. Можно думать, что охотник стремился какими то особыми магическими средствами воздействовать на беса, чтобы тот привлек к своей магической дороге всех этих необходимых для промысла охотника животных.

Если о причинах возникновения святилища «Бесовых Следков» вблизи Белого моря читатель узнает из самого рассказа, то происхождение петроглифов Пери Носа и Бесова Носа — другое. Эти два мыса, образующие бухту, защищают ее с трех сторон от ветров, вследствие чего туда во время бури заходят укрываться массы сивов. Там же они, вследствие благоприятного дна бухты мечут икру. Кроме того эта бухта, благодаря своей глубине, раньше других освобождается весной ото льда. Отсюда понятно массовое скопление перелетной птицы, для которой эта бухта является единственным местом, где она может отдохнуть и подкрепиться рыбой. Вот два фактора, которые, по-видимому, оказали влияние на образование петроглифов Пери и Бесова Носа. Ведь не даром 50% изображений на Бесовом Носу падают на перелетную птицу.

Вопрос о датировке памятников еще далеко не разрешен.

У меня лично такая точка зрения. Если бы возможно было увязать время появления петроглифов в Карелии с наступлением ухудшения климатических условий (так называемое понижение оптимума, бывшее за 1 000 лет до нашей эры), то причины и повод появления наскальных изображений сделались бы ясны. Повод — ухудшение климатических условий и отсюда переселение животных в более благоприятные для размножения места; причины — попытки магическим путем вызвать увеличение оскудевающей добычи.

В Б О Р Ь Б Е

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

I.

Войска Ивана Грозного наносили удар за ударом свободе новгородского Веча. Самые смелые и предприимчивые из новгородцев бежали, кто на Восток к Уральскому камню, кто на Север к Белому морю. Туда же, в

Поморье, бежало все гнездо Никитичей, осевших в устье реки Выга. Никитичам посчастливилось. Место оказалось одним из самых рыбных. Ежегодно к реке из океана подходили густые массы сельдей, а за ними много хищных рыб и зверей. Занявшись весной рыбным промыслом, Никитичи тор-

говали зимой, обменивая у Каргопольцев рыбу на хлеб. Предприимчивым новгородцам казалось этого мало, и в несколько лет они взяли в кулак все соседние карельские деревушки, поставившие им за рыбу и за хлеб пушнину. Уж не раз Никита-Большак (хозяин всего рода) с горделивой усмешкой говорил о своей новой вотчине.

Лишь маленькая группа пустынных островков, в семи верстах вверх по реке, не знала его власти. На одном из них постоянно жили Нойды — лопарские колдуны, сумевшие сохранить в течение столетий от власти карел свое святилище — скалу у порога Шойрукши, в которой, по поверью, жил Великий Дух.

Островки были последним куском земли этого края, где лопари имели право добывать семгу и сига, шедших из моря в верховья метать икру. Из всех других мест они были оттеснены — русскими от моря, а карелами от рек. Карелы боялись лопарского Духа; эту же боязнь они внушили и Никите. Уж не раз ему приходилось слышать, что лопарские ведуньи (Нойды) будто бы могут обращать своих врагов в зверей, насыщать болезни и творить много лихих дел. Хотя Никита и надеялся на помощь иконы Новгородского Спаса, но верил он также и в могущество бесов. Гневить их на чужой земле казалось ему опасным. Потому то эти последние лопарские владения оставались Никитой незахваченными.

Лет через 15 после переселения новгородцев в Поморье, случился зимой большой снегопад, а весной сразу наступили теплые дни. Земля не успела впитать в себя много воды, и вся масса ее ушла в море. Сельдь не выносит пресной воды и потому в эту весну она держалась влали от берега, в глубоких местах моря. Промысел на сельдь был неудачен, зимой пришлось много простеть добра, свезти его на юг в обмен на хлеб.

И теперь, на второй год, опять повторилась та же беда. Уж который день мужчины напрасно ездили на промысел, и возвращались поздно вечером усталыми, взмученными и без добычи.

— Опять впустую?

— Нигде не нашупали сельди...

— Чем жить то будем?!

Только что высадившаяся группа мужчин молчаливо стояла на берегу. Мрачно сторбленные, чернеющие слезы на серебристом фоне северного неба, они угрюмо молчали — призрак прошлогоднего голода придавил всех. Было ясно, что не наловив сельди, придется голодать. Надеяться не на что: к северу Лопь белоглазая, от которой нечего взять, к западу — голодная Карела, сама живущая продуктами, обмениваемыми на меха от новгородцев, к югу, у Каргополя, правда, свои же русские, да даром разве кусок какой дадут? Делалось страшно за будущее. Развесив сети по козлам, медленно побрели домой новгородские переселенцы.

Вдоль вдовья берега реки, по которой, играя, выскакивали в воздух одна за дру-

гой громадные рыбины и со звонким плеском исчезали в волной глуби.

— Ишь, торопится! Небось нойды теперь на бубнах своих гудят... К себе их тянут, — злобно зашипела большуха (главная хозяйка).

Замечание старухи точно повернуло мысли неудачников. Широкая река Выг в том месте, где жили колдуны, была запружена делью островков, суживавших ее в течении в какой-нибудь десяток саженей, сплошь занятых порогом Шойрукшей. Через него ежегодно проходила вся семга и сиг, приводимые к устью массой сельди, которой эти рыбы питались. Ради богатого промысла на них сходились лопари на эти островки из всех лесных окраин.

В душные, длинные ночи, когда Никите не спалось, а в голове медленно бродили думы о хозяйстве, не раз являлась мысль, как бы занять эти островки под свое пещище. Стоило бы только там поселиться и жизнь сделалась бы навсегда обеспеченной. Да и не он один об этом думал. Но хозяйственность новгородских насельников, а за ним и стремление карел, побеждали страхом перед жившими там с незапамятных времен Великими Нойдами. Лопарские колдуны уже ряд столетий оберегали эти островки для своих сородичей, еще карелами отогнанных от всех промысловых мест.

За ужином, по обычаю, молчали. Никита с заботой глядел на своих домочадцев, состоявших из ряда младших братьев, сыновей и племянников, думая о грозящей опасности голода. Пятнадцать мужчин рослых, сильных, ушкуйников-богатырей, больше двадцати женщин, свыше тридцати ребятшек — сколько же надо, чтобы их прокормить? Мешка зерна (пять пудов) не хватало на два дня, а в амбаре уже кончался запас хлеба; если не наловить теперь рыбы, значит, придется все хозяйство перетаскать зимой южанам. И решил Большак тут же, за столом, безотговорочно занять лопарские островки, выгнать оттуда Нойдов. А против бесовских их сил взять с собой родовой образ Спаса.

Завалились спать. Не спалось лишь Никите, он переворачивался, смотрел в низенькое слюдяное окошко и обдумывал, когда же удобнее захватить эти Бесовы Островки. Трезвые расчеты не раз заливались холодом остро-режущего сердца страха перед неведомыми бесами. Как бы не нажать от Великого Нойда беды!

Через час он разбудил всех мужчин. На ночном холодке сарая медленно приходили в себя уставшие за день новгородцы.

— Слушай православные, — тихо сказал Никита, — голод задавит нас. Ведь прошлый год чуть не все хозяйство проели да и в долгах сколько то осталось. Нонче опять рыба к берегу не идет, надо нам бесовское гнездо лопарей взять... Иначе мы все злохнем, либо в холопы к боярам уйдем! Из рук, ведь, свобода наша уходит!

Молча слушали мужчины. Ужас холопья жизни был для каждого из них сильнее

страха перед бесами, и никто не сказал «нет». Шептались воровски, боясь, чтобы кто не услышал. Не было различия — кто старше, кто младше. Опасность сблизила всех. Наконец решили — немедля, теперь же, в эту ночь напасть на спящих колдунов, перебить их, а на поганское идолище, по обычаю, водрузить Спаса.

Тихо, чтоб никого не разбудить, вернулись в избу. Младшему, Алешке, бывшему в телесной от блуда чистоте, Большак велел взять огня для фонаря от неугасимой лампы; сам, как и все другие, переоделся в чистое белье и повесил себе на грудь родовой древний медный складень Спаса новгородского, фунтов на пять весом.

Тихо двинулись на челнах вверх по реке.

II.

У порога Шойрукши на мысу, далеко вдававшемся в порог, светилось пятно костра. Начался ход рыбы к верховью из моря. Молодой нойда решил эту ночь шаманить, чтобы больше досталось изголодавшимся за зиму сородичам красной жирной семги и сладкого сига. Скоро, со дня на день, должны были притти скрывающиеся в лесах лопари. На лето стада их полудиких оленей разбрелись по чащам лесов. Шедшая в верховья реки рыба становилась единственной пищей этому покоренному и на смерть обреченному народу.

Проехав луку гремевшего порога Золотца и обогнув переднюю цепь островков, новгородцы в испуге замерли на месте. На самом краю скалы, над порогом, в рогатой громадной шапке, с гулящим бубном в руках, метался нойда вокруг костра. Издали казалось, что он носился в воздухе, над самой пучиной. Частая дробь бубна переходила в глухие медленные удары и была по напряженным нервам новгородцев. Нойда внезапно появлялся черной тенью впереди костра и снова пропадал за ним. За шаманом, медленно извиваясь, тянулись струйки дыма, двигаясь, как живые, за нойдом...

— Вишь, бесы за колдуном скачут, — прохрипели чьи-то сведенные ужасом губы, — не надо ночью в проклятое место ехать. Пусть солнышко взойдет и тогда сила нечисти поослабнет... Ведь не на заморских гостей едем, а в самое бесовское гнездо!..

Устрашенные жутким зрелищем новгородцы тихо повернули назад и за ближайшим мыском, выйдя на берег, развели вокруг себя яркие костры. О сне не было и помину. Сидели молча, притаясь, в тесном кругу.

Когда солдце залило промерзшую землю теплыми лучами, новгородцы решили итти на приступ.

Двинулись по обычаю гуськом, один челн за другим. На переднем челне стоял на носу без шапки Никита, держа в высоко поднятых руках образ нерукотворного Спаса, защитника новгородцев. Чтобы подбодрить себя, новгородцы запели церковные песнопения. В тишине раннего солнечного

утра стали разноситься еще никогда здесь неслышанные торжественные напевы. Скольким раз в битвах с врагами они звучали боевым призывом, и сейчас, с трудом преодолевая бурное течение, медленно плыли челны на бой с неизвестными противниками. Все громче, все яснее и внушительнее раздавались молитвенные напевы. Дви-

На самом краю скалы, с гулящим бубном в руках,

гался Господин Великий Новгород на последнее убежище бывших хозяев этого края.

Странные звуки сквозь привычный грохот порога донеслись до чуткого слуха нойды — звуки, отчасти похожие на его священные песни. Тягучие, торжественные неведомые песни глухо раздавались в золотом утреннем тумане... Они росли и ширились... Нойда, дрожащий от страха, глядел в сторону моря. И вот, чуть видимые в утренней дымке, один за другим показались челны. Нойда понял, что двигались новгородцы на последний оплот разогнанного народа.

Шаман, пораженный неожиданностью, с ужасом смотрел на них. Вот оно, выполнение страшных снов... Последний угол земли погибал для его сородичей! Тщедушное, с детства большое, тело шамана вдруг наполнилось могучей силой — яростью к врагам. Он схватил бубен, и бешено забил в него, взывая к духам о помощи, направляя их на бой.

— С нами бог! С нами бог! — завопил боевой клич новгородцев Никита, чувствуя

как холодеет его тело от жутких, лихорадочно-тревожных звуков бубна. Новый ужас охватил гребцов. Лодки почти перестали двигаться.

Опасность минула, страх за свое племя, жалость оставить этот уголок, — все в один миг привело молодого нойда в дикое неистовство; оно передавалось в ударах по бубну. Один на священной скале, без защитников, без помощников, метался шаман, вызывая к своим духам. А с другой стороны, в несколько десятках саженей, пятнадцать богатырей дрожали, неровными голосами уже машинально продолжали дербовную песню и медленно, но неуклонно подвигались к святилищу.

Чья возьмет? И у той, и у другой стороны сквозь все чувства пробивалась мысль: удастся ли вступить хоть одной погой на землю новгородцам? Тогда решится судьба островков.

метался нойда... На первом челне плыл Никита...

Ближе и ближе, бесшумно скользили челны к заветному островку.

— Духи! Духи! Могучие духи! Двигается враг на ваш дом. Люди (лопаря) теряют последнюю землю! Людям приходит смерть. Духи! Духи! Где же вы? Где ваша помощь?! Всем нам приходит конец!

И на крики нойда отозвался Никита. Не понимая слов лопаря, он взмолился о том же самом.

— Спасе наш милостивый! Помози нам! С голоду померем, если не возьмем эти островки. Расточь бесовские силы, — церкву поставим тебе во славу, благолепие в ней воздвигнем... Имя твое прославим! Разрази поганую силу!

Бубном ли задержать богатырей тщедушному, больному дикарю? Их крики пьянили друг друга и только одна узкая полоска воды отделяла передний челн от древнего святилища...

Внезпно вырос на скале Великий Нойда. Громадные впадины слепых глаз были широко раскрыты солнцу, на мертвенно-бледном лице чернела дыра широко рази-

нутого рта. Высота тела жутко увеличилась его страшной худобой. Длинные, как плети тонкие, руки тянулись навстречу новгородцам... Изо рта вырывались потоки таких звуков, что кровь новгородцев застыла от ужаса. Узловатые руки Никиты дрогнули, пальцы сами собой разжались, и Спас, блеснув медью на солнце, бесшумно исчез в черной пучине реки.

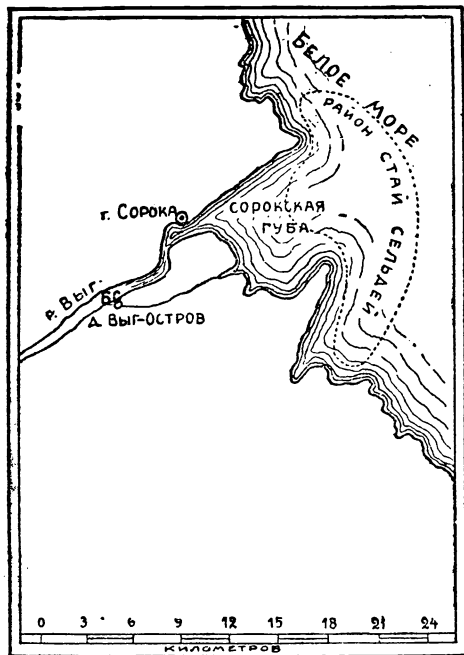
Гребцы, сами того не замечая, изо всех сил загребли назад. Челн с Никитой, стоявшим на носу, с разгона ударился кормой в камень. Большака, словно на пружине, откинуло, и он исчез головой в ледяной воде. Кем был вытянут из воды в лодку Никита, как погнались челны назад, — этого не помнили новгородцы. Никита бился в лихорадке и, язвя зубами, твердил: «С нами бог! С нами бог!» От этих слов делалось еще страшнее; ведь не стало у них больше иконы Спаса, их защитника, он был потерян навеки.

III.

Жуткая тишина легла на новгородское становище. Женщины, шепча молитвы, мазили смолой кресты на всех дверях и окнах. У хлевов загорелись костры. Но ничто не помогало. В каждой тени, в каждом звуке, в каждой мелочи чудилось всем что-то страшное и жуткое... Сквозь пленку православия новгородцев выступили древние страхи язычников; ведь они остались без защиты литого из меди Спаса. Никита бился в лихорадке и диким голосом кричал; ледяная вода, в которой он окунулся в момент наивысшего испуга, сделала свое дело. Слушая отдельные выкрики больного, становилось еще страшнее.

Если не страшнее, то зато еще печальнее было на лопарском святилище. Великий Нойда, уже давно ослепший, лежал много лет без движения — могучее тело день и ночь боролось со смертью. Бубны и крики сына о надвигающихся врагах, сказали ему о приступе. Великое чувство ненависти совершило чудо — он почувствовал силу встать на защиту всего племени. Онемевшими от бездействия ногами он двинулся по направлению к крикам, вытянув, как все слепые, руки вперед... Если бы не ужас бежавших без памяти новгородцев, они могли бы заметить, как Великий Нойда вскоре упал на скалу. Ярость сделала свое дело — она дала нойду приток внезапной силы, но, исчерпав ее, старику не осталось чем жить. Молодой шаман решил скрыть от всех смерть отца. Это было легко сделать, так как никто из лопарей не смел приехать на священный островок. Узнав о смерти Великого Нойда, врагам не было бы страшно святилище, как прежде.

Всю ночь трудился молодой шаман, строя последний шалаш для своего отца. Он покрыл его корой ели и березы. Настал внутри хвой, украсил отдельными ветками рябины и посадил туда мертвое тело, пригнув подбородок к поднятым коленям. Этим он нарушал обряд — шаманов хоронят в колодах

поднятых на деревья. Сам не зная того, молодой нойда возобновил древнее, много тысяч лет назад забытое погребение — сядя, с головой, положенной на колени. Со стороны казалось, что колдун жив и сидит, о чем то глубоко задумавшись. Сын не опоясал могильный шалаш Великого Нойды для защиты от злых духов. Старик теперь уже никто не страшен. Он стал теперь сам могучим духом. Так думал сын, совершая погребальный ритуал Великого Нойды, и не зная, как близок конец, когда могущество лопарского святилища в один миг пропадет как дым.

На другой день стали приходить, почти одновременно с разных сторон, изголодавшиеся и измученные лопари. Каким чутьем должен обладать охотничий инстинкт, чтобы почуять в лесных трущобах ход рыбы из моря в верховья. Вольные сыны этого края медленно, воровски, мимо карельских и русских деревень, тянулись отовсюду к островкам — своему последнему убежищу от голода весеннего времени. Закликала жизнь на островках. Щедрое море быстро, в несколько дней, укрепило их силы, и веселые, беззаботные, как дети, они целые дни промышляли. Сушили семгу и сига на солнце и ветру, поливая более мясистые части жиром, от которого рыба хотя и горчала, но не портилась и сохранялась впрок.

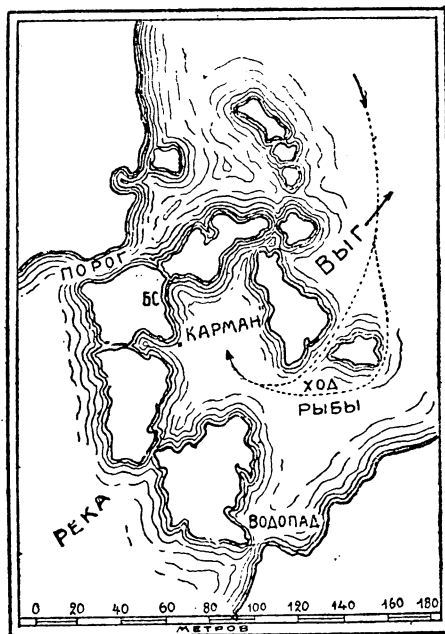
Чтобы понять, почему лопари так упорно цеплялись за островки, достаточно взглянуть на план.

Хищники океана, питаясь сельдью, двигались вслед за ее стаями, приближаясь к берегу моря, опресненной речной водой. Сельдь, как мы знаем, останавливалась в полосе, куда не доходила пресная вода. Наоборот, хищные рыбы, например, семга

и сиг, входили в устье реки и шли к верховьям, чтобы метать икру. У порога Шойрукши вся масса рыбы из-за раскинутых цепью островков и бурного движения воды заходила в «карман», образуемый этими островками. Рыба останавливалась перед священным островком и, чтобы пройти мимо него, пыталась как-нибудь боком, скача по воздуху, а иногда даже по траве преодолеть бурное течение порога, чтобы затем беспрепятственно следовать к верховьям.

Вот потому то и образовалось здесь святилище лопарей. Первобытные промышленники уже много тысяч лет назад заметили это особое свойство местности. На всем протяжении реки она являлась наиболее удобной для промысла. Ведь здесь, на небольшом пространстве, сжатом со всех трех сторон островками, концентрировались проходящие отряды рыбы. Эта местность являлась наиболее приспособленной для того, чтобы дикари с такой низкой техникой, как гарпун и трезубец, наловили рыбы больше, чем в других местах. Отсюда у них возникла мысль, что эта местность, наиболее благоприятная из всех других, служит жилищем благоприятно к ним относящегося духа. Это подкреплялось фактом, что рыба задерживалась из-за порога, вечно кипящего и грохочущего на далекое пространство. Лопари боялись приблизиться к этому месту и приписывали грохот — голосу духа, а кипение воды — его присутствию в ней.

Легко представить себе эту странную, нигде не виданную картину, когда громадное количество очень крупной рыбы втискивается в узкое пространство, сжатое с трех сторон островками. Рыба выскакивает

из воды, исчезает, опять выскакивает. Вода как бы кишит громадными серебрястыми гостями, которые словно не могут оторваться от священного островка. Первобытному жителю казалось, что священный островок притягивает к себе эту лакомую, единственную в весеннее время пищу.

В то время, как на островках кипела веселая, сытая жизнь, мрачным и тяжелым было настроение новгородского становища. По прежнему далеко держалась в море сельдь; напрасно новгородцы целые дни бороздили шестами холодные воды неприветливого Белого моря. С каждым вечером льда возвращавшихся делались мрачнее; прибегали к колдовству: зашивали к сетям в мешочках летучих мышей, кидали в море куски хлеба, не жили с женами, но все же рыбы нащупать не могли.

Никита, потеряв свой степенный вид Большака, болел, лежа на печи. Он всем рассказывал, что когда увидел мертведа, который шел на него и хлопал ладошками, то словно что то внутри него оборвалось, а когда неведомая сила толкнула его в воду, то почувствовал, как кто-то вошел внутрь его. Неудачи в промысле, как Никита, так и все объясняли кознями нойдов. Как я писал никогда больше туда не ездить.

Один только Иванко, предпоследний сын Никиты, был другого мнения; тайком от всех, еще год назад, он пробрался на этот священный островок и рассмотрел рисунки, выбитые на жертвенной скале. И что же? Остался он живым, и не заболел, и никакой беды не приключилось с ним. Просто напугался батька старика-колдуна и других своим испугом с ума свел.

Каждый вечер голодными и жадными глазами следили неудачники за скачками игрившей рыбы, непрерывно шедшей к лопарскому святилищу. Не раз попутный ветер доносил оттуда звуки шаманского бубна и радостные крики лопарей. Иванко все более и более замыкался в себе, больше молчал и что-то обдумывал.

IV.

В то время, как новгородцы бились в напрасных поисках сельдяных стай, молодой нойда, внезапно потеряв отца, впал в особо нервное состояние; он совсем лишился сна и по ночам в иступлении кружился по священному островку.

Наступала седьмая ночь со дня смерти Великого Нойды. В эту ночь, он как дух считался особенно сильным и должен был войти в свое тело.

Молодой нойда решил в эту ночь вызвать духа реки, чтобы усилить приход добычи. Днем на каждое выбитое изображение жерт-

венной скалы он раскладывал костяк рыбы, если перед ним было выбито изображение рыбы, или обмазывал кровью и салом изображение оленя.

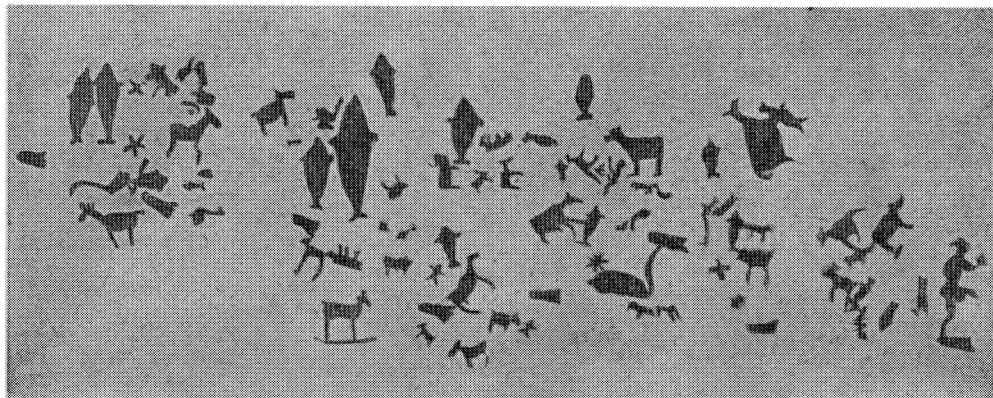
После долгой бессонницы, опьяненный настойкой мухомора, молодой нойда достиг состояния безумия — стояло ему подумать, что камень движется — и ему начинало казаться, будто он в действительности катится. Разбивая в кровь свои ноги о гранит, шаман видел оставляемый ими кровавый след, но боли никакой не чувствовал. Носясь вокруг костра, он обжигал свои босые ноги, до него доходил запах горящего мяса, но боли не было. Все это служило ему знаком, что он стал сильным нойдой.

Наступила седьмая ночь. Когда все новгородцы уснули тяжелым сном измученных, полуголодных людей, Иванко на легкой лодочке, им самим выдолбленной из осины, тайком стал пробираться к священному островку. Не раз он замирал в тени свесившихся полуподмытых кустов, таясь от лопарей, которые бесшумно скользили по тихой реке, добывая острогами жирных рыб. Необычайно высокое половецье, державшее сельдь далеко в море, подмыло часть берега; землю увесло, а крепкий дерн местами свесился к воде. Под одним из этих кусков дерна и спрятался Иванко.

Вперед, на священной скале, он видел разложенные жертвы. Иванко, скорчившись в лодке, обдумывал, как украсть у нойдов их бубны и тем самым обезвредить колдунов. Ведь, без бубна они теряли свою силу!

Великий Нойда был погребен сидя, с головой, положенной на колени.

Часть петроглифов „Бесовы Следки“ в очень сильно уменьшенном виде.

Но как это сделать? Перед отъездом Иванко велел своему младшему брату Алешке утром сообщить братьям наказ—немедленно с сетями ехать к Бесовым Островкам. Спрятавшись под навесом дерна, замеченным уже в утро неудачного нападения, Иванко решил переждать темную часть ночи—время, когда нойды обыкновенно колдуют.

Северная ночь весной никогда не бывает беззвучной. Десятки разнообразных голосов, при кажущейся пустынности, бьют все время слух. Вся природа окрашивается в какие-то блекло-тусклые тона, которые при резке, до черноты очерченных контурах, действуют особо напряженно на нервы любого человека. В это-то время года и начинаются икоты, нервные припадки и галлюцинации, такие характерные для жителей крайнего севера без различия племени.

Где-то вблизи стал тихо гудеть бубен. Сквозь корни Иванко увидел молодого нойду, по одежде которого гремели, бренчали и звенели какие-то навески, а на голове выселись рога с пучками высохших шкурок змей. Из стиснутых зубов вырывались пронзительные, хриплые крики. Все сильнее и сильнее содрогалось тело нойды, бубен зазвучал особенно резко, ноги начали подкидывать в воздух напряженно вытянутое тело.

Вступив на жертвенную скалу, нойда заметался взад и вперед, вдоль одной линии от края до края. Вдруг его бубен резко загремел и шаман с воплем грохнулся лицом на скалу. Затем встал, но на этот раз, носясь по той же линии, ни разу не достиг ближнего к Иванке конца скалы. Новый вопль и падение ниц, затем опять та же пляска по все более укорочивающейся линии. Так он падал шесть раз, затем закружился, делая вокруг чего-то бубном круги. Иванко скорее догадался, чем увидел, что колдун вертится вокруг изображения беса.

Уже светлел горизонт, когда нойда упал лицом на скалу и неистово завопил, царапая скалу руками и голыми ногами. Его голос стал прерываться, перешел в тихий шопот и, наконец, бормотанье, то умолкавшее, то вновь возобновлявшееся, все тише и слабее... Незаметно он замолк.

У Иванки, следившего за колдуном, уже давно кружилась голова и немеело тело. Как зачарованный, глядел он на беснование; хотел, но не мог оторвать глаз от жуткого зрелища. Когда нойда впал в транс, а затем в бесчувствие, Иванко, по испытанному русскому обычаю, окунул голову в весеннюю воду. Это сразу его отрезвило.

Он медленно вполз на священную скалу и ящерицей заскользил между разрозненными жертвами, удивляясь, как мог нойда в своих метаниях не сдвинуть ни одной кости. Ползя по скале по линии, где носился нойда, он увидел, что шаман метался вдоль полосы следов то правой, то левой ноги. Перед каждым из следов нойда падал и затем уже не подступал к ним. Шесть следов и шесть раз падал шаман. Стало понятным, что он вызывал духа и заставлял его двигаться к выбитому его изображению. Вспомнил Иванко один случай из своей жизни. Когда-то у него от удара болела рука, карельский колдун велел ему потереть больное место суком дерева. Обведя затем несколько раз ножом вокруг сука, колдун сказал: «Ну, теперь никуда твоя болезнь не уйдет из сука, мои круги не пустят ее на волю». Наверное и нойда заманил духа в его изображение, закружил его волшебными кругами бубна и требовал от него нужной помощи.

Иванко пополз к шаману. Тот лежал бледный, с закрытыми глазами и, казалось, не дышал. Только жилы на его висках, надутые и почти черные, быстро-быстро дрожали. Осторожно прикоснулся Иванко к бубну. Ничего не случилось! Он взял его в руки, рассматривая рисунки, сделанные кровью. Чего было в нем страшного? Иванко подошел к самому краю воды и с силой толкнул бубен в воду. Струя реки подхватила, закружила, и вскоре бубен исчез в кипящей пене. Сила нойды пропала и пропала так легко, так просто.

Осталась еще сила нойды в его короне—рогатой шаманской шапке. Осторожно, постепенно снял Иванко тяжелую шапку, выпиленную из черепа с оленьими рогами, и украшенную многими десятками высох-

ших шкурок змей. Посмотрел на шамана. Тот попрежнему лежал без чувств, недвижимый...

Где-то невдалеке раздался дикий вопль, за ним другой, третий, потом еще и еще... Это кричали лопари, только что вставшие на промысел. Высившаяся на жертвенной скале фигура новгородца с шаманской короной в руках казалась им призраком Великого Духа.

Молодой нойда раскрыл глаза. Устало поднял мертвенно-бледную голову, потухшие глаза уставились на врага, державшего его шаманскую шапку.. Нойда через силу вскочил на ноги. Испуганный рев десятка лопарей прорезали слова: «Гибель нам, люди! Гибель!» В несколько прыжков нойда достиг скалы, на которой тысячи лет колдовали его предки... Обернувшись, взглянул еще раз на тесно сбившихся в кучку лопарей и кинулся в грохочущий водоворот порога.

С соседних островков уже больше не неслись вопли. Лопари остолбенели, никто из них даже не двинулся. Разом, в минуту, погибло все: и тысячелетняя вера в особую силу святителя, и их единственная защита; ведь погиб нойда, их последний защитник от пришельцев. Больше помощи ниоткуда лопарям не было.

В гробовой тишине ушел Иванко вглубь острова. Набрел на шалаш Великого Нойды. Чуть ощутимый запах трупа и тучи жужжавших мух ясно говорили о его смерти. Островки были свободны от врагов. Самых лопарей Иванко, как истый новгородец, даже не считал за противников.

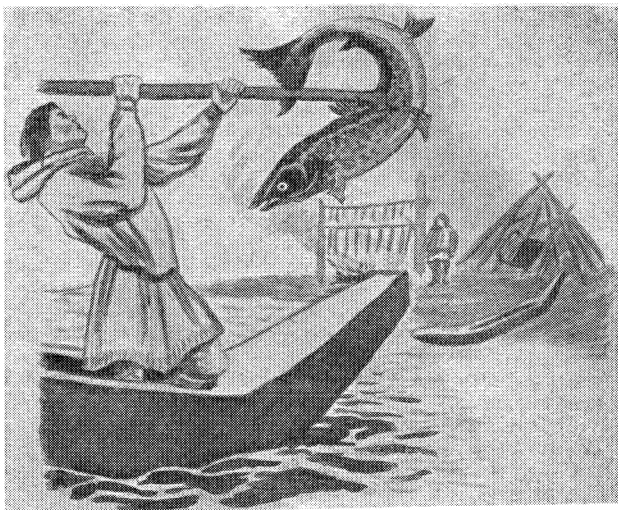
Он вернулся на жертвенную скалу. По-прежнему онемевшими виднелись фигуры несчастных лопарей. Вид Иванки как бы зачаровал их. Молча они следили за каждым его шагом. Ни у одного даже не мелькнула мысль о бегстве. Куда бежать? В лес? Но весной лопарям в лесу — смерть, одним глухарями не прожить.

Иванко обошел островок. Казалось ему обидным, что все так просто, так обыденно кончилось. Могущество святителя, подобно гнилому пню, рухнуло от одного прикосновения. Вся его таинственность, все страхи, все казалось простым и бессмысленным.

Вскоре пришли челны с новгородцами. Не вступая на священный островок, люди высаживались на другие и баграми, как тюленей, били беспомощных лопарей, даже не пытавшихся никуда спастись... Ведь все равно кругом была смерть, если не от багра, то от голода.

V.

На острове закипела работа. Послали гонца Никите, что островок взят Иванкой, что ждут его. Но Никита все еще под гнетом ужаса от виденного, назавсем промышлять, сам туда не поехал.

Лопарь острогой добывал рыбу.

Как то само собою случилось, что Иванко стал распорядиться. Никто против этого не возражал. Каждый тайком все еще не был уверен, пройдет ли им этот захват безнаказанно — страх перед Великим Духом пробивался сквозь православную оболочку. По другому думал Иванко. Он все брал на себя, уверенный, что все страхи один обман.

После перебитых лопарей, — лишь несколько человек спаслись, уйдя вилывь от новгородцев — на островках осталась запас сушеной и в ямах вяленой рыбы, а также много острог и трезубцев. Новгородцам было непривычно добывать рыбу острогами. Делали они много промахов, от которых гибли орудия и сам промысел казался чересчур медленным. В тот же день они стали ловить сетями.

Иванко придумал ловкое ухищрение. Часть рыбы, самой сильной и, следовательно, самой крупной, не заходила в «карман». Она шла против самого течения порога и потому уходила от промысла. Иванке пришла мысль протянуть одну сеть поперек течения от одного островка до берега. Длинные сети позволяли это сделать, но все затруднение было в том, что под напором воды сеть относилась сторону или вода ее рвала. Иванко велел братьям нарубить жердей, привязывать к нижнему концу каждой из них тяжелый камень, а к верхнему — большие куски коры от лиственницы, и осторожно опускать их в воду. Вскоре из воды вытянулся частокор; куски лиственницы служили поплавками, а камни удерживали жерди торчком. Не трудно было вдоль жердей натянуть сеть. Вся рыба, от чудовищно-крупной до молодняка, натываясь на сеть, шла вдоль ее стенки и заходила в «карман», откуда ей не было выхода. Легко понять, сколько рыбы добывалось в сутки.

По древнему обычаю всех промышленников, женщин на промысле не было. По-

этому часть мужчин весь день ездил взад и вперед, перевозя рыбу в становище. Там ее чистили. Между развешивали на солнце сушиться, крупную—солили в деревянных срубах. Никита, опираясь на палку, медленно бродил и хозяйским глазом определял цену. Уже через неделю оказалось, что рыбы хватит и на весь год, и на продажу.

Веселый Иванко не знал устал. Весь день носился он, повсюду попевая, всем помогая. Каждое слово его принималось за приказ и, привычные к послушанию, новгородцы безотговорочно спешили выполнять его волю. Никогда не чувствовал Иванко себя таким бодрым и счастливым—исполнились его мечты, в которых он засыпал, много раз избитый за свободолюбивый характер.

Теперь то она, свобода, и пришла к нему! И растущие запасы рыбы, благодаря отвоеванным им островкам, и покорность его сметке всех членов семьи—все это ободряло и придавало Иванке новые и новые силы.

Так прошло недели две. Новгородцы, отъевшиеся и утомленные напряженным трудом, уже потеряли прежнюю жадность к промыслу. Иванке приходилось их подгонять и понуждать к работе. Вскоре его дяди, один за другим, стали хмуриться и потихоньку шептаться.

Как то раз один из них тайком уехал к Никите в становище. Хитрый новгородец знал, чем поддаться властного Никиту. Долго шептался он с Большаком, пока у того не вздулись жилы на лбу. Но хозяйская расчетливость победила ярость и, дав строгий наказ, Никита отослал брата назад. Еще шло много рыбы, а запасы всегда пригodaются. Большак приказал всем пока-что подчиняться Иванке.

На следующий день, ничего не знавший и не замечавший Иванко стал опять выгонять всех на промысел. Не мало насмешливых и злобных взглядов кидалось в его стороны. Надвигалась гроза.

Еще неделю проработали новгородцы, как наступил Николин день—праздник всех мореходов, а новгородцев в частности. Как раз в этот день особенно много в «карман» набилось рыбы и Иванко решил во что бы то ни стало работать. Это было уже прямым нарушением дедовских обычаев—работать в Николин день. Старшие новгородцы наотрез отказались и по этому случаю дали волю своему языку. Привыкший за три недели к послушанию, Иванко не остался в долгу и после долгой перепалки уехал с младшими на промысел.

Старшие немедленно отрядили гонцов к Никите обо всем случившемся.. Много неверного и ложного напутали дяди по дороге к Большаку.

Сердце Никиты не выдержало—нарушение дедовых обычаев было важнее наживы. Да и к тому уж не один день билась мыслишка, что все кладовые битком набиты и деть добычу больше некуда. Все равно была пора уже кончать промысел. Упустить же Иванке вину за несоблюдение святыни, отчего может быть прогневаются Никола и пошлет беды—было для Никиты невыгодным во всех отношениях. Участь Иванки решила.

Ничего не подозревавший, возвратился Иванко с молодежью поздно вечером. На островке ярко горели костры и в громадных котлах кипела жирная семга. Медленно, не торопясь, направились приехавшие к шалахам. Иванко затаился, а товарищи по работе подхватили веселую плясовую. И было отчего веселиться—промысел в этот день был особенно обилен добычей.

Сведенные брови Никиты сошлись одна к другой. В руке судорожно затрясся его батоги, братья Никиты лукаво переглянулись. Будет Иванке сегодня праздник!

Беззаботно горланя песню, подошел Иванко к группе старших, те молча расступились.. и сильный удар по ногам повалил Иванку на землю. Над ним, с перекошенным от ярости лицом, стоял Никита. Палка, свистнув в воздухе, опять опустилась на Иванку. Тот онемел. Веселые три недели промысла не увязывались с неожиданным и совершенно незаслуженным позором.

— Что, щенок, больно рано воеводишь? Старшими в роду помыкать стада, а деды порядки рушишь.. Насупротив обычаев плешь и других тому учишь?.. Праздники господни, на радость бесам, сокрушать думаешь?!

И удар за ударом, куда попадо, падали на Иванку, дрожащая молодежь опустила глаза, а у дядей под усами кривились радостные улыбки— вот тебе и воевода Иванко!

Когда, наконец, еще не окрепшая от болезни рука Никиты устала полосовать Иванкино тело, тот убежал, и как раненый зверь забился в самый дальний от костров конец островка. К шуму порога прибавились новые звуки—это рыдал Иванко о прошедших трех неделях промысла. Они ушли безвозвратно, старое опять вступило в жизнь.. Сколько же хозяев опять будет помыкать им упрямо, туго и настойчиво..

Иванко лежал в ущельи, болело жестоко избитое тело и ныла непоощаженная голова. И думалось Иванке—сколько будет ему еще впереди обид и боли, сколько еще раз в жизни придется испытать эти удары, пока они в конце концов с годами не разобьют его характера, не исковеркают воли и не подчинят той жизни, которой жили отцы, деды, прадеды..

Роман Ж. ТУДУЗА

Иллюстрации Г. ФЭВРА

ОТ РЕДАКЦИИ. Ж. Тудуз считается теперь во Франции одним из самых популярных авторов „приключенческих романов“. Вот его последнее, только что закончившееся в Париже печатанием, произведение. Проникнутое духом французской романтики, оно дает несколько условную, но сильную и яркую картину жизни небольшой кучки отверженцев цивилизованного мира, объединившихся, как равноправные и крепкие люди, и создавших собственные законы общежития.

Часть I.

Без единой брызги, еще один, последний раз, погрузилась в воду лопасть весла. Найдя глубоко точку опоры, весло одним движением вытолкнуло каяк на песчаный берег, где киль лодки зашуршал по мелким галькам, перемешанным со льдом, и потом остановился недвижно.

Тогда мужчина встал, выпрямляясь со вздохом облегчения. Он бросил весло прямо перед собой, как поплавок, как орудие, ставшее, наконец, бесполезным после стольких часов гребли. Взгляд человека немного выше на берегу встретил сырую полосу водорослей, образовавшую бахрому по отлогому берегу: как раз начинался отлив... значит, можно было не привязывать лодку: она сама по себе очутится на сухом месте. Одним делом меньше. И, довольный, человек захихикал. Это был странный смех, сейчас же превратившийся в гримасу, потому что пол кожаными капюшоном, подбитым мехом, борода и усы, склеившиеся и замерзшие от дыхания, образовали кору.

Этот смех разрывал, разламывал точно иголки, затвердевшие волосы вместе с кожей.

От боли человек застонал. Он наклонился и кое-как собрал тюк, перевязанный веревкой, мешок для провизии, карабин, лыжи и охотничий нож, валявшийся у его ног в лодке. Потом, нагруженный, ворча, он прыгнул на берег и тяжелым шагом, переваливая бедрами, пошел вверх, к тропинке, извивавшейся в снегу между скалами крутого берега.

И сейчас же, за первым скалистым поворотом, перед ним показался дом. Странный дом, длинный и низкий, точно присевший и прижавшийся в углублении естественной стены, возвышавшейся над ним и защищавшей его. Укрытый таким образом дом не должен был бояться ни порывов морского ветра, ни цунами буруна в дурные дни, ни снеговых обвалов с соседней горы. Поистине хороший дом, с окошечками в виде судовых иллюминаторов, с массивной дверью, со стенами из дерева выброшенных обломков кораблей, с пока-

той крышей и дымящейся трубой... Приятное убежище после скитаний по снеговым полям.

Человек снова засмеялся, но на этот раз только глазами, потому что кожа его щек еще кровоточила от прежнего смеха. Он ускорил шаг и одним усилием добрался до дверей. Тут он прислушался.

Доносилось пение, полуглушенное плотностью деревянной стены, поставленной вдвойне из боязни холода, кругляк на кругляк, с заполненными землей пространствами между ними. Мелодия медленная, монотонная, тянущаяся, как рокот прялки. Пришедший пожал плечами, поднял кулак в рукавице и постучал в дверь.

— Нарутча! Нарутча!

Мелодия продолжалась. Тогда подкованный железом сапог заменил кулак.

— Нарутча! Открой мне...

Внутри пение прекратилось, точно переломленное пополам. Послышалось суетливое топотание, потом скрип железа и крюков; двойная тяжелая дверь открылась. И в этой двери появилось лицо, желтое, точно вымазанное жиром, с коротким лбом и двумя черными сальными косами, болтающимися на меховой одежде, испещренной красными и зелеными четырехугольниками. Тело, поддерживавшее эту голову, терлось в одежде со спускавшимися длинными рукавами; короткие ноги были засунуты в вальные сапоги; большое сходство с обезьяной, с животным, скрывающим хитрость за смущением, слишком заметным, чтобы не быть искусственным.

Проходя со всем своим грузом, охотник еще шире раскрыл дверь, опрокидывая все на своем ходу. Потом тяжело сбросил на пол мешок, лыжи, тюк, поставил к стене карабин и потянулся, сразу же охваченный жаром раскаленной печи.

— Как хорошо вернуться домой!

Руки терли, смягчали замерзшую бороду и усы. Рот вдыхал теплый воздух.

С опущенной головой, но не отводя глаз от пришедшего, эскимоска заперла дверь, потом скользящей походкой хищного зверя вернулась в угол, где, сидя на корточках, снова принялась чинить разорванную сеть.

Человек обратился к женщине, сидевшей над своей сетью, точно паук в паутине:

— Как? Ты одна? Редкий случай... Где же старый Пов?...

Эскимоска подбородком указала на незаметную дверь в глубине комнаты. На этот раз человек откровенно рассмеялся.

— Ах, скаред! Считает свои сокровища... А другой? Любимчик старика? Ты не понимаешь? Где Марк, спрашиваю я тебя...

Снова женщина молча указала подбородком вглубь комнаты. Тогда охотник окинул взглядом все помещение и пошел к эскимоске:

— Так ты сторожишь сейчас, Нарутча? Что нового?

При его приближении женщина вся свежлась, собралась в комок, как готовый к защите дикий зверь.

— Как, ничего нового? За две недели?

Женщина была теперь темным, сжавшимся в комок гномом, Голова, ушедшая в плечи, отвечала прерывистыми толчками: — нет, нет, нет.

Мужчина слишком близко наклонился к женщине и пять пощечин, попавших ему по глазам, заставили его отскочить назад и с проклятием поднять в ответ кулаки.

— Ты что это, Вербек? — в то же мгновение за его спиной произнес спокойный голос, голос хозяина.

Человек смущенно оглянулся на старика, так бесшумно вынырнувшего из двери в глубине комнаты.

— А! Это ты, Иов!.. Здравствуй, Иов!

— Здравствуй!

Не глядя на Вербека, Пов подошел к шкафу, вынул из него книгу для записей, перо, бросил все это на стол, сел и произнес:

— Так как же твоё двухнедельное путешествие?

— Окончено, начальник, — торопливо заговорил Вербек. — Один песец... Не особенно жирный... один тюлень... небольшой тюлень.

Старик возмущенно выпрямился:

— За две недели охоты?

— Я расскажу тебе, начальник, я расскажу тебе...

Вербек совсем растерялся и пробормотал:

— Я... Я... сломал свой гарпун...

— Опять! — свирепо крикнул Иов. — Четвертый за два месяца! Мне за шестьдесят лет, а я никогда не видел такого сокрушителя, как ты...

— Но...

— Если бы товарищи хоть немного походили на тебя, хороши были бы дела Лагера Береговых Братьев.

— Начальник...

— Довольно, дрянь ты этакая.

Тут Вербек возмущился:

— Я сломал гарпун, это правда. Твое дело начальника не быть довольным мною. Но ты должен разговаривать вежливо, как с Джимом Беннетом, которого ты боишься... или, как с Марком, к которому ты благоволишь, потому что он француз, как ты сам.

Перед самым носом Вербека вдруг очутился револьвер и старик коротко приказал:

— Молчи! И чтобы это было в последний раз...

Уже укрощенный Вербек склонялся под суровым взглядом Пова.

— Молчи, — повторил тот, — теперь я говорю. Когда два года назад ты появился здесь полуголый, умирающий от голода, мы подобрали, согрели, спасли тебя. Тебя ни о чем не спрашивали — ни откуда ты пришел, ни почему бежал с родины.

— Но я расскажу тебе...

— Нет! Тут по правду ничего ни у кого не спрашивают. Ты заявил тогда, что хочешь воюги в нашу республику свободных китоловов, собравшихся здесь, в этом далеком углу Гренландии, чтобы жить без жан-

дармов, без повелителей, по закону, который мы сами себе создали. Я, начальник, выбранный общей волей, прочел тебе все статьи нашего закона и ты принял его. Тогда тебя назвали нашим братом. Тебе дали оружие, запасы провизии, одежду, сети, снаряжение, лодку, чтобы ты мог работать вместе с нами. А в этом запечатанном шкафу, который находится в моем ведении, спрятана твоя часть консервов и наштков, которыми нас снабжает каждые шесть месяцев капитан брига контрабандистов в обмен на нашу добычу... Так чего же ты, фландец, рычишь на меня, как зверь, когда я говорю тебе то, что должен сказать?

— Я не сделаю этого больше, начальник,— произнес, опустив голову, охотник.

— Так все забыто... Только, чтобы вперед этого не было! Да вот еще трое наших возвращаются.

В широко открытую дверь вошли три человеческие фигуры, закутанные в меха, нагруженные мешками, лыжами, ружьями и гарпунами. А возле дома резкий голос Нарутчи и удары хлыста усмиряли хор собачьих голосов.

— Двери! Нарутча, двери!— рассерженно крикнул начальник.

Нарутча уже была в комнате и закрывала двери.

Пришедшие вылезали из мехов, из кожаных одежд, потом устало опускались на табуреты.

Иов склонился над своей книгой и, не поднимая головы, крикнул:

— Марк! Иди сюда!

Скрипнула в глубине дверь:

— Я тут, начальник.

— Олаф Норвежец, иди сюда,— приказывал начальник.

К столу подошел высокий худой человек, с суровым профилем и веснучатым лицом под светлыми волосами.

— У меня всего плохонькая шкура тюленя-сосунка... мать нырнула, мне достался только малыш... еще пара зайцев и песец...

Иов записывал и ворчал:

— Жидко... Марк, забирай... в чулан. Следующий: Борнхольм Датчанин!

Другой высокий и худой человек подошел и записывающе заговорил:

— Вот, начальник... Три моржа, моржовая шкура, две тюленьи шкуры и чудесная полярная лисица...

Не дожидаясь, чтобы произнесли его имя, канадец Руперт, маленький и приземистый, горделиво раскидывал медвежью шкуру.

Береговые Братья вошли в хижину.

— Этот голубчик стоит мне 5 выстрелов из карабина. А теперь, Иов, дай-ка вышить. Эти слова всколыхнули всех. Охотники окружили стол.

— У меня язык дупится!

— А я так просто подыхаю.

— Пить!

— Тише!— крикнул Иов.

Он обвел взглядом окруживших его людей, потом нахмурил брови и как настоящий начальник, понявший, что на этот раз надо уступить, произнес

— Ну, будь по-вашему, выпьем.

Тотчас же раскатились крики:

— Ура, Иов! Ура!

Старик усмехнулся.

— Достань вышивку, Марк, сын мой. По бутылке на человека.

Четверо людей пили с жадностью, точно потребность в алкоголе мучила их уже долгие часы.

Марк вытащил из печи головню, залез на стол и зажег фонарь, спускавшийся с потолка на проволоке. Нефоновый свет упал на листы книги, на которых Иов показывал свое искусство, и в комнате заколыхались большие тени.

Иов обратился к охотникам:

— Я обязан сказать вам... чтобы вы были в курсе дела... Марк, Нарутча и я чистили, приводили тут все в порядок, пока вы были на охоте и...

— И в этот день не было больше никаких событий...

Эта классическая формула судовых записей, произнесенная хором, застала старика врасплох.

— Ах, шутники! — засмеялся он. — Не можете вы быть серьезными.

В это мгновение дверь широко раскрылась и в рамке ее появился высокий, лохматый силуэт, весь сверкающий от снега и инея.

— Привет всем! — и Джим Беннет вошел.

За его спиной Нарутча уже закрывала дверь. Потом, преданно и почтительно склоняясь, она стала возиться с пряжками и застежками его полярного одеяния. Совершенно равнодушный к ее услугам, Джим Беннет срывал с себя одну за другой части одежды и бросал их куда попало. Эскимоска ползала вокруг него на четвереньках, вертелась с движениями обезьяны, прислуживая ему с каким-то благоговением.

— Как дела? — обратился к нему Иов.

— Я убыл кпта.

Ответом был общий взрыв восторга. Кпта! Он убыл кпта! Ну, и храбрец! Ну, и охотник! — Кпт будет тонн в сто, — удостоил похвалить Беннет.

Тут настроение поднялось еще. Посыпались вопросы, которые Беннет удостоивал более или менее подробными ответами. Он говорил отрывистыми, проницательными фразами, награждая по временам суетившуюся возле него Нарутчу шутливыми ударами кулака.

Джима Беннета забавляло обожание эскимоски. Нарутча была для него рабой и чем-то вроде собаки. До появления Беннета в лагере Береговые Братья жили одни, по очереди оставаясь дома и делая всю уборку. Но Беннет отправился в эскимосскую деревню милах в тридцати от их жилища и наполовину жестами, наполовину словами объяснил, что хочет купить женщину. Сначала недоверчивый, потом соблазненный подарками, предводитель хотел было отдать ему Нарутчу, но родные запротестовали и стали угрожать. Предводитель взял назад свое слово, сохраняя подарки. Тогда Беннет, которому надоела эта возня, грубо схватил Нарутчу, и, не обращая внимания на ее крики, бросил ее в сани и увез. Рассвирепевшее племя бросилось в погоню, но тяжеловесный американец, презирая легкую победу с помощью карабина, избивал кулаками самых сильных, и отправил в край вечного сна отца и братьев Нарутчи. Укрепленные стариком племенем согласились, наконец, на сделку. Беннет увез эскимоску в лагерь, где их встретили шумными приветствиями и смехом. И с тех пор Нарутча стала исполнять всю домашнюю работу.

И сейчас Нарутча доставала одежду и снаряжение Беннета и присела у его ног, глядя на него с каким-то рабским обожанием.

— Дети мои, — сказал Иов, — по нашему закону поимка кита празднуется двойной порцией вина. Марк, достань бутылки, сын мой...

Дикие крики, пьяный вой наполняли комнату. Жар очага и алкоголь туманили головы людям, две недели скитавшимся по морозу и на ветру. Беннет задира Марка и француз замахнулся на него бутылкой. Нарутча сейчас же бросилась между ними, прикрывая своим телом охотника. Беннет со смехом оттолкнул женщину.

Иов знал, что теперь бесцельно призывать к благоразумию. Он послал Марка закрыть ставни, а сам с философским видом делал маленькие глотки из своей бутылки.

Когда Марк вернулся, он крикнул:

— Море выкинуло на берег большую белую лодку.

Слова эти сразу прекратили оргию: лодка!

— Все на берег, — приказал Иов.

Толкаясь и переругиваясь, охотники бежали к морю. На тихой воде залива покачивалась длинная белая лодка. Марк вскочил в свой каюк, сделал несколько взмахов веслами и очутился возле лодки.

— Люди! — крикнул он. — В лодке люди!

На помощь Марку подоспели Вербек и Олаф и общими силами вытащили лодку на берег.

На этот раз не было больше криков. Охотники подхватили неподвижные тела и бегом унесли их к хижине. Иов, Беннет и Борнхольм молча шли сзади.

Два человеческих тука были брошены в хижину на пол. меховую одежду их разрезали ножами и в одной оказалась человек лет тридцати в костюме моряка. Иов снял шапку перед мертвецом.

— Это моряк, братцы... Вынесите его. Мы похороним его завтра в море, так, как хоронят моряков.

Беннет и Олаф унесли мертвое тело.

— Женщина! Женщина! — раздалось в это время крики. — И еще дышит...

Иов быстро обернулся к охотникам, которые стояли на коленях, освобождая от меховых одежд молодую женщину с красивым, очень правильным лицом. Огрубевшие ладони с силой растирали утопленницу и она стала приходить в себя. В чулане наспех устроили из мехов ложе и уложили женщину, укутав ее потеплее. В это время в общую комнату вернулся Беннет и Олаф. Олаф бросил на стол бумажник.

— Вот, что я нашел в карманах утопленника, — произнес он.

Вербек раскрыл бумажник, извлек из него какие-то документы и принялся вслух разбирать;

— Доктор... Франк... «Онтарิโอ»...

Беннет вскочил на ноги:

— «Онтарно», — крикнул он, — где говорится про «Онтарно»?

— Да мы с Вербеком читаем документы умершего, — спокойно ответил Олаф. — Вот еще и бутылка. Я нашел ее в лодке. В ней тоже, должно быть, какие-нибудь бумаги...

Джим Беннет резким движением вырвал из рук Олафа бутылку и разбил ее об угол стола. Из осколков выкатилась скатанная бумага и Беннет торопливо разложил ее на столе. Он читал, сдвинув брови и сжав зубы. Потом взглянул на товарищью и громко расхохотался:

— Как поживает принцесса?

Потом протянул Нову бумагу:

— Вот, читай, старик. да читай вслух...

Нов поправил очки. взял бумагу и стал читать с трудом разбирая:

— Папа, милый, ты уже не увидишь меня живой... Шлоучий лед сомкнулся между яхтой и нами. Ледяная гора перевернулась и сбросила в море Джэка и Шельдона. Со мной один раненый доктор Франк. Течение несет нас к северу... Холод сковывает нас. Я умираю. Кетти.

— Ты забываешь адрес, — насмешливо произнес Беннет.

Старик поправил очки, поискал и прочел:

— Тот, кто найдет эту бутылку, передаст письмо Джемсу Макдональду, на его яхте «Онтарิโอ».

Тут поднялись такие крики, что Марк испугался, что они разбудят женщину, спавшую рядом в чулане.

Макдональд! «Онтарิโอ»! Король китоловного флота, миллиардер, построивший себе эту роскошную яхту «Онтарิโอ», чтобы охотиться в полярных морях и в тоже время наблюдать за своим китоловным флотом. Кто не знает эксцентричностей Макдональда из Балтийской, страстно влюбленного в Полярный Круг? Так эта красавица — дочь Макдональда!

Нов окинул взглядом охотников. Потом приказал вполголоса:

— Молчите: теперь здесь больница. Надо этой женщине дать прийти в себя. А вы все наработались и вам пора спать. А я останусь здесь. Мне надо закончить запись.

Охотники попробовали было протестовать. Слишком много было впечатлений, чтобы теперь расходиться по своим хижинам. Но Нов был непоколебим:

— Нет. Я достаточно на вас посмотрелся. Поторапливайтесь... Спокойной ночи.

Тон был таков, что никто не возражал. Охотники собрали свои пожитки и стали выходить гуськом, опустив головы. Старик закрыл за ними двойные двери и заложил засовы.

— Нарутча, — сказал он эскимоске, — иди в чулан и постели себе там постель. Если женщина, которая там спит, проснется, позови меня.

Нарутча молча закрыла дверь в чулан и проскользнула в нее.

Нов облегченно вздохнул. Он зажег трубку, поудобнее уселся и принялся рассуждать вслух.

— Парни-то они все не плохие. Только с ними нельзя ошибиться, не то пойдет музыка! А вот теперь еще эта история! Если бы Макдональд знал, что его дочь с нами. Ну, что ж, надо записывать.

Нов повел пальцем по строкам в книге записей:

— Суббота, 11 мая.. Туман.. Термометр... Барометр... Вот... Возвращение с охоты... Шкуры... Кит Беннета.

Перо скрипело, заноса:

— В 6 ч. 20 м. нашли лодку с двумя телами. И... в этот день других происшествий не было...

Часть II.

На следующее утро в общую хижину первым пришел американец Джим Беннет.

— Начальник...

Не оборачиваясь и подчеркивая деланное равнодушие, Нов отозвался:

Марк замахнулся на Беннета.

Кетти появилась в черной рамке дверей.

— А?

— Я хотел бы поговорить с тобой... Объяснить тебе... секретно...

— Ты забываешь наши законы. Здесь не рассказывают секретов на ухо. А я тут для того, чтобы заставить уважать этот закон.

Американец заговорил с необычной для него мягкостью:

— Начальник, я хочу поговорить с тобой... уверяю тебя, что так было бы лучше...

— Ты хочешь говорить? Так ты будешь говорить сейчас перед всеми.

Иов поднес к губам свисток и три резких ноты разнеслись и разбудили эхо прибрежных скал. Охотники в своих островерхих хижинах, расположенных полукругом в снежной долине, как будто только и ждали этого сигнала. Первый во весь голос крикнул Руперт:

— Собрание! Собрание! На собрание!

Все сбегались, спрашивая друг друга:

— Со ранне? В чем дело?

Не обращая внимания на гневное выражение лица Беннета, Иов объявил:

— Товарищи, Береговые Братья, Джим Беннет хочет нам сообщить что-то секрет-

ное из своей жизни. Мы слушаем его.

— Слушаем! — отозвалось пять голосов.

Иов указал на ясное небо, на залив, где на затихшей воде не было ряби:

— Совет соберется на воздухе. Идемте.

Возле дома была скамья, устроенная из большого бревна. Иов уселся на нее, торжественный, как судья древних времен. Остальные устроились вокруг него на выступах скал.

— Джим Беннет, мы слушаем тебя, — произнес Иов, кутаясь в тяжелую медвежью шубу.

— Ты требуешь, чтобы я говорил при всех? Ну, что же, я буду говорить... Тем хуже, если это вам будет не по вкусу..

Джим Беннет помолчал мгновение и решительно произнес:

— Женщина, которую вчера прибило к берегу, принадлежит мне.

Все вскочили с одним и тем же криком:

— Почему же?

— Потому, что эту женщину зовут Кетти Макдональд, а Кетти Макдональд принадлежит мне.

— Она твоя жена? — спросил Иов.

— Нет.

— Невеста?

— Нет. Но я имею все права на ее жизнь.

— Каким образом?

— Это мое дело и не кас-

ается никого. Я беру эту женщину и ухажу с ней от вас.

— Джим Беннет, — холодно произнес Иов, — у нас есть свои законы и ты им подчиняешься, как и все остальные. Эта женщина была выброшена к нам морем, а то, что выбрасывает море, принадлежит всем сообща.

Раздался ропот одобрения и старик закончил:

— За работу, ребята. Совет окончен. Мы и так потеряли достаточно времени попустому.

Не успел Иов договорить, как дверь хижины медленно и широко раскрылась и в ней показалась женщина...

Она стояла, подняв голову со спутанными белокурыми волосами. Лицо ее было очень бледно. Мигая глазами, она смотрела на стоящих кругом мужчин, потом голова ее склонилась набок, глаза закрылись, и женщина упала.

Но ее налету подхватили Иов и Марк. Охотники засуетились. Олаф припес соломенное кресло старого Иова, Руперт — медвежью шкуру.

Марк держал пульс девушки, которая стала медленно приходить в себя. Она сделала усилие и произнесла дрожащими губами:

— Где... я?

— Вы у нас,—по знаку Марка ответил Нов,—вы можете быть спокойны...

— Но кто же вы?—испуганно вскрикнула Кетти.—Говорите... объясните мне. Я была больна?

Марк пробовал ее успокоить.

— Да нет же... просто несчастный случай... Вы же помните, вы были на море...

— Да, да, спасибо,—Кетти выпрямилась.— Но где же доктор Франк? Он был рядом со мной в лодке... Отец не хотел, чтобы я ехала... Охота. Этот раненый морж, который напал на нас... из четырех три весла разбиты... Джемс ранен... Шельдон упал в воду... ах, ужасно, ужасно!

Марк склонился над девушкой и старался ее успокоить. Вдруг Беннет бросился вперед и, отталкивая Марка и Нова, крикнул:

— Здравствуй, Кетти!

Девушка вскочила на ноги и крик ее был воплем ужаса:

— Джим Беннет!

Американец расхохотался и в смехе его звучало торжество:

— Что! молодцы? я вам не солгал... Вы видите, что я ей хорошо знаком...

Девушка задыхалась и глаза ее расширились от неопишемого ужаса:

— Это невозможно! Это неправда!

Девушку трясло, как в лихорадке.

— Не мучь ты ее, Беннет,—сказал старший Иов.

— Это касается только нас с ней,—Джим наклонился к девушке.— Послушай, малютка, ты, ведь, умела быть милой со мной там, на судне твоего отца, помнишь? Вначале, когда мы любили друг друга...

Беннет еще ниже наклонился к лицу Кетти, но в это время чьи-то руки схватили его сзади. Беннет злобно обернулся и увидел Нарутчу. Глаза эскимоски сверкали, лицо исказили ненависть и ревность.

— Еще только этого не хватало!—Джим ударил Нарутчу кулаком так сильно, что она отлетела в сторону.

— Ах ты!—угрожающе крикнул эскимоске Беннет.

— Нужно сейчас же кончить все это,—повелительно заявил Нов,—Беннет говорит, что у него есть права на жизнь этой женщины. Он скажет нам, что это за права.

— Нет.

— Да. Тут же и сейчас! Говори,—приказал старик.

Китолов глубоко втянул воздух и, покоряясь, начал хрипатым голосом:

— Ну, так вот. Послушай-ка, Кетти, расскажи им, как твой отец привел тебя на «Онтарио». Когда я тебя увидел, я уже пятнадцать лет служил у твоего

отца. Пятнадцать лет жизни во льдах, на холоде среди снега, бурь и тумана... Так вот, когда она пришла к нам, отец, который гордился ею и исполнил все ее капризы, поручил ее мне, потому что ей взбрело в голову поучиться нашей ловле, у нас, охотников за жиром... Надо вам сказать, что Макдональд меня отличал; я обогащал этого человека. Он взял меня, на свое собственное судно, на «Онтарио», и все повышал меня. Я думал только о своей службе, никто не мог сказать про меня дурное слово. Но когда я увидел ее, я изменился, потому что с первого же взгляда полюбил ее...

Кетти сидела отвернувшись и в светлых глазах ее был ужас.

— Она не отрицает,—шепнул Олаф Руперту.

— Это дает ему права,—ответил Руперт.

— Помнишь, Кетти,—продолжал Джим,—как я пришел к твоему отцу и сказал ему, что люблю тебя? Ты была тут же... Твой отец приказал мне выйти. Он оскорбил меня, угрожал, что закует меня в кандалы.

На этот раз в кругу охотников раздалось ворчанье. Дело становилось серьезным и симпатии снова переходили на сторону Беннета.

— Конечно,—продолжал тот,—я притворился, что покоряюсь. Но я следил за тобой, Кетти, я искал случая поговорить с тобой наедине. И вот, как-то раз вечером я обнял тебя... помнишь, Кетти?—Джим указал на шрам на своей щеке.—Это удар твоего кнута для собак. Я знаю, что след от него останется до самой моей смерти. Ты бы дорого заплатила мне за это... Но ты закричала, сбежались люди. Я выхватил револьвер...

— Убийца!—крикнула Кетти.

— Я уложил двоих. Но меня обезоружили, заковали и сдали на ближайший американский пост.

— Ты был приговорен к смерти,—крикнула Кетти.

Человек всмехнулся:

— Ты принадлежишь мне,—сказал Беннет.

— Да, только накануне казни я бежал. За мной по следу побежала целая свора. Наконец, я нашел хороших молодчиков, которые поклялись, что видели, как я утонул. Я умер... официально. А для папаша и дочка кончился кошмар. Что, Кетти, ты не ожидала этой встречи? Теперь мы почитаемся с тобой...

— Мне вся эта история надоела, — прерывая Джима вмешался старый Иов. — Поняли вы? Я приказываю: довольно!

Лица охотников насупились, но Иов продолжал, не обращая на них внимания:

— Мы живем здесь по закону, который создали себе сами и обязаны ему подчиняться. Вот какая есть в этом законе статья: «Если в лагерь попадет женщина, не имеющая мужа, она должна будет принять того мужа, которого ей назначит Совет в своем собрании».

Кетти вскочила с криком ужаса, но Иов приказал:

— Да молчите же! Вас не спрашивают.

Марк в свою очередь хотел было возразить, но и его Иов заставил замолчать.

— Нет. Это дело решенное. Один из нас будет мужем этой женщины. Надо только решить, кто...

Руперт встал и язвительно заметил:

— Но, начальник, наш закон, ведь, говорит, что нужно бросать жребий. Так не будет спор...

— Да! да! да!

Поднявшиеся крики заглушили стоны Кетти, закрывшей лицо руками.

Начальник торжественно провозгласил:

— По приказу Совета Береговых Братьев мы кинем жребий.

— Ура! Ура! Ура!

— Мы напишем имена на этикетках от багажа? — спросил Руперт.

— Конечно, — сказал начальник.

Вербек сбегал в хижину и вернулся с чернилами, паром и пакетиком этикеток.

— Пиши сам, старик, ты привычный...

Иов уселся на скалу, положил на колени доску.

— Я пишу, — сказал он, — вот Беннет... Олаф...

— Не забудь и себя, старик, — заметил Руперт.

— Будь спокоен, — весело отозвался Иов. — Руперт... Вербек... Вот, я кончил.

Он показал кусочки бумаги, разложенной веером.

— Семь, — сказал он. — Вот, я мешаю их. Пересчитаем еще раз. Так... Кто же будет тянуть?

— Ты, начальник, ты самый старший, — сказал Руперт.

— Нет, Марк, он самый молодой.

Иов терял терпение.

— Да, сговаривайтесь скорее. Кто тянет?

— Я!

Все удивленно оглянулись. Кетти вскопала:

— Дело касается меня, значит, я сама могу тянуть свой жребий.

Все стояли в нерешимости, не зная, что сказать. Наконец, Иов пробормотал:

— Хорошо... если хотите...

Он протянул семь листков. Она сделала шаг вперед, медленно протянула руку и взяла листок. Потом перевернула его...

Часть III.

Кетти, готовая к борьбе, собирала всю свою энергию для последнего боя.

Иов очень спокойно, неторопливо, запер на засовы дверь. Потом попробовал заперы у окон и усталым шагом прошел к столу. Он весело подмигнул американке; потом вытащил из кармана семь листков и, смеясь, показал их ей. Он раскинул их веером на столе и, проведя по ним рукой, сказал:

— Иов. Иов. Иов. Семь раз Иов.

— Вы написали свое имя на всех листках, — гневно воскликнула девушка. — Но ведь это же гнусно!

Вдруг Иов хлопнул себя по лбу и спешно прошел к шкафу. Он отпер его ключом, вынул из него карабин и патроны... Кетти, следившая за ним, отшатнулась и прижалась спиной к стене.

Иов подошел к американке, протянул ей оружие и сказал:

— Только один совет: никогда не целитесь в голову, всегда в тело.

Кетти не смела протянуть руки, но Иов вложил ей в пальцы карабин.

— Так вы хотите меня спасти! — в сматенции воскликнула Кетти.

— Не кричите!

— Но объясните же мне... Я вас не понимаю...

— Да, ведь, это очень просто. До вас в нашем лагере было все спокойно. Теперь все волнуется. Нужно, чтобы вы ушли... да поскорее...

— Но я...

— Вы должны уйти. Мы собрались здесь, чтобы жить дружно, по подобию бродячих волков. У нас есть на это свои причины.

Американка кинула с дерзким презрением:

— Ваши преступления!

Он не обиделся, только пожал плечами.

— Бывают еще другие причины, которые стоят иной раз дороже, чем украсть или убить.

Она не поняла. И он вдруг резко заговорил:

— Мне нечего вам отдавать отчет. Но я могу вам сказать, что в свое время я честно служил во французском флоте. Я никогда не пролил ни капли крови. Никогда не брал ничего чужого... А между тем я тут и, если бы власти моей страны нашли меня, они посадили бы меня в тюрьму.

— Что же вы сделали? Дезертировали? Изменили?

Старик усмехнулся.

— Я — беспокойный человек. Я люблю справедливость и вот за это-то меня и наказали...

— Не понимаю, — Кетти сделала гримасу блатованного ребенка.

— Вы и не можете понять.

— Но почему?

— Почему? Вы слишком богаты и слишком счастливы. Но, во всяком случае, послушайте, что я вам скажу. Мы живем в этом углу вдали от людей и никому тут нет дела ни до наших мыслей, ни до нас самих. И вот врывается вы. Конечно, вы не виноваты, но моих бедных ребят это совсем выбило из колеи. Вот я и открываю вам дверь... Только вам нужно экипироваться в дорогу... Садитесь-ка к столу, я дам вам свою собственную посуду. Я, знаете, держу ее в чистоте...

Нов торопливо поставил на стол кусок медвежатины, сушеную рыбу и консервированное масло.

— Ешьте с аппетитом, — поучал он девушку, — чем морознее, тем больше нужно кормить зверя...

Вдруг в дверь постучали. Заглушенный голос произнес:

— Открой, начальник, это я... открой скорей...

— Это Марк, — проворчал Нов. — Что за спех?.. Не горит!..

Он открыл дверь. В нее быстро проскользнул боязливо оглядывавшийся Марк.

— Я пришел предупредить тебя, начальник... ты в опасности... они хотят тебя убить...

Старик нахмурил брови.

— Ты смеешься надо мной?

Француз поднял руку:

— Начальник, клянусь тебе!

Ты думал, что они послушались тебя, пошли работать? Да, они собрались возле кита, но для того, чтобы сговориться.

— Ты сошел сума...

— Они говорили, что жребий выпал так ловко, что можно думать, что ты этому помог. Беннет говорил, что ты лжец, изменник... Он говорил, что надо выбрать нового начальника...

— Его, конечно?

— Вероятно. Когда я увидел, к чему клонится дело, и когда они посадили Наручку на спину кита, чтобы она их предупредила, если ты спустишься к ним, я уполз на четвереньках и пришел тебе предупредить и сказать тебе, что если я могу пригодиться...

— Спасибо, сынок.

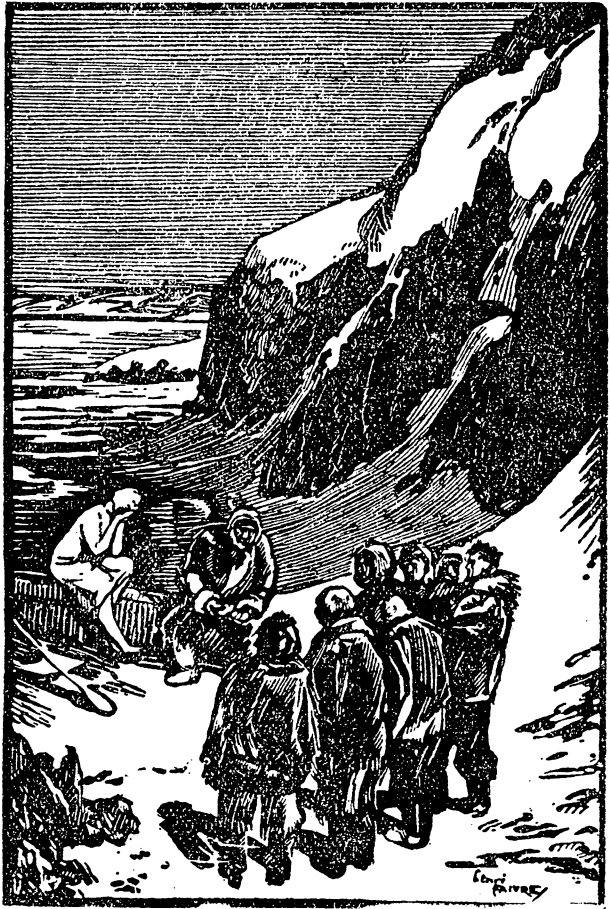
— Но, начальник, ты же понимаешь, это — возмущение... Они могут начать атаку каждую минуту.

— Я иду, — старик взял шапку и медвежью шубу.

— Куда? — в отчаянии воскликнула Кетти.

— Иду поговорить с этими людьми.

— Но это безумие! Вы рискуете жизнью, — в один голос воскликнули Марк и Кетти.

Кетти рыдала, пока советалась решало, кому она достанется в жены.

— Такой старый волк, как я? Пусть попробуют... Кричать, это они умеют. Но достаточно только мне на них посмотреть... Даже ваш Беннет не посмеет...

— Так я иду с вами, — выхватил свой нож Марк.

— Я тоже, — Кетти взяла в руки карабин.

— Глухие вы ребята, оставайтесь здесь. Я этого хочу. Там вы мне только мешаете, здесь — пригодитесь. Вы приготовьте здесь все для того, чтобы мы могли втроем уйти отсюда, оружие, продовольствие и одежду. Я сговорюсь с ними, а потом мы втроем отправимся на юг, искать ваше судно и вашего папашу. Они верно ищут вас где нибудь среди плывучих льдов.

Дверь закрылась за Новом. Марк и Кетти бросились к окну.

— Какой он храбрый, — шепнула Кетти.

— И неосторожный, — сказал Марк. — Он может укротить их, но может кончиться и иначе. Ему, пожалуй, придется бежать сюда, они бросятся за ним. Мое мнение, что не стоит его ждать здесь и очутиться мышами, загнанными в нору. Ваша лодка приведена в полный порядок и я поставил

ее в стороне. В силах ли вы сделать отчаянное усилие?

— Конечно, — храбро заявила девушка.

— Тогда слушайте. Наденьте эту медвежью шубу, эту шапку и возьмите карабин и патроны. Я забираю продовольствие. Мы выйдем отсюда так, чтобы никто нас не видел, и спустимся к вашей лодке. Вы съедете и выплывете в море. Сейчас отлив и вы без труда выберетесь из залива. А там гребите прямо на юг, не оглядываясь.

— Но вы же посидите со мной?

— Нет, я останусь. Я должен преградить им дорогу, если они кинутся вслед за вами, да, может быть, мне придется и Иову помочь...

Она хотела спорить. Он оборвал ее:

— Не нужно лишних слов!

Потом он достал из-под своей вязаной куртки черный потертый футляр.

— Возьмите и это с собой. Вам это может пригодиться...

Девушка машинально раскрыла футляр. В ящичке вряд были расположены флаконы, а на внутренней стороне крышки стояло золотыми буквами: «доктор Марк Дидиэ, парижского медицинского факультета», а рядом была сургучем прикреплена этикетка из грубого серого холста с надписью: «Заключенный исправительной тюрьмы в Кайенне, матрикул 63.052».

Кетти вся дрожала. Холодный пот выступил на висках Марка. В поспешности он забыл про проклятую надпись.

— Да, вы знаете теперь. Я — беглый каторжник.

— Ах, молчите, молчите, — Кетти в ужасе бросила футляр на стол.

— Нет, я хочу, чтобы вы меня выслушали. Я понимаю ваши чувства. Я понимаю ваше отвращение. Но выслушайте меня, чтобы вы могли сказать вашему отцу, что спасший вас человек — не преступник.

— Все каторжники всегда невинны, — иронически перебила она его. — Вы хотите, чтобы я поверила...

— Есть случаи, когда берешь вину на себя, чтобы человек, за которого готов отдать жизнь, мог бы жить на свободе неопозоренным.

Она резко спросила:

— Женщина?

— Вы поймете, — продолжал он, — что есть мужчины, которые могут принять осуждение и позор, но предпочитают затем

бежать и жить в углу со зверями... Это был долг... нужно же платить долги.

— Вам так нравится приносить себя в жертву? — снова иронически сказала она, но сейчас же раскалась.

Он пожал плечами и коротко прознес:

— Идите!

Один за другим, скрываясь за скалами, спустились они к морю. Наконец, они очутились у воды.

— Ваша лодка вот за этой скалой, — объяснял Марк. — Но привязана она здесь так, чтобы я мог ее подтянуть сюда. Если кто-нибудь сверху увидит, подумают, что ее просто относит течением, как это обычно бывает. А мыс закроет вас от глаз до тех пор, пока вы будете уже далеко.

Марк стал медленно подтягивать канат. Наконец, он сказал:

— Вот лодка.

Старый Иов угощал Кетти.

По другую сторону скалы что-то заскрипело; это лодка терлась бортом о камень. Вот лодка обогнула скалу. Кетти отпрянула с заглушенным криком... Посреди лодки, скрестив ноги, злобно поблескивая глазами и посмеиваясь, сидела Нарутча.

— Ах! проклятая! Она выслеживала нас, — Марк обезумел от злости и бросился на эскимоску. Но эскимоска, гибкая, как длинный зверь, выпрыгнула из лодки, быстро вскарабкалась на

скалу и, вытянув руки, стала пронзительно кричать:

— О... о... о... о...

— Она их зовет... мы погибли... Бегите, бегите, — говорил Марк, все-таки стараясь заставить Кетти сесть в лодку.

— Я останусь...

Да и поздно было. На крики Нарутчи уже сбегали охотники. Марк вырвал из рук Кетти карабин и сунул его в расщелину скалы.

— Вы лучше воспользуетесь им, если они не будут про него знать, — шепнул он.

Беннет уже стоял перед Марком, лохматый и страшный.

— Что это ты, желторотый, делаешь здесь с женой начальника?

Но Иов уже подоспел и попробовал объяснить:

— Они выполняют мои приказания...

— Ты приказал им взять нашу лодку и бежать от нас потихоньку?

Вербек толкнул ногой узел, брошенный на землю Марком.

— Понятно, они сговорились бежать.

Вдруг Беннет закричал:
— Они украли ружье! Измена! Измена!

Сразу началась свалка. Вербек и Олаф бросились на Марка, а Борнхольм и Руперт на Иова.

Беннет подошел к Кетти, свирепо выставив вперед челюсти.

— А ты... чего ты дрожишь? Теперь я начальник, а ты моя жена. Твое место у меня, идем домой!

Он схватил девушку за руку и потащил ее на скалу.

— Что нам делать с французом? — крикнул Руперт.

— Изменникам смерть, — заревел Беннет. Камень им на шею и в воду!

Он крепко захватил одной рукой кисти обеих рук Кетти и старался увлечь ее за собой. Но в это мгновение с вершины скалы скатилась какая-то коричневая гряда. В лучах солнца что-то свернуло. Беннет тотчас же выпустил свою добычу и, откинув голову, упал назад. Потом между неподвижной Нарутчей, стоящей с ножом в руке, и прижавшейся к скале Кетти, без единого вдоха покатылся вниз китолов. Тело его задержалось у самого моря и большое кровавое пятно на его спине все расплзлось.

Эскимоска отбросила в сторону нож, кинулась к телу и завyla, как собака на трупе хозяина. Охотники оставили Марка и Иова и все стояли, точно отрезвленные этим убийством.

Иов первый пришел в себя.

Он схватил эскимоску за плечи и приказал:
— Запереть ее в собачий сарай.

Олаф поднял эскимоску на руки, как ребенка, и, не обращая внимания на ее отчаянное сопротивление, отнес ее в ближайший сарай и запер за ней дверь.

Иов не хотел, чтобы охотники успели одуматься. Он приказал:

— Мы похороним его, как подобает, вместе с человеком с «Онтарио». Снесите его к тому и у нас сейчас будут двойные похороны.

— Хорошо, начальник.

Старик смотрел вслед охотникам, уносящим тело. Потом он взглянул на Кетти.

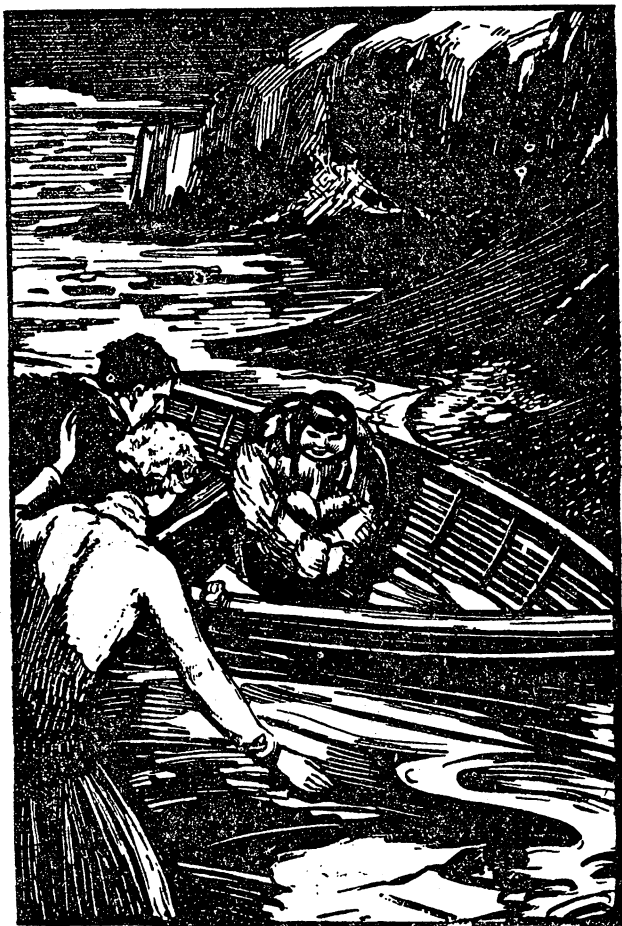
— Для вас все очень хорошо кончилось, — сказал он, — вы теперь спокойны на всю жизнь.

Он стал подниматься в гору, за ним шли Марк и Кетти. На пути в хижину их поджидали охотники.

— Иов, — сказал мрачно канадец Руперт, — нам нужно с тобой поговорить.

— Ну, так говорите...

— Начальник, — заговорил Руперт, — до вчерашнего дня мы жили здесь братьями...

В лодке, злобно поблескивая глазамц, сидела эскимоска.

три года... а вот эта появилась здесь, и мы стали грызть друг друга, как звери, и один уже убит...

— Но я не виновата, — закричала Кетти. Охотники зашумели.

— Чего же вы хотите? — крикнул Иов.

— Мы хотим... хотим цену крови... вот что. Кетти порывисто бросилась вперед.

— Я заплачу столько, сколько вы захотите... Я сделаю вас богатыми...

— На что нам здесь твои деньги! — ответил Вербек.

— За кровь платят кровью, — грубо сказал Олаф, — ее нужно убить.

Но Марк перебил:

— По нашему закону можно, чтобы кто-нибудь ее выкупил.

— Он прав, — сказал Иов.

— Я предлагаю выкуп, — выступил вперед Марк.

— Кровь Беннета стоит дорого, — усмехнулся Руперт.

— Назначьте выкуп, я заплачу, — сказал Марк.

— Береговые Братья! — властно заговорил Иов. — Перед вами осужденная...

Слов Кетти прервал его. Иов продолжал:

— Осужденная, которую предлагает выкупить наш брат Марк Диднэ.

Началась самая необычайная торговля. Француз предложил сначала свою долю охотничьей добычи, хранившейся в чулане. Но ему ответили смехом.

— Что это по сравнению с тем, что приносил с охоты Беннет, — сказал Руперт. — Ты не плохой парень, Марк, только добыча-то весит не тяжело. Я предлагаю, чтобы ты перестал быть нашим компаньоном, а был бы нам слугой. Ты будешь поддерживать порядок в нашем лагере.

— Я согласен, — волнуясь крикнул Марк.

— Подожди. Ты должен будешь исполнять все, что тебе будет сказано. У тебя не будет ничего своего, ни хижины, ни запасов, ни оружия.

— Я не хочу, не хочу, — прервал слова Руперта крик Кетти.

— Да молчите вы, — грубо крикнул Руперт, — это вы виноваты, что так случилось.

Потом Руперт продолжал, обращаясь к Марку:

— Слушай хорошенько. Если ты согласишься на все, что я предлагаю, ты пригнешь на себя пролитую кровь, будто ты сам ее пролил. Словом, ты станешь среди нас добровольно приговоренным за убийство, в котором виновата эта женщина. Она пусть уходит отсюда.

— Принимаю, — крикнул Марк.

В ответ на это поднялся гомон. Все говорили и кричали одновременно. Иов заявлял, что он не допустит такого соглашения, Руперт и другие наставляли.

— Руки вверх!

Приказание это раздалось так резко, так сухо, что все невольно застыли на месте.

— Это мы, мисс Кетти, — продолжал голос. Со скалы спускался закутанный в меховые одежды человек. За ним следовало еще пять вооруженных людей.

Девушка бросилась к пришедшим:

— Это вы, лейтенант, — воскликнула она, — а где же отец?

— «Онтарио» не может так легко подойти сюда из-за пловучего льда, но он совсем близко, — ответил лейтенант. — Он ищет вас на море, пока мы искали вас на земле.

Пришедший оглядывал группу охотников, все еще стоявшую неподвижно под угрозой поднятых карабинов.

— Кто эти люди? — спросил он Кетти. — Я видел сверху в бинокль, что они окружили вас и мы положительно скатились со скалы, чтобы поспеть к вам на помощь. Это бандиты?

— Нет, уверяю вас, — возразила Кетти, — это отличные люди.

— Да, ведь, это должно быть и есть та разбойничья банда, которая опустошает наши охотничьи пространства. Я очividу от них побережье. К стенке их!

— Я не позволю вам! — решительно крикнула Кетти.

Американские матросы не знали, кого им слушаться, и колебались. Кетти продолжала:

— Они мне спасли жизнь. Эти люди — мои друзья.

Береговые Братья удивленно смотрели на Кетти.

— Вы хотели выкупить меня ценой своей свободы, — обратилась девушка к Марку. — Такие жертвы не забываются. «Онтарио» лишился своего доктора. Вы замените его и я добьюсь, что назначение это будет официальным. Вы знаете, что у моего отца есть свядь...

Потом, глядя на остальных:

— Я хочу вас спасти от нужды и грозящих вам постоянно опасностей. Вы будете охотниками моего отца, на жаловании. Или же, если хотите, я верну вас вашим семьям...

— Простите, мисс, — пошел к Кетти лейтенант, — нам следует торопиться. «Онтарио» невдалеке отсюда.

— Вам не пройти узкий пролив без лодмана, — вмешался Иов, — берите с собой Марка. На него вы можете положиться.

Десять минут спустя, Кетти, лейтенант, пять матросов и Марк отчаливали уже от берега в большой белой лодке.

— Мы скоро вернемся, сегодня же — кричала Кетти, — и устрою вас, друзья мои.

— Да, да, хорошо, хорошо, — кивал головой старый Иов.

Иов неподвижно стоял на берегу и, скрестив руки, смотрел вслед удаляющейся лодке. Потом обратился к товарищам.

— Вы хотите, вернуться туда, к обыкновенной жизни?

— Нет! нет!..

— Вы хотите стать такими же людьми, как другие?

— Нет, нет!..

— Домашними волками, посаженными на цепь, как собаки?

— Никогда, никогда... свобода!

— Тогда, — выпрямился во весь рост старик, — забирайте продовольствие, собак, сани. Мы успеем уйти туда, где нас не найдут эти люди.

— Да, да, в дорогу!

— Да не зевайте, ребята! — крикнул Иов.

Их всех охватила жажда независимости, охватила мысль о свободе. С громкими криками, с размахистыми движениями взялись охотники за дело с поспешностью людей, привыкших сниматься с места под угрозой бури. И в то же время они испытывали дикую радость при мысли, что их уже здесь не найдут.

Все бежали и суетились как в какой-то лихорадке. Забывая все, выпустили вместе с собаками Нарутчу, которая сейчас же приняла участие в хлопотах. Сани были нагружены, собаки запряжены, хижины опустели.

— Скорей, скорей! — торопил Иов. — Мы вернемся, как только им надоест нас ждать. А это будет скоро...

— А как же Марк? — вдруг залал вопрос Вербек.

Но Иов коротко оборвал:

— Идиоты вы этакие, да я же его нарочно отправил. Он — не наш. Это был случай, ошибка... Его место там, а не с нами... Ему-то нужно стать прежним человеком...

— А мы останемся лучше волками, — проворчал Руперт. — Ты прав, старик... ты всегда прав...

Иов усмехнулся:

— Вот по этому-то я и начальник вам... Ну, все готово?

— Готово! — отозвалось четыре голоса.

— Так в путь, ребята... Ах! чуть не забыл!

Иов побежал в дом, опустевший теперь точно после урагана. На столе лежала его книга записей. Старик схватил ее, выбежал, захлопнул за собой дверь и прыгнул в сани.

— Вперед! Да здравствует свобода! крикнул он.

Ответом ему было оглушительное:

— Да здравствует свобода!

Со страшным лаем собаки полным ходом брали подъем скалистого берега. Сани умчались, унося наверх, в глубь земли тех, кого теперь напрасно будет поджидать большое белое судно дивилизованных и не всегда справедливых людей.

Беннет схватил Кетти и потащил ее в хижину.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НИЩЕТОЙ

ОТ РЕДАКЦИИ. Ежегодно в ноябре «Скандинавская Академия» присуждает ряд премий деятелям науки, литературы и пацифизма за выдающиеся открытия, за пропаганду мира и за «лучшее художественное произведение всемирной литературы идеалистического направления». Эти «Нобелевские премии» состоят каждая из солидного капитала в 140 тысяч шведских крон, образующихся в виде процентов с капитала в 29 миллионов крон, завещанных инженером Альфредом Нобелем на указанные цели.

В этом—1928 г.—литературная премия присуждена норвежской писательнице Сигрид Ундсет, которая ее целиком пожертвовала на дела благотворения и помощи бедным. Писательница сама переживала тяжелые времена, знала нужду, и ее отказ от личного пользования таким капиталом свидетельствует, что она глубоко сочувствует всем, обреченным на ужасы нищеты. Об этом свидетельствует и приводимый ниже неопубликованный рассказ Ундсет, целиком автобиографический, построенный на канве личных переживаний детства.

Сигрид Ундсет родилась в 1882 г., а с первым литературным произведением, имевшим успех, выступила в 1907 г. Это был бытовой роман «Марта Ули», за которым последовали другие, образующие одну серию «Романы и новеллы современности» («Счастливый возраст» 1908 г., «Йени» 1911 г., «Несчастные» 1912 г., «Весна» 1914 г., «Осколки зачарованного зеркала» 1917 г., «Мудрые девы» 1918 г. и «Весенние облака» 1921 г.).

Кроме бытовых романов Ундсет написала две больших серии исторических романов. Первая серия — «Кристина, дочь Лаванса» состоит из романов: «Венок», «Жена» и «Крест».

Другой цикл трилогии — чисто исторический и построен на документальном изучении прошлого Норвегии. Эпоха взята давняя (XIV в.) и фабула распространена на три поколения Аудунсов. Отцы и дети «Олафа сына Аудунса» охвачены повествованием, говорящим о труде, любви, битвах, очарованиях и разочарованиях трех поколений.

Сигрид Ундсет любит людей и жизнь, ее творчество насыщено человеколюбием и гуманностью, поэтому оно и обращено ко всему, что волнует и трогает людей: несчастье, нищета, неутоленная любовь и особенно мир чувств и переживаний женщины. Но Ундсет не сентиментальна. В искусстве она — реалист, в жизни — передовой борец, видящий зло в социальных противоречиях. Но главным врагом писательницы является нищета. На борьбу с ней она отдает свой талант, как отдала присужденную ей нобелевскую премию.

Приводимая ниже новелла Ундсет сопровождается таким признанием:

«Это была моя первая встреча с нищетой. Несколько лет спустя, когда мне однажды сказала моя мать, что мы сами стали бедными, я помню чувство тоски, парализовавшее меня в ту минуту, и краску, обжегшую мои детские щеки. Неужели и мы осуждены жить в зараженной атмосфере, гнуть спину перед господами, боязливо заглядывать им в глаза и говорить с ними голосом почтительным и льстивым?»

Потом я стала девушкой и женщиной. Я научилась лучше понимать жизнь, а также и бедность.

Но худшую из всех видов нищеты я ощутила инстинктом ребенка, ее унижительность я пережила в тот день, когда я почувствовала себя в душе преступницей, вида, как жена сапожника из Балькеби прятала куклу Герду».

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НИЩЕТОЙ

Новелла СИГРИД УНДСЕТ.

Не помню уж в годовщину какого дня рождения мне подарили куклу Герду, но это было до первого года посещения школы, сразу после того, как моя мать стала учить меня азбуке и шитью, но я была капризна и ничего не хотела признавать. Мне могло быть тогда около семи лет.

Но это утро я хорошо помню. Вероятно, мне почему либо запрещали выходить на двор в течение нескольких дней, потому что мне показалось, что почки на березе раскрылись листочками всего за одну ночь.

Мы тогда жили на улице Лидер - Саген. Маленькие, как хижинки, домики с садиками тянулись только вдоль одной стороны улицы, по другую находился обширный пустырь. Но какой же это был великолепный пустырь! В одном конце его большие дети играли в мяч, немного дальше, на груде булыжников мы строили домики, а несколько в стороне мы принимали ножные ванны в грязной и вонючей луже. Значительно дальше вниз, около поля коменданта, находилась заросль крапивы, среди которой росли жалкие кусты малины, где мы, начиная с Иванова дня, неизменно обжигали себе руки и ноги в полевых еще зеленых ягодах. Кроме того, мы оттуда заглядывали в сад коменданта. Так как комендант был бездетен, никто из нас никогда не переступал за пределы калитки его сада. Но в его саду росли яблоки, груши, вишни, ревеня; лучки моркови и масса редиски. О том, как огромен был этот сад и сколько в нем было плодов, мы рассказывали друг другу самые невероятные истории.

Однажды на поляне появилась привязанная к колу лошадь, от времени до времени на поляне гуляли коровы, но мы держались на почтительном расстоянии от этих странных животных и цели хором:

Эй, коровка, ей, коровка!
За тобой придет охотник!
Но не бойся, мама смотрит,
Чтоб никто тебя не взял!...

Старшие среди нас рассказывали, что однажды осенью целое стадо свиней находилось в течение нескольких дней на поляне. Но мы этому не верили и совсем не чувствовали себя подготовленными быть когда-нибудь свидетелями столь необычайного события. Ибо среди нас было много таких детей, которые никогда не видели живой свиньи. Все мы были детьми города, а самые младшие никогда не бывали в деревне. Но все мы постоянно толкались на поляне, пели коровам песенку, вдыхали теплый

запах молока от этих животных и старались представить себе обширный мир, который начинался по ту сторону дороги в церковь, и куда нам было запрещено гулять одними; там далеко начинались амбары, конюшни, коровники, имелось множество лошадей, коров, свиней и даже коз.

Итак, в одно светлое майское утро мне подарили игрушечную колясочку и куклу Герду. На мне было белое платьице, которое я еще не успела запачкать, и я торжественно везла по улице подпрыгивающую коляску. Мостовая, как на всех улицах Осло, где имелся дома только по одну сторону, была в плохом

состоянии. Колясочка наезжала на большие и маленькие камни и оставляла красивый след на грязи, в дугах отражалось бледно-голубое весеннее небо, по которому плыли маленькие блестящие облака. В садах на ветках берез выступили только-что распустившиеся листочки, такие свежие и нежные, что они еще имели желтоватую, восковую окраску. Но в конце улицы показался сад коменданта со стеной из зелени, густой, как лес. Солнце разбрасывало искры света на все: на дуги среди улицы и на двести лютиков на поляне, оно отражалось на тысячах листочков, которым весенний солнышко придавал оттенок белизны.

Тогда я встретила двух подруг. Они мне рассказали, что на поляне находится лошадь, у которой ночью родился жеребенок. Я собиралась показать им колясочку и куклу, но при этом сообщении мы все

Сигрид Ундсет

трое совершенно об них забыли и устремились на поляну. И то, что они мне сообщили, была правда, истинная правда! Все дети с вашей улыбки были уже в сборе и обсуждали совершившееся чудо. Мы удивлялись при виде невероятно тощих ног, которые должны были поддерживать тело жеребенка, при виде его хвостика с завитушками и мы заметили еще, что он был светлый по окраске, потому что его мать была темной. А когда жеребенок сунул голову под мать, чтоб ее сосать, нас бросило в жар и мы испугались такой близости к тайнам природы.

Но в этот момент нас позвала моя няня завтракать и тут-то я заметила, что колясочка пуста. Герда исчезла. Ее искали везде, расспрашивали всех ребят и ходили по всем домам. Милли и Майя, которые из девочек были самыми большими и самыми решительными, хотели позвать даже полицию. Но этого им не позволили. Тогда они сами стали изображать полицию с помощью моей няни. Они подвергли Нину, не пользовавшуюся хорошей славой, мучительному допросу, от чего она стала жалко кричать. Тогда прибежала ее мать и стала угрожать, что она пойдет к родителям Милли, Майи и моих и расскажет им, что мы делаем. Словом, все это ни к чему не привело: Герду больше не нашли.

Я, конечно, пролила несколько слезинок, но не приняла события трагически, так как куклой я владела всего несколько часов и она еще не заняла места в моем сердце. Кроме того, у нее были не настоящие волосы, а накрашенные на фарфоровой голове, да и платье ее, шитое моей матерью, было из простого белого ситца с цветочками, хотя и отделано красивыми кружевами и шелковыми лентами! В оставшуюся мне колясочку я поместила мою самую лучшую куклу, которая, к сожалению, должна была всегда находиться в лежачем положении, потому что у ней не было волос, рук и ног и потому все над ней смеялись.

Возможно, что я давно забыла бы о Герде, если бы не произошло то, о чем я сейчас хочу вам рассказать.

Спустя несколько месяцев, наша прислуга взяла меня с собой в Балькеби. Я не помню больше, что ей там было нужно, может быть, просто отдать визит своим друзьям. Мы пришли к деревянному одноэтажному домику, сжатому между двумя почти новыми, но непрочными домами. Домик, вероятно, был вскоре после этого разрушен, потому что я тщетно его потом искала. Я уверена, что я его легко нашла бы, если бы он существовал. Он был выкрашен в коричневую краску, но на нем проступали серые пятна: краска выпучивалась пузырями, которые мне доставляли удовольствие сквыривать в то время, как прислуга вошла в кондитерскую купить пирожных. В первом этаже помещались два магазинчика — кондитерская и сапожная. В нее мы и вошли. Сапожник в синем фартуке сидел на табуретке. У него было желто-серое, как замазка, лицо, и он, кажется, был в

дурном настроении. Обменявшись с ним несколькими словами, прислуга провела меня в соседнюю комнату. Воздух в ней был кислый и очень плохой, а вся комната оказалась мне совершенно необычной и странной. В ней стояли две кровати, каких я никогда не видала — выкрашенные в красную краску. Матрацы и подушки образовали перепутанную груду и громоздились один на другом, образуя столь высокий ворох, что я никак не могла понять, как эти люди могут на него влезать вечером, чтобы там спать. Вместо одеял, кровати были закрыты простынями. Занавесочка из розового тюля окружала зеркало, а на комод стояли две вазы, которые казались серебряными, но с таким же успехом могли быть и стеклянными.

Несколько минут спустя вошла женщина. Она прижимала к груди ребенка. Ее я очень хорошо запомнила. У нее почти совсем не было зубов, цвет ее лица был желтый, но руки и груди, которые выступали из-за блузы, были ослепительной белизны и испещрены голубыми жилами, протянувшимися, как черные нитки, под кожей.

Елена, наша прислуга, разговаривая с ней, спросила вдруг:

— А как поживает Сольвейг?

Я уж не помню, что ей ответила жена сапожника, но Елена мне раньше рассказывала, что у них есть девочка в моем возрасте. Теперь она меня спросила, не желаю ли я ее видеть и поговорить с ней. Я послушно встала и пошла к Сольвейг.

Она лежала в кухне, где воздух был настолько плох, что им нельзя было дышать. От этого мне стало тошно и плохо. Бледная маленькая девочка с белокурыми волосами лежала на большой постели, прислонившись к уголку к стене. На ней была розовая ночная рубашка.

Я ее спросила об ее имени и ее годах, хотя уже знала, что ее зовут Сольвейг и что ей столько же лет, как и мне, но надо же с чего начать разговор? Она же, наоборот, совсем не спросила моего имени, что меня весьма удивило.

— Ты больна? — спросила я.

— Ну, да. У меня туберкулез ноги, — сказала она не без гордости. — Меня из-за этого два раза резали в больнице, знаешь?

— Не может быть! — И тебе было больно?

Сольвейг не ответила. Я тоже не находила темы для разговора, болтала ногами под стулом и сосала резинку от моей соломенной шляпы. Тяжелый и дурной воздух вызывал тошноту, запах кожи и гороха, тянувшийся из открытой в мастерскую двери, смешиваясь с запахом кофе, который готовила женщина, приходившая и уходившая, держа ребенка у своих дряблых грудей. Пахло кроме того еще и затхлым, оттого что здесь все спали и никогда не открывали окон.

Но мне казалось, что плохой воздух происходит от того, что у Сольвейг был туберкулез ноги и что ее дважды оперировали в госпитале. И я чувствовала, как жи-

мается мое горло. Неопределенная печаль охватила меня.

Но надо было хоть что-нибудь сказать и я спросила:

— Тебе разве не скучно все время лежать?

Сольвейг ответила не сразу. Затем она что-то достала из под подушки.

— Папа мне подарил это, — сказала она и показала небольшую коробку для гербария, выкрашенную в зеленую краску и с веревкой. — А мама — мне дала это.

И она показала куклу с фарфоровой головой, выкрашенной под белокурые волосы, и, хотя она была очень грязной, я тотчас же узнала на ней платье с цветочками и шелковыми ленточками. Это была Герда.

Я покраснела. Слезы подступили к глазам. Мне показалось, что я совершила ужасную несправедливость и я не смела ни поднять глаз, ни произнести слова.

В этот момент вошла женщина и увидела мое покрасневшее лицо. Она тотчас же отняла куклу и спрятала ее.

— Не следует этого показывать богатой девочке, — сказала она, насильно строя улыбку. — У тебя, я думаю, другие, более красивые куклы.

Я на секунду подняла на нее глаза. Ее взгляд блуждал по кухне, ее губы странно поджимались, прикрывая беззубый рот. Затем она заговорила совсем другим голосом, голосом льстивым, почтительным, заставившим меня содрогнуться от отвращения и необъяснимого страха.

— Конечно же, у тебя другие, более красивые куклы! Но бедняжка Сольвейг находит и эту хорошей, — я ее купила за две кроны у Вольмана, и чтобы сказать правду...

И женщина пустилась в подробности рассказа о покупке куклы. Я почувствовала,

что ее глаза испытующе шмыгали по моей склоненной голове.

Помню, что потом она меня пригласила в комнату выпить кофе. Меня не спасли ни протесты, ни ссылки на то, что мама мне запрещает пить кофе. Я должна была выпить целую чашку и съесть два плохих пирожных, купленных Еленой в кондитерской. Женщина так настаивала, что я не могла не послушаться.

Всю обратную дорогу я сильно плакала и не хотела говорить почему. Но Елена сказала, что я должна быть счастлива, что не прикована к постели так, как Сольвейг.

— Тебе полезно, — говорила она, — посмотреть, как живут другие девочки.

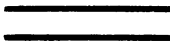
Но я плакала все сильнее. Тогда она испугалась, стала обещать мне конфет, просила не говорить маме, что я ее сопровождала в Балькеби.

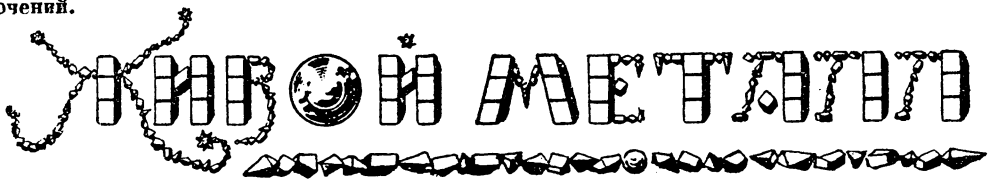
Постепенно в дороге я стала утешать себя мыслями о том, что я сделаю для Сольвейг. Я буду к ней ходить и ее развлекать, наконец, я наметила целую массу хороших вещей. Мысль, что я буду такой благодарной постепенно меня успокоила и ко мне вернулось мое хорошее расположение духа.

Но я ничего не сделала из того, что предполагала. Прежде всего потому, что у меня было всего на всего 7 оре.

Когда вечером мама пришла к моей постели, меня охватил новый приступ слез и мама узнала правду. Но я никому не сказала о кукле. Елену сильно ругали и я никогда больше не могла пойти в Балькеби к Сольвейг, у которой был туберкулез.

Но если бы не было этого препятствия независимой от меня силы, совершенно очевидно, что я никогда не осуществила бы моих прекрасных проектов.

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА.

Иллюстрации ПОЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ I—XV, НАПЕЧАТАННЫХ в 10 и 11—12-й КНИЖКАХ „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“. Американский профессор Луис Спрингтон, уже побывавший в Тибете, снова отправился туда вместе с инженером Дракком. В горах они наблюдают замечательные световые явления и находят загадочный гигантский след на скале, оставленный точно каким-то невероятным чудовищем. В разрушенной крепости, помнящей времена Алекса и пра Македонского, путешественники встречают Мартина Вентнора с его прекрасной сестрой Руфью. Брага и сестру преследуют воины, похожие на древних персов времен Ксеркса. В решающую минуту появляется странная женщина Норхала, по приказанию которой тысячи маленьких металлических предметов—чисто геометрических фигур—принимают форму многорукого чудовища и разбивают войско персов. Шары, кубы и пирамиды из живого металла исчезают, затем огромные кубы перекидываются, как мост, через пропасть, и несут на себе Норхалу и путешественников. Последние начинают таинственное, полное странных физических и магнитных явлений путешествие. В кратком содержании невозможно передать многочисленные и причудливые формы встречающихся чудовищ, состоящих однако из знакомых всех форм—кубов, шаров и пирамид. Путешественники попадают в новый мир, в металлический мир, где они видят живые, вертящиеся купола и арки, и башни, точно тающие в каком-то брожении. Лета на кубах, они проходят области ультрафиолетовых лучей, рентгеновских и других, наукою неисследованных. Друг другу путешественники кажутся скелетами. Один своей феномен сменяет другой. Они прилетают к колоссальному светящемуся металлическому диску необычайной красоты, являющему могучую и сознательную силу. Руфь подлетает к диску. Вентнор выстрелил, но в него полетела молния—сердце зеленого пламени. Вентнор упал, диск обследовал его и по просьбе Норхалы подарил ей путешественников в качестве „игрушек“. Норхала перенесла всех в свой круглый дом, похожий на блестящий пузырь сапфировых и бирюзовых оттенков. Интересные главы посвящены описанию самой Норхалы, ее жилища, ее слуги евнуха Юрука, встретившего чужеземцев враждебно. Большой Вентнор, оторванный от реальной действительности, первый начинает понимать, что металлические предметы высасывают свои силы из солнца, что их кровь—молния, что их разум—думающий кристалл, что у них гигантское групповое сознание, действующее в знакомых человечеству и в неизвестных ему сферах колебаний энергии, силы электрической и других.

ГЛАВА XVI.

Загадка.

Юрук опустил занавеси и вернулся с нами в первую комнату. Мы составили вместе наши мешки и сели, прислонившись к ним.

Черный евнух присел шагах в десяти от нас и не сводил с нас черных, блестящих глаз. Потом он опустил глаза и стал делать руками медленные, странные движения. Удивительно было то, что эти руки точно жили своей, особой от остального тела, жизнью. И я стал видеть только руки, двигающиеся взад и вперед так ритмично, так усыпаяюще, так усыпаяюще...

Из черных рук стекала сон...

Я сгряхнул с себя летаргическое состояние, начинавшее завладеть мной. Голова Дрэка склонялась, склонялась в такт черным руками. Я вскочил на ноги, весь дрожа от необъятного гнева, и навел револьвер прямо в лицо евнуха.

— Проклятый,—крикнул я.— Брось свои проделки! Сейчас же повернись к нам спиной!

напряженные мускулы рук сократились, когти черных лап спрятались. Он не знал, что это за металлическая трубка, которой я ему угрожаю, но он почувствовал опасность. Он неохотно повернулся к нам спиной.

— Что случилось? — сонно спросил Драк.

— Он пробовал нас загипнотизировать. И едва не достиг этого.

— Так вот что это было!

Драк сразу проснулся.

— Я смотрел на его руки и мне все больше и больше хотелось спать. Я думаю, что нам лучше связать этого господина Юрука?

— Нет,—возразил я,— он безопасен, пока мы на чеку.

— Но в этом человекообразном пауке есть что-то такое отвратительное, что невольно хочется его раздвинуть.

Мы снова сели и прислонились к мешкам. Драк вынул трубку и с грустью посмотрел на нее.

— Мой табак остался на моей лошади, которая убежала из впадины в горах,— заметил я.

— И я потерял весь свой табак вместе с лошадью. Бедные животные совсем обезумели в страшной долине, а нам было тоже не до них.

Драк вздохнул и спрятал трубку.

— Конечно,—заговорил он снова,— наше положение довольно неприятное.

— И даже больше этого,— сказал я.

— Вентнор говорил в среду,— продолжал Драк, что это металлические предметы с мозгом из думающего кристалла и кровью из молний. Вы принимаете такое объяснение?

— Это сходится и с моими наблюдениями,— ответил я.— Они из металла и все же подвижны. Кристаллически по конструкции и очень сложны. Приводятся в действие магнитно-электрическими силами, сознательно проявляющимися. И силы эти такая же часть их жизни, как мозговая энергия, и нервные точки присущи нашей жизни. Возможно, что в металлической оболочке находится органическое тело, нечто мягкоживотное, наподобие того, что заключают в себе раковина улитки, панцири раковых, толстая чешуя, покрывающая черепаху. Возможно, что даже их внутренняя поверхность органична...

— Нет,—перебил Драк,— если там есть тело, как мы себе представляем тело, то оно должно находиться между внешней поверхностью и внутренней, потому что по-

следняя, ведь, кристалл, твердый, как драгоценные камни, непроницаемый.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Я обратил внимание на попадание пуля Вентнора, — сказал Дрэк. — Они не отскакивали рикошетом, а падали, ударившись об этот блестящий диск, точно мухи, налетевшие на скалу. И диск чувствовал их удары не больше, чем скала мух.

— Дрэк, — сказал я, — мое убеждение, что эти существа абсолютно металлические, совершенно неорганичны, как мы понимаем этот термин, что это какие-то невероятные, неизвестные формы.

— Я тоже так думаю, — кивнул головой Дрэк, — но я хотел, чтобы вы это сказали первый. И все же, разве это так невероятно, профессор? Как определяется живой разум? Его способностью к восприятию?

— Принято определение Геккеля, — ответил я. — Все, что может получить стимул, что может воздействовать на стимул и сохранить воспоминание о стимуле — должно быть названо разумным, сознательным существом. Разрыв между тем, что мы давно называли органическим и неорганическим, все умньшается. Вы знаете о замечательных опытах Лилли с металлами?

— Кое-что знаю, — ответил Дрэк.

— Лилли, — продолжал я, — доказал, что под действием электрического тока и других возбудителей, металл показывает почти все реакции человеческих нервов и мускулов. Металл уставал, отдыхал и после отдыха был заметно крепче, чем до этого. Кроме того, металл мог заболеть и умереть. Лилли пришел к заключению, что существует настоящая металлическая сознательность. А Лебон доказал, что металл чувствительнее человека, что его неподвижность только кажущаяся. Возьмите глыбу магнитного железняка, кажущуюся такой серой и безжизненной, подвергните ее магнитному току и что произойдет? Глыба железа состоит из молекул, которые в обычных условиях расположены по всем возможным направлениям. Но когда проходит ток, в кажущейся безжизненной массе начинается невероятное движение. Все крошечные частички, из которых глыба состоит, поворачиваются и переходят с места на место, пока все их полюсы с большей или меньшей близительностью не расположатся по направлению магнитной силы. Когда это произошло, глыба сама становится магнитом, напитанным и окруженным полем магнитных сил. Это с ней происходит инстинктивно. Снаружи она не тронулась с места, на деле же было огромное движение.

— Но, ведь, это движение несознательное, — возразил Дрэк.

— А почему вы это знаете? — спросил я. — Если Яков Леб был прав, то это действие молекул железа так же точно сознательно, как малейшее из наших движений. Между ними нет совершенно никакой разницы. Глыба железа отвечает всем трем испытаниям Геккеля. Она может получить стимул, воздействует на этот стимул и со-

храняет воспоминание о нем. Даже после того, как ток прекратился, остается измененной в отношении проводимости и других свойств, потерпевших изменение от этого тока. А с течением времени это воспоминание ослабевает. Так же точно, как человеческий опыт увеличивает, с одной стороны усталость, а с другой — вызывает предусмотрительность, причем свойства эти остаются при нас после того, как опыт окончен, и ослабевают пропорционально нашей чувствительности к восприятиям плюс наша способность задерживать впечатления, отделенные течением времени от самого опыта. Все это совершается так же точно, как происходит и с железом.

— Согласен, — сказал Дрэк. — Мы теперь дошли до их способности к перемещению. Говоря самым простым языком, всякая перемена места есть движение в пространстве против силы тяготения. Хотьба человека есть ряд задержек от этой силы, которая постоянно стремится притянуть его вниз, к поверхности земли, и держать его там прижатым. Хотьба постоянный прорыв течения этой силы. Возьмите кинематографическую картину идущего человека и пустите ее очень скоро. Вам покажется, что он не идет, а летит.

— Я признаю, — сказал я, — что движение этих предметов есть сознательное прерывание течения силы тяготения, как и наше движение, но в таком быстром темпе, что оно кажется непрерывным.

— Если бы мы могли так владеть нашим зрением, чтобы достаточно медленно воспринимать колебания света, — заметил Дрэк, — световые лучи представлялись бы нам не ровно текущим светом, а рядом вспышек-скачков, так точно, как это бывает, когда кинематограф замедляет вращение фильма, чтобы показать нас идущими и «спотыкающимися» о силу тяготения.

— Отлично, — сказал я, — так значит в этих явлениях нет ничего такого, чего не может допустить человеческий разум, а бояться следует только того, чего не может охватить человеческая мысль.

— Металлические, — сказал Дрэк, — и кристалльные! Но почему бы нет? Разве мы не всего только мешки из кожи, наполненные известным веществом в растворе и натянутые на поддерживающие и подвижные механизмы, сделанные с большой примесью извести?! Мы вышли из первобытной плазмы, которую Грегори называет протобионом, и после неисчислимых миллионов лет образовались наша кожа, волосы, ногти. Вышли из той же плазмы и змеи и птицы, и носороги, и бабочки; скорлупа краба, нежная прелесть мотылька и сверкающее чудо перламутра.

— Я все это понимаю, — перебил я, — но что вы скажете о сознательности металлических?

— Этого, — ответил он, — я не могу понять. Вентнор говорил, как он выражался, да, групповая сознательность, действующая в нашей сфере и в сферах ниже и выше нашей, с эмоциями, известными нам и не-

известными. Мне как будто что-то становится ясным... но я все же не могу понять.

— Мы решили по причинам, казавшимся нам достаточными, называть эти предметы металлическими, Дрэк, — ответил я. — Но это не значит, что они состоят из известного нам металла. Но, будучи металлом, они должны иметь кристаллическое строение. Как и указывал Грегори, кристаллы и то, что мы называем живой материей, берут начало в одних и тех же истоках жизни. Мы не понимаем жизни без сознательности. Голод может быть только сознательным чувством, а к еде нет другого стимула, кроме голода.

Кристаллы насыщаются. Извлечение силы из пищи сознательно, потому что это делается с целью, а нельзя стремиться к цели, не имея сознания. А кристаллы извлекают силы из пищи и, кроме того, передают эту способность детям, совсем, как мы. Нет, как будто бы, причины, почему бы им не разрастаться в благоприятных условиях до гигантских размеров, но они этого не делают. Они достигают размера, дальше которого не развиваются. Вместо этого они делятся дроблением, производят на свет меньших, которые растут так же точно, как их предки. Отлично. Мы доходим до понятия о металлическо-кристаллических существах, которые вследствие какого-то взрыва эволюционных сил вырвались из привычной нам и кажущейся неподвижной стадии и стали теми существами, которые держат нас теперь в плену. А большая ли разница между знакомыми нам формами и ими, чем между нами и амфибиями, нашими далекими предками? Или между ними и амебой — маленьким, пловучим желудком, от которого произошли амфибии? Или между амебой и неподвижным студнем протобиона? Что же касается групповой сознательности, я думаю, что Вентнор под-разумевал общественный разум, как разум пчел или муравьев, тот разум, о котором Метерлих говорит, как о «разуме улья».

— Но металл! — задумчиво произнес Дрэк. — И сознательный! Все это очень хорошо, но откуда взялась эта сознательность? И что это такое? И откуда они пришли? Что они делают... почему не объявили до сих пор войны человечеству?

— Не знаю, — беспомощно ответил я. — Но эволюция не медленный, кропотливый процесс, как думал Дарвин. Очевидно, бывают взрывы и природа творит новую форму почти в одну ночь. Так могло быть и с этими. Им дали форму, быть может, какие-то необычайные условия. Или же они могли веками развиваться в пространствах внутри земли. Бездна, которую мы видели, вероятно, одна из их больших дорог. Или же они могли упасть здесь из каких-нибудь обломков разбитого мира, нашли в этой долине подходящие для себя условия и стали развиваться с поражающей быстротой.

— Так вы думаете, что эти предметы состоят из крошечных кристаллов, как наши тела из клеток?

— Да, именно так.

— Но чем же мы можем защищаться против них? — спросил Дрэк.

— Нам нужно прежде всего вернуться в город. Со стороны Вентнора это было не простым советом, а приказанием. Послушаемся его и отправимся утром в город.

— Вы говорите так, — заметил Дрэк. — точно мы живем в пригороде и нам всего только нужно поехать с поездом в 9 ч. 15 м.

— До рассвета, повидимому, недалеко, — отдохните немножко, я вас разбуджу.

— Мне неловко перед вами, — сочно за-протестовал Дрэк.

— Я не устаю, — успокоил я его.

Устал я или нет, я хотел поговорить с Юруком наедине. Дрэк вытянулся и положил голову на селло.

Когда дыхание Дрэка утихло, меня, что он спит, я прошел к свиху и присел перед ним на корточках, держа в руке револьвер.

ГЛАВА XVII.

Юрук.

— Юрук, — шепнул я, — вы любите нас, как пшеница любит град. Вы радуетесь вам, как приговоренный к повешению радуется веревке. Открылась какая-то таинственная дверь, и мы вошли к вам через нее. Отвечайте правдиво на мои вопросы, и мы, быть может, снова и уйдем в эту дверь.

Глаза Юрука вдруг повеселели.

— Отсюда есть выход, — пробормотал он. — Я могу вам его показать.

— Куда же ведет он? — спросил я, не доверяясь его словам. — За нами гнались люди, вооруженные копьями и стрелами. Ваш выход ведет к ним, Юрук?

Он помолчал мгновение, полузакрыв глаза веками.

— Да, — угромо сказал он потом, — через этот выход вы попадете к ним. Но разве вам не спокойнее быть с ними, с себе подобными?

— Не думаю, — ответил я. — Те, которые не подобны нам, разбили подобных нам и спасли нас от них. Почему же не остаться здесь, а идти туда, где нас хотят уничтожить?

— Они бы не тронули вас, — сказал он, — если бы вы дали им ее. — Он указал пальцем на спящую Руфь.

Черкис многое бы простил за нее.

Да и вы сами разве не сумели бы позабавить его?

— Черкис? — спросил я.

— Черкис, — прошептал он. — Разве Юрук так глуп, что не знает, что в вашем мире многое должно было измениться с тех пор, как мы бежали от Искандера в долину. Что вы можете еще дать Черкису, кроме этой женщины? Многое, я думаю. Так и не бойтесь идти к нему.

— Юрук, — спросил я, — та, которую вы называете Великой, — Норхала, — тоже из народа Черкиса?

— Давно, давно, — ответил он, — в Русзарке, в обширной стране Черкиса, была смута. Я бежал с той, которая была матерью матери Великой. Нас было двадцать человек. И мы бежали сюда... путем, который я тебе укажу...

Он подождал, но я не произнес ни слова.

— Та, которая была матерью матери Великой, заслужила расположение того, кто повелевает здесь, — продолжал Юрук. — Но со временем она стала старой и безобразной. Тогда он убил ее. Так же он убивал

и других, которые переставали ему угрожать. Одно время его восхищала та, которая была матерью Великой. Потом она постарела и он убил и ее. Тот раз он поразили и меня, как поразили этого, — Юрук указывал на лежащего на полу человека.

Юрук явно гипнотизировал нас...

зал на Вентнора. — Когда я очнулся, одно плечо оказалось у меня ниже другого. Но еще до этого родилась Великая. Тот, кто повелевает здесь, часто навещал ее мать и, конечно, в родстве с Великой. Как же иначе могут от нее исходить молнии? Разве не был отец Искандера богом Зевсом — Аммоном, приходившим к матери Искандера в виде огромной змеи? Так вот, с самого рождения от Великой исходят молнии. Хи-хи, — тихонько засмеялся Юрук, — они делаются старухами и их убивают. Я тоже стар, но я прячусь, когда те приходят. И вот я жив! Уходите к своим, — закаркал старик, — уходите к своим! Лучше пострадать от своих братьев, чем быть съеденными тигром. Я покажу вам дорогу...

Он вскочил на ноги, крепко сжал мою руку, провел через центральный зал в комнату Норхалы и нажал на одну из стен.

Открылось овальное отверстие, и я увидел тропинку, ведущую в лес, серевший в тусклом свете.

— Идите туда, — сказал он, — возьмите своих и идите, пока вас здесь не убили. Вы уйдете?

— Нет еще, — ответил я, — нет еще.

В глазах Юрука загорелось злобное пламя.

— Веди меня назад, — коротко сказал я ему.

Он задвинул дверь и угромо повернул назад. Я последовал за ним, спрашивая себя о причинах его ненависти к нам, его желания во что бы то ни стало отделаться от нас, вопреки приказанию женщины, которую он подобострастно называл Великой.

И по странной привычке людей искать чего-то сложного там, где ясен самый простой ответ, я не подумал, что тут была всего только ревность; что Юрук хотел по-прежнему оставаться единственным живым существом возле Норхалы. Да, я упустил это из виду, и за эту мою ошибку мы трое — Руфь, Дрэк и я, — дорого расплатились.

Я взглянул на своих спящих товарищей и на все еще лежавшего в бессознательном состоянии Вентнора.

— Садись! приказал я внуху, — и повернись к нам спиной.

Когда он сел, я задал ему вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— Юрук, — сказал я, — откуда этот дом? Кто его построил?

— Поведитель этих мест, — угрожно ответил он. — Он сделал его на радость матери Великой. И убил ее. Никогда не забывайте этого — убил ее!

Я опустился рядом с Дрэком и задумался. Не могло быть сомнений, что знание металлическим народом магнитных сил и умение управлять ими превывало человеческие знания. Что они имели понятие о красоте, свидетельствовало это жилище Норхалы.

Но сознательность... да и что такое, в сущности, сознательность?

Секрета мозга? Собранное воедино химическое выявление себя множеством клеточек, составляющих нас? Необъяснимый управитель города — тела, мириады клеток которого — граждане, управитель, созданный ими же самими из себя, чтобы управлять?

Или же это более тонкая форма материи, самосознающая сила, пользующаяся телом, как проводником?

Что такое это наше сознательное я? Всего только искорка понимания, постоянно пробегающая вдоль тропы времени в том механизме, который мы называем мозгом? Образуется контакт на этой тропе, как электрическая искра на конце проводки?

Существует ли море этой сознательной силы, лижущее берега самых далеких звезд? Сила, которая находит выражение во всем — в человеке и в скале, в металле и в цветке, в драгоценном камне и в туче? Какая-то энергия, ограниченная в своем выражении только пределами того, что она оживляет, и что, в сущности, одно и то же во всем?

Если так, тогда загадка сознательности металлического народа перестает быть загадкой, потому что она разгадана.

Так размышляя, я заметил, что стало светлеть. Я выглянул в дверь. Начинаясь рассвет. Я разбудил Дрэка.

— Мне нужно только немножко отдохнуть, Дрэк, — сказал я ему. — Разбудите меня, когда встанет солнце.

— Да, ведь, уж рассвет, — воскликнул Дрэк. — Отчего вы меня не разбудили раньше! Я чувствую себя настоящей свиньей.

Я пролил Дрэка не спускать глаз с Юрука и почти сейчас же погрузился в сон без снов.

ГЛАВА XVIII.

На пути к Городу.

Солнце стояло высоко, когда я проснулся, или так я предположил, увидев потоки яркого дневного света. Я лежал и ленивые мысли приходили мне в голову. Я смотрел не на небо, это был купол сказочного жилища Норхала. И Дрэк не разбудил меня. Почему? И как долго я спал?

Я вскочил на ноги и оглянулся кругом. Не было ни Руфи, ни Дрэка, ни черного евнуха

— Руфь, — крикнул я. — Дрэк!

Ответа не было. Я побежал к двери. Взглянув на небо, я определял, что должно быть часов девять. Значит, я спал часов пять.

Я услышал смех Руфи. Слева, полузакрытая цветущими кустами была лужайка. На этой лужайке, окруженные белыми козами, стояли Руфь и Дрэк.

Я успокоился и вернулся в дом, к Вентнору. Его положение было без перемен. Мой взгляд упал на бассейн. Я разделся и погрузился в воду. Я едва успел одеться, как в дверь вошли Дрэк и Руфь. Они несли полные фарфоровые ведра с молоком.

— Ах, Луис! — воскликнула Руфь. — Если бы ты видел коз! Очаровательнейшие шелковистые маленькие существа, — и такие ручные!

Передо мной была прежняя Руфь. На лице ее не было и следов страха или ужаса. Ее дочиста омыли воды сна.

— Не беспокойтесь, Луис, — сказала она, — я знаю, о чем вы думаете. Но я теперь снова прежняя Я. И такой и останусь.

— Где Юрук? — спросил я Дрэка, но он сделал мне знак и я замолчал.

— Распаковывайте мешки, я приготовлю завтрак, — сказала Руфь. — Ах, кто-то замутил в бассейне воду!

— Я не мог удержаться и выкупался, — виновато пояснил я.

— Тут рядом есть ручеек, — засмеялся Дрэк. Он взял котелок и сделал мне знак, чтобы я прошел вперед.

— Что касается Юрука, — сказал мне Дрэк, когда мы вышли за дверь, — так я дал ему маленький урок. Показал ему револьвер, а потом застрелил из него одну из козочек Норхалы. Мне это было очень неприятно, но я знал, что это для него полезно. Он закричал и упал ничком. Вероятно, вообразил, что это удар молнии и что я украл его у них. «Юрук, — сказал я ему, — вот что будет с тобой, если ты тронешь девушку, которая там спит».

— А что было дальше?

— Он убежал туда. — Дрэк со смехом указал на лес, через который шла тропа, куда хотел нас выпроводить евнух.

Я коротко передал Дрэку мифические рассказы Юрука.

— Фьюты! — свистнула молодой человек. — Так мы попались, как орех в щипцы? Опасность позади и опасность впереди?

— Я думаю, что нам лучше поскорее отправляться в город, — сказал я. — Что вы на это скажете?

— Я согласен с вами. Но и там не жду ничего хорошего.

Я тоже не питал особых надежд, но зато испытывал лихорадку научной любознательности. У меня не было ни страха, ни трусости, но я чувствовал кошмарное одиночество, беспомощность и оторванность среди чуждых нам существ, которые лучше нашего знали, как мы беспомощны. Мы были для них всего только оживленными игрушками, которые они могли уничтожить, когда им вздумается.

Мы позавтракали в молчании. Вентнору мы разжали зубы и через гуттаперчевую трубку влили ему немного молока.

В наше путешествие мы не могли взять с собой Руфь. Она должна была остаться с братом. Для нее было безопаснее в доме Норхалы, но все же мы не были спокойны за нее. Нужно ли, в конце концов, чтобы в это путешествие отправились мы оба, и Дрэк, и я? Недостаточно ли для этого одного из нас?

— Я отправлюсь один, — заявил я, — а вы, Дрэк, останетесь с Руфью. Если я не вернусь в надлежащее время, вы всегда можете пойти вслед за мной.

Дрэк был возмущен. Не менее возмущена была и Руфь.

— Вы пойдете с ним, Ричард Дрэк, — взволнованно сказала она, — иначе я никогда не взгляну на вас и не заговорю с вами.

— Неужели вы хотя минуту могли думать, что я не пойду? — Дрэк был глубоко огорчен. — Или мы идем вместе — или оба остаемся. Руфи здесь нечего бояться. Юрук достаточно напуган моим уроком. Да у нее, ведь, будут ружья и револьверы, а она умеет пользоваться ими. Как могли вы, профессор, сделать мне такое предложение?

Я попытался оправдаться.

— Хорошо, хорошо, — успокоила нас Руфь. — Я не боюсь Юрука. Да и, вообще, в доме Норхалы мне нечего бояться. Вот за вас я беспокоюсь...

— Это напрасно, — перебил ее Дрэк. —

Мы—новые игрушки Норхалы. Мы—табу. Поверьте мне, Руфь, что нет ни одного среди металлических предметов, будь он большой или маленький, который не знал бы о нас всех подробностей.

— Это правда, — подтвердил я.

— Нас, вероятно, с интересом, как желанных гостей, примет население, — сказал Дрэк. — Я надеюсь даже увидеть над городскими воротами надпись: «будьте желанными гостями в нашем городе».

Руфь улыбнулась, но в улыбке ее было мало веселого.

— Мы скоро вернемся, — Дрэк положил руку на плечо Руфи. — Неужели вы думаете, что что-нибудь могло бы мне помешать вернуться к вам? — спросил он.

— Пора отправляться, — вмешался я. — Я, как и Дрэк, думаю, что мы — табу. Опасности не может быть никакой, если не говорить о случайностях. А если я правильно понимаю этих существ, то случайности у них исключены.

— Так же невозможны, как невозможно, чтобы что-нибудь случилось с таблицей умножения, — уверял Дрэк.

Мы поспешно собрались в путь. Наши ружья и револьверы были нам не только не нужны, но могли даже повредить. Дрэк нес на спине небольшой мешок с запасом воды, кое-какой провизии, с медикаментами и с инструментами, в числе которых был маленький спектроскоп.

Я взял в карман свой маленький, но очень сильный бинокль. К моему большому сожалению, фотографический аппарат унесла с собой моя безавшая из ужасной впадины лошадь.

Дорога, по которой мы пошли, была гладкая, темно-серая, похожая на цемент, утрамбованный огромным давлением. Дорога слегка поблескивала, точно она была покрыта стеклянной оболочкой. Она неожиданно переходила в узкую тропинку, обрывавшуюся у самых дверей Норхалы.

Дорога устремлялась вперед, как стрела, и исчезала среди отвесных скал, образовавших ворота, через которые мы прошли накануне. За этими скалами был туман.

Продолжение в следующем № 2, „Мира Приключений“.

ГОЛОСА ПРИРОДЫ

ИЗ ЖИЗНИ КАНАДЫ

Рассказ С. МАКДУГОЛЬ.

Иллюстрации МАРИИ ПАШКЕВИЧ.

Питер жил один на ферме, но бывали вечера, как сегодняшний, когда он чувствовал себя безотчетно счастливым. Знакомые звуки фермы восхитили его: — сильные струи молока, падающие в толстую белую пену в его теплое ведро, спокойное дыхание жующих жвачку коров, удары копыт мулов, ожидающих, когда их напоют, вода, обильно льющаяся по желобу к корыту для водопоя в то время, как Питер водил вверх и вниз ручкой насоса, — животные, пьющие с шумным увлечением.

Он снял поперечные брусья между амбаром и хлевом, где животные будут проводить ночь, набросал вилами большие охапки сена им на ужин и задержался, чтобы послушать, с каким наслаждением они уничтожали корм.

Со свернутой проволокой в одной руке и с топором в другой Питер стоял в дверях сарая, где были сложены сельскохозяйственные орудия, и с одобрением оглянулся на изгородь из столбов и колючей проволоки, которую он поставил сегодня вокруг высокого стога сахарного тростника. Было приятно сознавать, что его стог не мог теперь подвергнуться нападению блуждавшего соседнего скота, который, в поисках пищи, мог прорваться сквозь особенно крепкие изгороди в полях и дугах и попытаться утолить голод запасом, который Питеру удалось вырвать у лета ужасающего труда.

Инструменты издали тупой звук, когда Питер положил их на место в сарае. Шумы, притаившиеся в щеколде и дверных петлях, вырвались на свободу и прозвучали в сухом воздухе, когда он заделал дверь. Какая-то сокровенная струна в груди Питера отозвалась на эти знакомые звуки, пробудившие в нем ощущение близости со всем его ежедневным мирком.

С колышавшейся вершины канадской сосны в тишину ворвалась песня. Это напомнило Питеру, что надо выставить чашку с водой для птиц, которые прилетят на рассвете спеть ему серенату в благодарность за питье. Когда реки высохли, птицы нашли Питера. Их зависимость от него возвышала его в собственных глазах. Это лето было тяжелым для всех.

Он вымыл чашку у насоса, наполнил их и расставил по местам. Снова зазвучала песня, но на этот раз уже из листвы тополя.

Питер наставил трубочкой губы и засвистел в ответ птице. Начался обычный вечерний дуэт. С точки зрения Питера, это был дуэт, но поскольку это касалось птицы, песня лилась соло. Как и всегда по вечерам, иволга не обращала внимания на дружеские нелепости Питера и продолжала петь свою одинокую жалобу, прерывая и не слушая фермера и как бы подчиняясь какой-то невидимой дирижерской палочке в небесах.

Питер снова попытался подражать грустным ноткам песни. Но тоскливая нотка ускользала от него, он не мог ее уловить.

Иволга продолжала одна воспевать вечернее одиночество.

Питер задумывался над этой птичкой. Он удивлялся тому, что песня ее так грустна, оперение же так красочно. Почему красивое маленькое существо всегда в одиночестве? Может быть самка его убита? Или же она улетела от него с более счастливой и удачливой птицей? Нет сомнения, что и некоторые птицы, как и люди, умели улаживаться лучше других.

Питер снова попытался найти недавшую ему ноту. Но в это мгновение иволга улетела на ночь на какой-нибудь уединенный намест.

Питеру тоже пора домой. Он умоется, покурит и рано ляжет спать. Не к чему сидеть до позднего часа и думать. Довольно он уже смотрел на звезды и думал, довольно уже жил в одиночестве. Жизнь станет веселее, когда тут будет Альма. Он чувствовал, что они, наконец, могли жениться.

По какому-то капризу судьбы у него одного во всей местности был в этом году хороший урожай сахарного тростника. Продолжительная засуха, из-за которой люди, животные и поля казались такими уставшими, сморщенными и угрюмыми, выжгла жизнь из всех посевов других фермеров. Корма было мало, и Питер мог назначить любую цену за высокий стог, окруженный новой изгородью. Рейнольдс, сосед с голодным стадом, сделал ему выгодное предло-

жение. Эти деньги вместе с его маленькими сбережениями дадут ему возможность жениться. Он поедет завтра утром к Веллери и объяснится с Альмой. Приятно будет сообщить ей о выгодном предложении за тростник. Жадные существа эти женщины, несмотря на все их кажущееся расположение! Глаза Альмы всегда блестели при одном упоминании о деньгах.

Он сидел и курил и думал о своей женщине. Может быть ему не следовало писать ей про засуху. Но когда на него находило настроение писать, он не мог не подмечать всех черточек жизни фермера—злаков, поднимающихся влажным ковром зеленых кудрей, капризно превращающихся в ковер из коричневого пергамента под трепещущим зноем безжалостного солнца; ветра, задорно поднимающего с полей сгоревшие побеги и уносящего их в горы; темных обрывков растрескавшейся суши, улетающих куда попало. Это был конец его страшного труда, распашки, засева этих бесконечных миль.

Он описывал, как койоты (волки прерий) мародерствовали среди его дынь, откатывая их к своим логовищам, точно дрессированные дирковые животные. Эти воры были знатоками, брали самое спелое и сочное и оставляли в виде воспоминания о своем выборе растоптанные и испорченные отпечатками острых зубов отбросы. Если не видеть самому, невозможно поверить, что дикие животные могут быть так разборчивы.

Альма дала ему понять, что во всем этом для нее нет ничего забавного, как и в его рассказах о том, как он проводил целые ночи, отпугивая собак прерий, следовавших за ним по пятам вдоль рядов свежесажённых злаков. В своих повадках они были так же последовательны, как и койоты: они выкапывали его зерна так аккуратно, точно считали их в то время, как он сеял.

— Хоть бы... они оставили одно зернышко для придания человеку бодрости,— жаловался Питер, чересчур добродушно, по мнению Альмы.

Он чувствовал, что Альма осуждает его за то, что ему не везло, что он не мог перебороть дурную погоду и диких зверей. Ему неприятно было, что все это принижало его в ее глазах, и он жалел, что она не видит странного очарования этой неопределенности судьбы, этой зависимости от такой ненадежной причины, как погода. Настанут лучшие дни. Он был уверен в этом. У них будут хорошие посевы, прекрасный дом, стада. Из города в них будут приезжать гости.

Теперь, когда он уверен, что получит за свой урожай хорошие деньги, Альма будет любезна. Он желал бы найти менее практичную и расчетливую подругу. Но в этих местах—она была единственной незамужней женщиной. Она приехала из Нью-Йорка к своей сестре и по субботам помогала своему деверю в его железной торговле. Во время коротких разговоров, когда она продавала Питеру инструменты, Альма произвела на него впечатление славного

и ловкого помощника для любого мужчины. Как-то он застал ее одну, и Альма рассказала ему, как ей тяжело жить в зависимости от мужа сестры. Она бы хотела жить своим собственным домом, притом так, чтобы можно было иногда видаться с сестрой. Пока она говорила, Питер думал, что его маленькому дому нужна была бы такая дельная женщина. Мысль эта осталась. По временам он чувствовал, что она знает, что у него на уме, хотя они и не говорили еще о женитьбе.

Сегодня Питер чувствовал Альму очень близкой. Он встанет на заре, чтобы раньше выехать к Веллери. С новой изгородью вокруг стога он может быть совершенно спокоен за ферму и уехать на целый день.

Питер повесил грубое полотно на гвоздь и в зеркало стал рассматривать свое лицо. На него смотрел из зеркала далеко не Адонис. Темные брови на веснущатом лице были гуще, чем следовало бы. Точно что-то в климате заставляло их торчать как сорную траву у подножия голых скал. Надо будет, чтобы дирульник привел их завтра в порядок. Что-то придется сделать и с руками. Может быть керосин смоем грязь возле ногтей и на суставах пальцев. Не может же Альма думать, что он занимается своими руками, как женщина.

Последнее, что он видел, прежде чем закрыть в эту ночь глаза, была красота знакомых ему полей. Сожженные солнцем пространства, казавшиеся днем такими безрадостными, были залиты теперь серебряным сиянием с фантастическими тенями медленно движущихся облаков. Он заснул, восхищенный панорамой, которую ночь создавала из его опустошенных полей.

Питер очень устал, но что-то тревожило его глубокий сон. Точно какой-то бессонный часовой встал у входа в сознание Питера и звал, звал усталого спящего человека, говоря ему, что не все благополучно.

Питер вдруг вскочил и сел на кровать. В воздухе были какие-то беспокоящие звуки. Он, вероятно, слышал их уже некоторое время и во сне. Ночь была необыкновенно ясная, ярко светили луна и звезды.

Питер выглянул в окно. Сотни шумных стад нарушали тишину жутким хором мычащих голосов. Питеру стало казаться, что

Телка, вся в провалах и ребрах, жалко пла-

здесь собрались все стада с полей округа. Его сознанию, так неожиданно перешедшему из глубокого и далекого царства сна в шумливую действительность, казалось, что нечто сильное и ужасное вдруг согнало всех этих животных к его ферме и держало их там в этом призрачном свете.

Когда же Питер окончательно пришел в себя, он с ужасом понял, что это стада с чужих ферм, стада, умирающие от голода. Он видел, как головы с отчаянным напряжением тянулись через его новую изгородь, чтобы захватить ртом душистый корм, такой соблазнительный и недоступный. Ему стало страшно при мысли, как быстро могли бы эти стада уничтожить сравнительно слабую изгородь, если бы они только знали, как воспользоваться своей силой.

И вдруг ему стало жалко этих изможденных животных с костями, отовсюду торчавшими на их теле. Ведь на полях не было ни одной сочной травинки, а реки на фермах высохли до пыли. Скитаясь по выжженным полям, животные обостренным нюхом почуяли и его стог, и вот они были тут.

Питер не мог себе позволить накормить эти стада, но он мог их напоить... во всяком случае, хоть некоторых из них. Он знал, что такое жажда, он видел умиравших от жажды людей. Из-за какой-то занавеси в его памяти выступили воспоминания войны. Эти полузабытые кошмары точно принадлежали памяти какого-то другого

существа, не того фермера, который одевался теперь, чтобы выйти к колодцу.

Он приспособил рукав, который понес воду к большому корыту. При звуках плещущей воды четыре телки первые подбежали к корыту, сунули морды в прохладную струю и стали делать продолжительные, освежающие глотки. Их властно оттолкнули и оттеснили более сильные молодые бычки.

Измученные животные бежали гурьбой. Глоток-другой или просто смоченная в прохладной воде морда и скелетоподобные головы оттеснялись из переднего ряда. Двести голов скота дрались, чтобы поскорее воспользоваться великодушьем Питера. На переднем плане толкающихся и сгрудившихся животных некоторые ухитрились удержать свое место и продолжать важное занятие — шумное втягивание скудного запаса воды.

Победа и вода до оставались сильным, а кроющие, испуганные глаза оглажива-

лись кругом в равнодушной ко всему ночи и пересохшие горла хором излавали жалобное мычание.

Питер все качал и качал воду. Он делал что мог, но его корыто для водоюя не было достаточно велико, чтобы утолить жажду полей.

Он накачивал уже целый час, надеясь, что, утолив жажду, стада уйдут. Он был восторженно благодарен за щедрый дар из какого-то подземного резервуара. Не обращая внимания на боль в руках и спине, Питер продолжал накачивать.

Но настал момент ужаса для человека у насоса. Поток воды вдруг исык и она едва капала из рукава. В колодце больше не было воды. Питер со страхом подумал о своих нуждах и нуждах своего скота. Он побежал в дом и принес ведра и котелки. Он наполнял их, относил домой и ставил на скамью возле печи.

Скелет молодой телки, весь в провалах и ребрах, протянул морду к ведру, стоявшему за изгородью. В кротких глазах ее были испуг и мольба. Питер поднял ведро

рядке которой, казалось, был какой-то определенный план, когда животные проходили одни среди других.

Хор мычащих голосов становился все громче. Эти звуки беспокоили Питера, лишили последних сил. В призрачном свете ему было видно, как к стадам присоединялись новые стада. Повидимому, они отзывались на какие-то странные сигналы в звуках, которые, беспокоя его, в то же время были вестью для голодных, измученных жаждой животных. Новые стада приближались по залитым лунным сиянием полям, неуклюже торопясь с какой-то смутной надеждой,

Питер почувствовал, как взбунтовалась какая-то протестующая часть его я. Почему должны эти животные гибнуть и умирать с голоду? Почему высушены и бесплодны поля, это огромное пространство земли, способное на такое изобильное плодородие? Почему он

Первые же звуки хрустящего на зубах сочного тростника были сигналом для стад...

над изгородью и смотрел, как она осушила его. Другие животные подбежали к одинокой человеческой фигуре, стоявшей в свете луны. Питер ушел в дом и закрыл дверь.

Он лежал в кровати с широко раскрытыми глазами и спрашивал себя, что ему делать. Он слишком устал, чтобы думать. Может быть, нужная мысль сама придет ему. Со своего места ему видна была эта движущаяся, волнующаяся масса, в самом беспо-

и его соседи так плохо вознаграждены за свой труд,—они—такле усердные, широкоплечие люди, с руками, лицами и шеями, похожими на пергамент? Почему направил инстинкт эти стада к его урожаю? Почему не держали фермеры своих коров дома?

Целое шествие «Почему» мчалось в одинокой голове фермера, и вся жизнь его развертывалась перед ним, как свиток.

Он видел себя двадцатилетним юношей, попавшим в Нью-Йорк, видел свою бродячую жизнь, всю эту разнообразную работу, которую ему приходилось делать. Как разочаровали его города и как он мечтал одеревнеть на земле, о животных и садике возле дома. Началась война, потом он поселился на этой ферме, встретил Альму. Он не слишком обольщался насчет Альмы. Вряд ли она будет идеальной спутницей жизни. Но она, все же, будет лучше, чем одиночество. Она бывала и веселой, и ласковой, хотя и оставалась всегда расчетливой. И она знала тяжести жизни, и она тоже устала от городов. Он делает все, чтобы она была счастлива. Почему так много приходится страдать и животным и людям?

Он был рад, когда настало утро и расseyяло чары, сковывавшие и его поля, и ферму. Он смотрел, как спокойно поднималось на горизонте солнце, точно это был такой же день, как и все другие. Стада все еще топтались возле фермы. Питер спрашивал себя, не намерены ли они созвать сюда весь скот в округе.

—М-м-м!—кричали они громкогласным хором, поднимая изголодавшиеся морды к его стогу.

Питер закрыл окна и двери, чтобы не слышать этих стонущих звуков. Сегодня утром он хотел ехать к Велдери, повидать Альму и решить о дне свадьбы. Нужно отогнать стада, прежде чем ехать. Он отправится в лавку на перекрестке и телефонирует оттуда Рейпольдсу, чтобы он пришел за своим скотом. Кто были остальные владельцы, Питер и понятия не имел.

Он прошел к насосу. Отлично! Вода есть. Может быть они уйдут, если их всех напоить. Вода потекла к корыту. Напились с дюжину жаждущих морд. Потом поток воды снова прекратился. Колодец опять был сух.

—М-м-м!—жалобно мычала у ворот телка.

Что-то в этом звуке и в кротких, доверчивых глазах животного вдруг появилось противодействие Питера всякой опоре. Животное просило пищи. Эта пища имела только у Питера. Он прикинул, что его запаса будет достаточно, чтобы накормить всех этих животных. До этой минуты ему и в голову не приходило, что он добровольно скормит свой годовой урожай этим нежеланным гостям. Но это совершенно неожиданно было сговорено между самим Питером и молодой делегаткой с тихим голосом и доверчивыми глазами.

Питер прошел к сараю, взял топор и щипцы для колючей проволоки и направился к житнице. Его занимала мысль, как

найти отверстие, через которое он мог бы спастись, потому что у него не было никакого желания, чтобы стада убили его за доброту к ним. Он сделал обход по дугу и подошел к стогу с такой стороны, где всего несколько бычков изучали обстановку. Он благополучно прошел среди них и приблизился к изгороди. Он знал, что положение его было далеко не безопасно. Ему придется быстро работать. Человека легко могли затоптать до смерти хищнические копыта и никто даже не узнает причины его гибели.

С этими мыслями Питер стал щипцами прорезать отверстия в изгороди из колючей проволоки, работая так быстро, что гости, спешащие на его банкет, не успели заметить, что двери в столовую открыты. Он собирался перерезать другую часть проволоки между столами, когда понял грозившую ему опасность. Три умиравших с голоду быка ворвались через отверстие и уткнули морды в его стог. Первые же звуки хрустящего на зубах сочного тростника были сигналом для стад. Изгородь была растоптана. Питер бросился в ту сторону, откуда пришел. Но путь был прегражден стеной бешено надвигавшихся животных с дикими глазами. Фермер споткнулся, увидел скопище подков, вскоял и каким-то чудом оказался вне этой лавины.

Только очутившись дома и выпив воды, Питер почувствовал, что с его правой рукой что-то случилось. Рукав его рубашки был разорван от плеча до кисти и что-то теплое стекало с его пальцев на пол. Глубокая рана тянулась от плеча к локтю. Питер промыл рану, взял чистую рубашку и крепко обернул ее руку. Винтом послужило полотенце. Он зажег трубку, делая попытку как-нибудь облегчить просышающуюся боль, сел на крыльцо и стал смотреть, как исчезал урожай целого года в челюстях голодных, чужих животных, смотрел спокойно, как на нечто совершенно не касающееся его.

Где-то в мозгу его было сознание, что корм, который пожирала стада других людей, представлял сотни часов труда и пота, волнений и надежд, голода и жажды. Это была его усталость, которую он испытывал после работы во всякую погоду, это были часы невероятного труда под безжалостным солнцем, ночи одинокого сна, главной целью которых было подкрепить его измученное тело для новой работы. Но он, человек, сидящий на крыльце дома, жестоко раненый копытами или рогами, казался странно далеким этому одинокому, трудившемуся, надевавшемуся на что-то фермеру.

Он видел, как уменьшался и исчезал его стог в голодных пастьх. Огромные кучи корма падали сверху на большие головы. Их растаптывали, и эти крошки поедались менее удачливыми животными, которым не удавалось пробраться вперед.

Питер не мог оторвать глаз от белой телки, которая выбралась из толкотни с удовлетворенным и сытым видом и побежала по направлению, в котором, очевидно,

был ее дом. Когда она повернула к нему голову, Питер радостно вздрогнул. Это была та самая посланница, которая приходила с ходатайством к его воротам.

Питер сидел час за часом, смотря на странное зрелище и раздумывая, что ему делать с рукой, которая болела все сильнее. Он, хозяин этого дорого стоящего пиршества, еще ничего не ел. Он думал о еде, но ему казалось, что не стоит трудиться готовить ее. И он сидел на крыльце, под спускавшимся над ним ползучим виноградом, единственным свидетелем его драмы, а сильная боль в руке заставляла внешнюю трагедию казаться менее значительной.

Он смотрел, как исчезал его урожай, пока не было съедено все дочищено. Потом он увидел, как захватчики стали уходить, исчезая в тучах пыли. Молодые заморенные коровы, судьба которых была умереть от голода, плелись позади неровным шагом.

Питера пробудили к действительности звуки шумной тележки, подъехавшей к его дому и остановившейся у крыльца. Он был поражен, когда увидел, что из тележки быстро выскочила Альма. Он даже прислонился к сосне, ища поддержки.

— Здравствуйте, Питер! — крикнула она, подбегая к нему вся улыбающаяся, белокурая, цветущая. — Что же, вы не рады меня видеть?

Но Питер не пошел ей навстречу и, только когда она подошла к нему, протянул ей здоровую руку.

— Что случилось, Питер? Болит рука?

Альма оглядывала его перевязку.

— Ничего серьезного, — смущенно ответил Питер. — Как странно, что вы приехали сегодня. Я хотел быть сегодня утром в городе и заглянуть к вам. Откуда у вас тележка?

— Одолжила, — объяснила Альма.

— Удобная штука, правда? — внутренне Питер стонал: — Я не хочу ее видеть. Зачем она приехала?

Когда они подошли к крыльцу, Альма с порывистой горячностью взяла его здоровую руку. Бешеная боль в раненой руке делала Питера беспоконным.

— Вы, наверно, голодны! — сказал он. — Я затоплю печь и поставлю котелок.

Он с неловкостью возился у печи, сознавая, что она видит пустое место, где стоял его стог.

— Продали ваш стог? — спросила она с радостной улыбочкой ожидания в глазах.

— Стог? — О, его уж нет, — небрежно ответил Питер. — Хотите ветчины? На полке стоит банка с бобами. Вы можете ее открыть?

— Вы получили хорошую цену? — настойчиво продолжала Альма, быстро вскры-

— И при чем же теперь я? — спросила Альма.

вая консервную банку и опрокидывая содержимое ее в кастрюлю.

— Не понимаю, что сегодня

случилось с печкой. — жаловался Питер. — Она совсем не тянет.

— Я слышала, что вам делал предложение Рейнольдс. Это он купил у вас?

— Нет, он не покупал. А почему вы знаете о ферме Рейнольдса?

— Знакома с Рейнольдсом. Перестаньте суесться и скажите мне ваши новости.

Питер молча продолжал возиться с ветчиной. Потом придвинул к столу два стула и поставил приборы. Еда произвела именно то впечатление, на которое он и рассчитывал. Мысли Альмы были временно заняты. Но скоро она снова принялась за расспросы.

— Вы не хотите мне рассказать, как вы повредили себе руку, — начала она, — вы не хотите сказать, сколько получили за тростник. Вы даже не поцеловали меня.

— О! — извинился Питер и без дальнейших слов встал, подошел к ее стулу, поцеловал ее круглую щеку, вернулся на свое место и налил себе чашку чая. Он жаднопил горячую жидкость, надеясь, что она заставит его забыть боль в руке.

— Я покажу вам руку, — сказал он — Вы, ведь, сумеете ее забинтовать?

— Конечно. Найдутся у вас чистые тряпки?

Питер достал из сундука и принес ей вылинявшую рубашку.

— Она еще слишком хороша, чтобы ее рвать, — запротестовала Альма.

— Но у меня нет ничего другого.

Альма уверенно взялась за дело.

— Я не знала, что вам так плохо, — сказала она с новой, ласковой ноткой в голосе. — Есть у вас иод?

Он указал на полку и предоставил ей возиться и разговаривать.

Прикосновение ее ловких пальцев к его телу, свежесть и сила ее рук успокаивающе действовали на него. Когда же рука была удобно забинтована, натянутые нервы его сразу ослабели. Он провел рукавом здоровой руки по глазам и пробормотал сквозь подавленное рыдание:

— Какие у вас ловкие руки, Альма.

— Ну, ну, — успокаивала она, — Вы здоровый человек и кровь у вас чистая. Неделю через две вы забудете про то, что у вас болела рука. Поезжайте-ка завтра к доктору.

Он чувствовал, как ее прохладные ладони ласкали его щеки, как сильные, уверенные пальцы перебирали его спутанные волосы. Потом она осторожно, чтобы не ушибить его рану, обняла его за шею.

— Вам нужно, чтобы кто-нибудь за вами ходил, — говорила она, положив ему голову на плечо. — Скажите только слово и когда захотите...

— За этим то я и думал сегодня ехать в город.

Временное облегчение боли и это живительное волнение как-то привело в порядок его мысли. Ему уже не нужно было самозачисты в ее присутствии.

Он рассказал ей все с самого начала. Но прежде, чем он дошел до встречи с копытами и рогами обезумевших от голода животных, Альма вскочила и почти закричала, не давая ему кончить:

— Вы хотите сказать, что разрубили новую изгородь и отдали корм жадной кучке фермерского скота?

— Но, Альма, эти животные умирали от голода.

— Но это же не ваши стада! И при чем же теперь я? — спросила Альма.

— А я? — вопросом ответил Питер.

Они молчали, двое чужих людей, глядя друг на друга через пропасть непонимания.

— Я был так уверен, что мы женимся, — заговорил Питер, точно вспоминая что-то давно прошедшее, — теперь я не могу просить вас. У меня есть кое-какие сбережения, но этого слишком мало. Мне придется подождать еще год.

— Еще год? — голос Альмы резнул его, как острое лезвие. — Мне это надоело, Питер. К счастью, я во-время вас разглядела. Хорошая бы у меня была жизнь! Мужчина, который не может слышать, как мычат коровы, и превращается в большого теленка! Рейнольдс хотел приехать к вам сегодня и дать любую дену, только, чтобы его скот не подох.

— Я покормил его стадо, — пробормотал Питер.

— Стадо Рейнольдса? Так я должна вас поблагодарить за доброту к нашему скоту.

— Вашему скоту? — Питер не понимал.

— Во всяком случае, он скоро будет моим. Я все эти месяцы никак не могла решить, кого из вас выбрать. Я любила вас, Питер. Но женщина должна подумать и о себе. Он старый, но у него есть деньги, а у вас их никогда не будет.

Питер проводил ее до тележки. Последнее, что Питер видел, было белое колено, откровенно выставившееся между короткой юбкой и чулком, когда она садилась в тележку.

— Прощай! — сказал он.

— До свидания! — крикнула через плечо Альма.

Тележка шумно покатила по дороге.

Питер вернулся на крыльцо и долго сидел, убаюкивая жгучую рану. Весь его мир, за исключением пульсирующей большой руки, был бескрайней пустотой и молчанием. Много было дела, но казалось, ничего не стоит начинать.

Некоторое время спустя к нему донеслись знакомые звуки. Его коровы возвращались домой.

— М-м-м! — тихонько мычали они, прося, чтобы он подоил их, напоил и накормил.

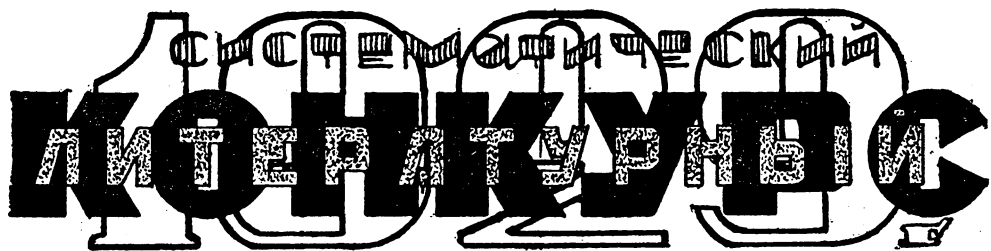
Тонкая струя молока потекла в ведро, но пены не появилось. Питер с трудом работал одной рукой. Наконец, он кончил, оставил свежее молоко в блестящих ведрах, кислое молоко скормил хрюкающим свиньям.

С сеновала Питер принес на вилах корм и с трудом кинул его через изгородь. Животные с аппетитом принялись за еду и ждали следующей порции, не чувствуя мучительной трудности, с которой эти охапки сена доставались Питеру.

Он сел, наконец, на крыльцо, закурил трубку и смотрел, как заходило солнце, похожее на огромный красный шар. Коровы в загоне жевали жвачку, удовлетворив все свои потребности.

В тишине раздался знакомый звук. Это вдруг прилетела сказать спокойной ночи. У Питера хватило энергии свистнуть птичке в ответ. Удача этой попытки заставила его вскочить на ноги. Он нашел ускользавшую от него ноту! Питер снова засвистел и снова нашел ноту. Птица услышала его призыв. Они перекликались и голоса их пронизывали тишину, точно таинственные руны, понятные только посвященным.

Птица улетела. Ночь окутала одинокий дом и затихшие тополя. Далекие молнии рисовали яркие узоры на небесах.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА № 2

ПРЕМИЯ В 100 РУБЛЕЙ

15 писателей: — ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ, ГОГОЛЬ, ГЕРЦЕН, ГОНЧАРОВ, ДОСТОЕВСКИЙ, Л. ТОЛСТОЙ, ПИСЕМСКИЙ, МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ, ЛЕСКОВ, ТУРГЕНЕВ, ПОМЯЛОВСКИЙ, САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, ЧЕХОВ и ГОРЬКИЙ — дали составителью материал для рассказа-задачи „Потревоженные тени“.

Цель задачи ясна: поощрить ознакомление подписчиков нашего журнала с большими писателями. Такого же типа рассказ „Записки неизвестного“ напечатан в № 11—12 „Мира Приключений“ 1928 года. Две однохарактерные задачи помещены в рядом стоящих по времени выхода книжках, чтобы усилить вдвое интерес к решению, а в конечном результате — к более основательному изучению русских мастеров слова. Мы предоставляем и всем новым подписчикам, т. е. не состоявшим подписчиками в 1928 г., решать обе задачи, следовательно воспользоваться поводом обогатить себя нужным и полезным чтением, а попутно приобрести возможность получения и обеих премий, т. е. 200 р., за очень небольшое добавление к предпринятому ради одной задачи приятному труду.

Как и в задаче № 1, подписчикам предлагается указать, из какого писателя взят каждый кусок рассказа „Потревоженные тени“, т. е. обнаружить свою литературную начитанность, память и внимание. Кто не читал того или другого из перечисленных 15 писателей — может теперь воспользоваться случаем пополнить свое образование.

Сделаем некоторые необходимые для облегчения решения задачи примечания. В целях чисто литературных, все действие рассказа „Потревоженные тени“ по духу соответствует шестидесятым годам, какие бы эпохи ни описывали авторы тех произведений, из которых рассказ-задача составлен. Далее, в задаче сохранены некоторые подлинные собственные имена действующих лиц, что, конечно, сильно поможет скорейшему первоначальному отысканию авторов и произведений. Но не следует упускать из вида, что составитель задачи и в дальнейшем течении рассказа, уже и в других местах, в выдержках из других произведений, должен был воспользоваться этими же самыми именами, подставить их на место тех, которые значатся в подлинном тексте. Нелегкое дело составить связное повествование, пользуясь отдельными отрывками из разнохарактерных писателей, принадлежащих к различным эпохам, отличающихся по стилю, по манере письма. Составитель стремился, по возможности, ничем не потревожить текст писателей и сохранить даже их пунктуацию — расстановку знаков препинания, но кое-где вынужден был изменить имена или вместо имен поставить местоимения и наоборот. Там, где требовал смысл рассказа, авторские слова заменены или дополнены одним или несколькими словами и фразами.

ЗА ПОЛНОЕ РЕШЕНИЕ ЭТОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЗАДАЧИ РЕДАКЦИЯ УПЛАТИТ ПРЕМИЮ В 100 РУБ.

В случае получения двух или нескольких безупречно правильных решений простой жребий определит, кому достанется премия.

Если не будет прислано (мы не хотели бы этого думать) полного решения, то половинная премия, т. е. 50 руб., будет выдана за максимальное количество отдельных, правильно указанных цитат. В случае совпадения таких решений у нескольких подписчиков, между ними будет брошен жребий.

Желая, чтобы возможно большее количество подписчиков приняло участие в этой работе и, таким образом, познакомилось более основательно с произведениями больших писателей, мы даем продолжительный срок для присылки решений.

ВСЕ РЕШЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОЛУЧЕНЫ РЕДАКЦИЕЙ НЕ ПОЗДНЕЕ 15-ГО МАЯ 1929 г.

Технически решение нужно выполнить так. Переписать рассказ „Потревоженные тени“ на машинке или четко и разборчиво черкилами, оставив поля. На полях, против каждой цитаты из автора, представить его имя и название сочинения, из которого выдержка приведена. Кроме того в самом тексте должны быть подчеркнуты слова, не принадлежащие цитируемому писателю, а вставленные составителем рассказа в видах цемментирования отдельных кусков или для того, чтобы рассказ тек более плавно.

Фамилии всех подписчиков, решивших задачу сполна или в преобладающей части, будут напечатаны в журнале.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ

РАССКАЗ-ЗАДАЧА, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 15 ПИСАТЕЛЕЙ.

I.

Приземистый кучерок на облучке непрестанно свистал каким-то удивительно приятным, птичьим свистом; тройка пегих лошадок с заплетенными черными гривами и хвостами быстро неслась по ровной дороге, через рошу вдоль реки.

... Великолепнейшая роща из дуба, березы, рябины, лип, черемухи, клена и дикой яблони. Сошлись породы русских деревьев и стали при воде. Яркий и жаркий май гостит в роще. Комары толпятся, муравьи выползают друг за другом, муха мухе жужжит про любовь и радость. Лягушки сладострастно стонут... Цветет черемуха, цветет рябина, цветут яблоня и липа — и отчего это молодая, стройная, одетая майскою зеленою береза так похожа на стыдливую невесту?.. Плодотворная цветочная пыль перелетает из одной кучи ветвей в другую. Рыба идет стадами в воде, трется о камень и мечет икру... Всякая мышь счастлива, всякая галка блаженствует, у всякой твари бьется сердце радостно...

Но не радостно на сердце у Владимира Нежданова, гнетут его воспоминания безрадостного детства.

Нежданов родился от князя Г., богача, генерал-адъютанта и от гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей в самый день родов. Первоначальное воспитание Нежданов получил в пансионе одного швейцарца, дельного и строгого педагога.

Князь обладал держким, неукротимым характером. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губернии, где находилось его имение. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю каждому порыву пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума.

Дерзость и своеволие князя забыли всякий предел. Князь разгневался на вывезенную из Парижа новую гувернантку своей дочери

и в припадке бешенства бросил в нее за столом тарелкой. Француженка вскричала:

— Я не крепостная ваша; вы не смеете... — сказала она.

Князь, давно отвыкший от всякого возращения, побавровел:

— Не смею! Я не смею!.. — проговорил он, свиснул своих челядинцев и, без всякого стеснения, велел насчастную девушку высечь...

Упавшую в обморок гувернантку вырвали из рук молодой княжны, высекли ее в присутствии самого князя, а потом спеленали, как ребенка, в простыню и отнесли в ее комнату.

Среди такого ужаса, княгиня не выдержала и вошла к мужу:

— Князь! — позвала она тихо, остановившись у порога...

— А! Что! Кто вас звал? Кто вас пустил сюда? — закричал, трясясь и топая, старик.

— Я сама пришла, князь; я ваша жена, кто же меня смеет не пустить к вам?

— Вон! Сейчас вон отсюда! — бешено заорал безумный князь и забарабанил кулаками.

— Князь! Вы опомнитесь — Сибирь...

Княгиня не успела договорить своей тихой речи... Князь закачался на ногах и повалился на пол. Бешеным зверем покотился он по мягкому ковру; из его опененных и поспевших губ вылетало какое-то зверское рычание; все мускулы на его багровом лице тряслись и подергивались; красные глаза выступили из своих орбит, а зубы судорожно схватывали и теребили ковровую покрывку... Лицо его из багрового цвета стало переходить в синий, потом в бледно-синий, пенная слюна остановилась и рычание стихло. Смертельный апоплексический удар разом положил конец ударам арапников, свиставших по приказанию скоропостижно-умершего князя.

Все это припомнилось Владимиру, пока он ехал из губернского города, от своего швейцарца, в деревню к бабушке, нищей

помещице, чтобы, переждав лето, осенью двинуться в Петербург для поступления в университет.

Он был ужасно нервен, ужасно самолюбив, впечатлителен и даже капризен: фальшивое положение, в которое он был поставлен с самого детства, развило в нем обидчивость и раздражительность; но врожденное великодушие не давало ему сделаться подозрительным и неверчивым. Товарищи его любили... их привлекала его внутренняя правдивость и доброта и чистота; но не под счастливою звездою родился Нежданов; не легко ему жилось. — Он сам глубоко это чувствовал — и сознавал себя одиноком, несмотря на привязанность друзей.

Он испытал несчастную способность многих, особенно русских людей, способность видеть и верить в возможность добра и правды, и слишком ясно видеть зло и ложь жизни для того, чтобы быть в силах принимать в ней серьезное участие...

Иногда он вспоминал о слышанном им рассказе о том, как на войне солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им нечего делать, старательно выискивают себе занятие для того, чтобы легче переносить опасность. И Владимиру все люди представлялись такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолюбием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками... «Нет ни ничтожного, ни важного, все равно: только бы спастись от нее, как умею!» думал Владимир. «Только бы не видеть ее, эту страшную»...

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи...

Кто из вас был на берегах светлой Оки? Кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаниями, богатые природным, собственным блеском!.. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синим холодным волнам, подвластным одному закону природы, который для нас не годится с тех пор, как мы выдумали свои законы.

II.

Лето прошло в непрерывной подготовке к экзаменам. Осенью Нежданов отправился в Петербург.

На рассвете, как известно, подъезжают к Петербургу... Нежданов поспешил достать свой чемодан и, бросив его на первого попавшегося извозчика, велел себя возить в какую-нибудь, только не дорогую гостиницу... После обеда отправился осматривать достопримечательности города. Для этого он нанял извозчика и велел себя возить мимо всех дворцов и соборов.

— Постой, что это за мост? — крикнул он.

— Аничков. А это Аничковский дворец тоже! — отвечал извозчик.

— Кто же живет в нем?

— Не знаю, не слыхал.

— А что это за церковь?

— Церковь Казанская это.

— Зачем это такие огромные крылья к ней приделаны? — подумал про себя Нежданов.

— Эти два чугунные-то войны, надо полагать, из нисколетов палят! — объяснял было ему извозчик насчет Барклая-де-Толли и Кутузова, но Нежданов уже не слышал этого.

... Бросил извозчика, пошел пешком, направляя свой путь к памятнику Петра. Постоял около него несколько времени, взглянул потом на Исакия. Все это как-то раздражающим образом действовало на него.

... Безобразное зрелище ожидало его на Садовой: там из кабака вывалило по крайней мере человек 20 мастеровых: никогда и нигде Нежданов не видал народу более истощенного и безобразного; даже самое опьянение их было какое-то мрачное свирепое; тут же у кабака, один из них, свалившись на тротуар, колотился с ожесточенным головом о тумбу, а другой, желая, вероятно, остановить его от таких самопроизвольных побоев, оттаскивал его за волосы от тумбы, приговаривая: — «Чорт, полно, перестань!» Прочие на все это смотрели хоть и мрачно, но совершенно равнодушно.

... Время между тем подходило к сумеркам, так что, когда он подошел к Невскому, то был уж полнейший мрак; тут и там зажигались фонари. И вдруг, посреди всего, бог весть откуда, раздался звук шарманки. Нежданов невольно приостановился: ему показалось, что это плачет и стонет душа человеческая, заключенная среди мрака этого могильного города...

III.

Нежданов снял каморку на Васильевском у одинокого студента Ивана Семеновича и стал посещать университет.

Иван Семеныч, зимним вечером, сидел в своей неприглядной, маленькой мастерской, которую рассматривал с полным отвращением.

... В углу образ божьей матери, но ведь без всякого оклада... Под ней Георгий победоносец... да что в нем п е з и р у? Сам то Георгий давным давно слинял, и осталась от него одна лошадь, да ноги самого... Иван Семеныч вздохнул.

— Что далее? — говорил он... А!.. Портрет генерала... Но отчего ему рожу перекосило? Разве такие бывают генералы? Разве генералы имеют кривой нос? А зачем глаза его смотрят — один в Москву, а другой в Питер?.. К чему рисуют такие святочные хари?... Будто это генерал? Подожди, я доберусь до тебя, — сказал он, погрозив генералу кулаком...

При дрожащем свете огарка генерал мигнул — одним глазом в Москву, другим в Питер.

— Молчи, чорт, — кричал наш герой. — Генерал разумеется ни слова.

— Поговори ты у меня! — Генерал не говорит.

Хорошо же! — Иван Семеныч всадил долото в лоб генерала.

— Я тебе и брюхо распорю!.. — Распорю. Но вдруг на него нашло раздумье. В эту минуту он походил на египтянина, которому сфинкс задал верзрешимую загадку.

В чем же состояла эта загадка? В вопросе: «Что мне надо?».

...Неожиданно лицо осветилось чем-то в роде небесной радуги.

— Кажется так? — спросил он, ударив себя по лбу. Он совсем просветлел... Не узнать его теперь: светел стал он, ясен, радужен, похож на сторублевую ассигнацию...

— Именно так... Да!.. Знаю, что мне надо.. Что?.. Бабу надо... Иван Семеныч оделся и пошел на улицу искать себе бабу.

На другой день утром Нежданов встретился в сендах с новым лицом.

Это было очень жалкое создание, молодая тоже девушка, лет двадцати. Замечательно прекрасные и добрые глаза бедной девушки с какою-то спокойною простотою поглядели на него.

— «Какие у нее глаза!» — подумалось ему.

Девушку звали Машей. Она стала жить у Ивана Семеныча.

Нежданов и Маша стали друзьями. Однажды девушка рассказала ему свою горькую жизнь.

— Мой отец был отличным музыкантом, — говорила она. — Я была совсем еще девочкой, когда умерла моя мать. В тот вечер — мы ушли из нашего бедного жилища... Всего более мучила меня в это мгновение матушка. Зачем мы ее оставили? Одну?

— Зачем мы, папочка, оставили там маму? Веротимся домой! Позовем к ней кого-нибудь.

— Да, да! Да! Маничка, так нельзя, нужно пойти к маме, ей так холодно. Поди к ней, Маничка, поди; поди... а я тебя здесь подожду... Я ведь никуда не уйду.

— Я тотчас же пошла, но едва только взойшла на тротуар, как вдруг будто что-то кольнуло меня в сердце. Я обернулась и увидела, что он уже сбежал с другой стороны и бежит от меня, оставив меня одну, покидая меня в эту минуту! Я закричала сколько во мне было силы и в страшном испуге бросилась догонять его: он бежал все скорее и скорее... Я уже теряла его из вида. Мучительное ощущение разрывало меня: мне было жаль его... Мне хотелось догнать его только для того, чтобы еще раз крепко поделоваться, сказать ему, чтоб он меня не боялся, что я не побегу за ним.

— Папочка! Папочка!.. — но вдруг поскользнулась на тротуаре и упала у ворот дома. Мгновенно спустя, я лишилась чувств...

Когда Маша говорила, она постепенно краснела, как будто ее речь ей стоила усилия, как будто она заставляла себя ее продолжать.

— С тех пор я живу где день, где ночь, — закончила она.

С этого момента Владимир точно переродился.

Он испытал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя. Он всю жизнь смотрел куда-то поверх голов окружающих людей, а надо было не напрягать глаз, а только смотреть перед собой. Он не умел видеть прежде великого, непостижимого и бесконечного ни в чем.

Он только чувствовал, что оно должно быть где-то, и искал его. Во всем близком, понятном он видел одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное... Теперь же он выучился видеть великое, вечное и бесконечное во всем... И чем ближе он смотрел, тем больше он был спокоен и счастлив. Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал...

IV.

Есть в Петербурге сильный враг всех получающих 400 рублей в год жалования или около того. Враг этот никто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда их девать... Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать, как можно скорее, пять-шесть улиц и потом натоптаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарования к должностным исправлениям.

В один из таких дней Нежданов с Машей вышли по направлению к Невскому. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга... Какая быстрая совершается фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемены в течение одних суток!

Ветер, по петербургскому обычаю, дул со всех четырех сторон, из всех переулков.

У Казанского собора происходило что-то совсем необычайное.

Толпа напоминала осенний темный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури; она текла вперед медленно. Глаза блеснули возбужденно...

Вдруг — как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросилось бежать...

Нежданов почувствовал — как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины и его начало в нее втягивать...

Он вернулся домой один. Когда Маша не явилась и на следующий день, он пошел ее разыскивать. Спрашивая у знакомых...

...Отправился к частному приставу. Нежданов вошел к нему в то время, когда он потянулся, крикнул и сказал: — «Эх, славно засну два часика!» и потому можно было предвидеть, что приход посетителя был совершенно не во время. Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей; но государственную ассигнацию предпочитал всему. «Это вещь,» — обыкновенно говорил он: — «уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется».

Частный принял довольно сухо Нежданова и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы наевшись, немного отдохнуть... Нежданов приехал домой едва слыша под собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира после всех этих неудачных исканий.

V.

Ранее обыкновенного лег он в постель, но, несмотря на все старания, никак не мог заснуть.

Он лежал и думал:

«Есть две стороны в жизни каждого человека: жизнь личная и жизнь стихийная, роевая»...

«Во мне они слабо выражены обе».

«О, Гамлет, Гамлет, датский принц, как выйти из твоей тени? Как перестать подражать тебе во всем, даже в позорном наслаждении самобичевания?»

«Счастлив тот человек, который продолжает начатое, которому преемственно передано дело: он рано приручается к нему, он не трагит полжизни на выбор, он сосредоточивается, ограничивается для того, чтобы не расплыться — и производит. Мы чаще всего начинаем вновь, мы от отцов своих наследуем только движимое и недвижимое, да и то плохо храним; от того по большей части мы ничего не хотим делать, а если хотим, то выходим в необозримую степь: или, куда хочешь, во все стороны — вода большая, — только куда не дойдешь; это — наше многостороннее бездействие, наша деятельная лень».

Наконец желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его; но какой сон? Еще несвязнее сновидений он не видывал никогда. То сплоско ему, что вокруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... То представлялось ему, что он женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой, двойная кровать; на стуле сидит жена. Ему странно: он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо...

Сон переходит в кошмар.

«Взлетел Веретев. — Берут! — ревел он. — Кого?! — Волохова, Рудина и Берсеньева уже взяли... Кирсанов на волоске... «Затишье». Астахов! Маша!.. «Человек он был» — а теперь что? Что я такое спрашиваю я вас? Утовула? Чорта с два... вышла замуж за Чертопханова! За Чертопханова — понимаете! «Башмаков еще не изнасила»... Зачем жить? Зачем мне жить, спрашиваю я вас?.. Сказавши это, Веретев вдруг зажужжал на манер пчелы... В эту минуту пошел Кирсанов. Он был, видимо, расстроен:

— Господа! Вы видите меня в величайшем недоумении. Заподозрена моя политическая благонадежность... — Аркаша остановился.

...И мы заподозрены и все заподозрены! Его благонадежность! Есть об чем толковать!... Ты вспомни-ка, что ты с Базаровым, лежа на траве, разговаривал!

Бледное лицо Кирсанова моментально вспыхнуло...

...В комнату вошел совершенно расстроенный Перерепенко:

— Представьте себе, меня обвиняют в намерении отделить Миргородский уезд от Полтавской губернии! — сказал он упавшим голосом.

— Откуда же такая напраслина, Иван Иванович? Ужели Довгочхун?

— Признаюсь, у меня у самого первое подозрение пало на Довгочхуна, но, к сожалению, Довгочхунов много и здесь. Не Довгочхун, а неслужащий дворянин Марк Волохов!

...Когда зажглись на улице фонари, явилась четырехместная карета, всем завязали глаза и повезли...

В страхе и беспамятстве просыпался Нежданов; холодный пот лился с него градом.

На другой день обнаружилось у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата, болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уж для того, чтобы большой не остался без благодетельной помощи медицины.

VI.

Маша так и не вернулась. Нежданов поправлялся медленно и был подавлен. В душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в бога... он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь — не в его власти.

Весной товарищ по университету Годнев увез его в имение своей матери. Дом Годневых считался чуть ли не первым по всей... ой губернии. Огромный, каменный, сооруженный по рисункам Растрелли во вкусе прошедшего столетия, он величественно возвышался на вершине холма, у подножья которого протекала одна из главных рек средней России. Сама Дарья Михайловна Годнева была знатная и богатая барыня, вдова тайного советника.

Сад Годневых отличался некогда большими затеями. Выход в сад был прямо из гостиной, с небольшою балочка, от которого прямо начиналась густо разросшаяся липовая аллея... В различных расстояниях возвышались статуи олимпийских богов. Из числа этих олимпийских богов остались: Минерва без правой руки, Венера с отколою половиной головы и ноги какого-то бога, а от прочих уцелели одни только пьедесталы. Место это Годнева называла разрушенным Олимпом. За газоном следовал довольно крутой скат к реке... По всему этому склону росли в наклонном положении огромные кедры, в тени которых стояла не то часовня, не то хижина... Покойный владелец — большой, между прочим, шут-

ник и забавник — нарочно старался придать этой хижине ликий вид и посадили деревянную куклу, изображавшую пустынножителя, которая, когда кто входил в хижину, имела свойство всгавать и кланяться, чем пугала некоторых дам до обморока, доставляя этим хозяину непомверное удовольствие.

Было тихое весеннее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе, но поля еще блестяи росой, когда Годнев и Нежданов подъехали к дому.

Обширная и опрятная комната, в которую слуга ввел Нежданова, выходила окнами в сад. Они были раскрыты и легкий ветерок слабо надувал белые шторы: они округлялись, как паруса, приподнимались и падали снова... Он подошел к окну и стал глядеть в сад... Весь сад нежно зеленеи первую красою весеннего цветения... По небу, округляя свои груди, как большие дневные птицы, тихо плыли светлые облака. Нежданов глядел, слушал, втягивал воздух сквозь раскрытые, похолодевшие губы... И ему словно легче становилось; тишина находила и на него.

К обеду наехало много народу, — а после обеда, Нежданов, воспользовавшись общей суетой, ускользнул к себе в комнату. Ему хотелось остаться наедине с самим собою.

Прошла неделя.

Май уже перевалил за вторую половину; стояли первые жаркие летние дни. Нежданов отправился в сад, а из сада прошел в березовую рощу, которая примыкала к нему с одной стороны... Погулявши с полчаса, Нежданов присел наконец на срубленный пенек... Он не думал ни о чем, он отдавался весь тому особенному ощущению, к которому — и в молодом, и в старом сердце, — всегда примешивается грусть... взволнованная грусть ожидания — в молодом, неподвижная грусть сожаления — в старом...

Вдруг раздался глухой голос, голос мужчины:

— Итак, это ваше последнее слово? Никогда?

— Никогда! — повторил другой, женский голос, показавшийся Нежданову знакомым.

— Я узнала недавно только, что я любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе... Ты кроток, честен, Илья; ты нежен... Годубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше; ты готов всю жизнь проворковать под кровлей... да я-то не такая: мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего — не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мне не достает, дать это все, чтоб я... А нежность... где ее нет!...

И мгновение спустя, из-за угла дорожки, оглябавшей в этом месте молодой березняк, — выступила Елена, сестра Годнева, в сопровождении человека смуглого, черноглазого, которого Нежданов до того мгновения не видал. Оба остановились, как вкопанные при виде Нежданова... Елена покраснела до корней волос, но тотчас же презрительно усмехнулась... А спутник ее нахмурил свои

густые брови — и сверкнул желтоватыми белками беспокойных глаз. Потом он переглянулся с Еленой и оба, повернувшись спиной к Нежданову, пошли прочь, молча, не прибавляя шагу, между тем как он провожал их изумленным взором.

VII.

Весенний светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури.

Между тем Елена вернулась в свою комнату, села перед раскрытым окном и оперлась головой на руку. Проводить каждый вечер около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней в привычку. Она беседовала сама с собою в это время, отдавала себе отчет в протекшем дне... Во всем ее существе, в выражении лица, внимательном и немного пугливом, в ясном, но изменчивом взоре, в улыбке, как будто напряженной, в голосе тихом и ровном, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словом, что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных.

Заслышав шаги под окном, она насторожилась и вышла.

Нежданов пошел в свою комнату. В коридоре он наткнулся на Елену. Он хотел было пройти мимо... она остановила его резким движением руки.

— Г-н Нежданов, — заговорила она не совсем твердым голосом: — мне, по настоящему, должно быть все равно, что вы обо мне думаете; но я всетаки полагаю... я полагаю уместным сказать вам, что когда вы встретили сегодня в роще меня с г-ном Меркуловым... Скажите, вы, вероятно, подумали: отчего это они оба смутились и зачем это они пришли сюда, — словно на свидание?

— Мне действительно показалось немного странным... начал было Нежданов.

— Г-н Меркулов, — подхватила Елена: — сделал мне предложение; — и я ему отказала. Г-н Меркулов наш сосед. Его усадьба в 3-х верстах отсюда. Вот все, что я хотела сказать вам; засия — прощайте. И думайте обо мне, что хотите.

Она быстро отвернулась и пошла скорыми шагами по коридору. Нежданов вернулся к себе в комнату и, присев перед окном, задумался, — Что за странная девушка — и к чему эта дикая выходка, эта непрощенная откровенность?... Странная девушка.

Воротясь в свою комнату, остановилась Елена посередине ее. Ровно застыла вся, ровно окаменела. Унылый неподвижный взор обращен в окно... руки опущены, лицо бледно, как полотно, поблекшие губы чуть заметно вздрагивают...

Ее душа и разгоралась, и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял ее, никто ее не удерживал, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя.

Будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала от нее и требовала еще новых небывалых явлений, заглядывала еще дальше вперед.

VIII.

Сердце 18-летней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит его, как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья. Ручей — это надежда; пока она светла и жива, то в несколько мгновений следы изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужна до этих ничтожных следов, до этих незримых ран, покрытых одеждою приличий?

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры, но знаю, что большая часть моих читателей не разделяла бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными; итак, я пропущу их...

Было около двух часов пополудни; солнце медленно катилось по жарким небесам и гибкие верхи деревьев едва колебались, перешептываясь друг с другом; в густом парке изредка попевали странствующие птицы, и редкая вещая кукушка повторяла свой унылый напев, мерный, как бой часов в сырой готической зале. На камье под огромным дубом, окруженные часто-сплетенным кустарником, сидели Елена и Нежданов.

— Я только теперь узнал все то счастье, которое может испытать человек! И это вы, это ты, — сказал он, робко улыбаясь, — дала мне это!

Он был в том периоде, когда «ты» еще не сделалось привычно, и ему, смотря правдиво снизу вверх на нее, страшно было говорить «ты» этому ангелу.

— Я себя узнал благодаря... тебе, узнал, что я лучше, чем я думал.

— Я давно все это знаю. Я за то-то и полюбила вас.

Соловей защекал вблизи, свежая листва зашевелилась от набежавшего ветерка. Он взял ее руку и поцеловал ее, и слезы выступили ему на глаза. Она поняла, что он благодарит ее за то, что она сказала, что полюбила его.

Он тихо обнял стройный ее стан и тихо прилек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого человека — оба молчали... Время летело.

— Пора, — сказала наконец Елена.

Нежданов как будто очнулся от усыпления...

Сухой кашель раздался за спинами. Елена мгновию отодвинулась на другой конец скамейки. Меркулов показался, слегка поклонился и, проговорив с какою-то злобною унылостью: «Вы здесь» — удалился.

IX.

Часа два спустя, Меркулов стучался к Нежданову.

— Я должен извиниться, что мешаю вам в ваших ученых занятиях... Я пришел предложить вам один вопрос.

— Вопрос? О чем это?

— Сколько мне помнится, ни между нами, ни в моем присутствии, речь никогда не заходила о поединках, о дуэли вообще. Позвольте узнать ваше мнение об этом предмете?

Нежданов, который встал было навстречу Меркулову, присел на край стола и скрестил руки.

— Вот мое мнение, — сказал он: — с теоретической точки зрения дуэль несправедлива; ну, а с практической точки зрения — это дело другое.

— Ваши слова избавляют меня от некоторой печальной необходимости... Я решил драться с вами...

— Да за что? Помилуйте.

— Я бы мог объяснить вам причину, — начал Меркулов, — но я предпочитаю умолчать о ней. Вы на мой вкус здесь лишний; я вас терпеть не могу, я вас презираю, и если вам этого не довольно...

Глаза Меркулова засверкали... Они вспыхнули и у Нежданова.

— Очень хорошо-о, — проговорил он. — Дальнейших объяснений не нужно.... Я бы мог отказать вам в этом удовольствии, да уж куда ни шло!

— Что же касается до самих условий поединка, то так как у нас секундантов не будет, ибо где же их взять?

— Именно где их взять?

— То я имею честь предложить вам следующее: драться завтра рано... за рошей, на пистолетах; барьер десять шагов...

— Соглашаюсь.

— За сим, милостивый государь, мне остается только поблагодарить вас и возвратить вас вашим занятиям. Честь имею кланяться.

Меркулов вышел, а Нежданов постоял перед дверью и вдруг воскликнул: «Фу, ты чорт! Как красиво и как глупо. Экую мы комедию отломали! Ученые собаки так на задних лапах танцуют...»

За Ореховым полем, возле Тимохина бора, между двух невысоких, но как стены стоймя стоящих крутых угоров, и вширь и вдаль раскинулась привольно долина Фатьянка. Будто шелковый зеленый ковер расстилается по ней сочная, мягкая мурава, испещренная несметным множеством цветов, сплошь покрывает ее.

Здесь рано утром противники заняли свои места.

Нежданов, когда настало для того время, взвел курок и поднял тяжелый холодный пистолет дулом вверх. Глядя на бледное, насмешливо улыбающееся лицо Меркулова, который, очевидно, с самого начала был уверен, что его противник выстрелит в воздух, Нежданов думал, что сейчас, слава богу, все кончится и что вот только нужно надавить покрепче собачку.

Сильно отдало плечо, раздался выстрел и в лесу ответило эхо: пах-пах!

Меркулов стал прицеливаться в Нежданова.

«Кончено!»—подумал Нежданов.

Дуло пистолета, направленное прямо в лицо, выражение ненависти и презрения в позе и во всей фигуре Меркулова, и это убийство, которое сейчас совершит порядочный человек среди бела дня, и эта тишина и неизвестная сила, заставляющая Нежданова стоять, а не бежать — как все это таинственно, и непонятно, и странно!

Тотчас же раздался выстрел.

В это самое время Нежданова сильно кольнуло в грудь, пониже правого плеча, он упал и лишился чувств.

X.

Час спустя Нежданов уже лежал в постели... Весь дом переполошился. Елене сделалось дурно... К ночи с ним сделался жар... Явился доктор из города... Гоинев сказал ему, что Нежданов сам себя поранил по неосторожности, на что доктор отвечал: «гм!»—но, получив тут же в руку 25 р. серебром, промолвил:

— Скажите! Это часто случается, точно.

Ночь была не хороша для Нежданова... Жесточкий жар его мучил. К утру ему полегчало. Перемена к лучшему продолжалась недолго.

Он еще не потерял памяти и понимал, что ему говорили; он еще боролся. «Не хочу бредить!»—шептал он, сжимая кулаки:— «что за вздор!»—И тут же говорил: «Ну, из восьми вычтешь десять, сколько выйдет?»

К вечеру он потерял сознание.

Елена в сопровождении доктора вошла в кабинет. Доктор успел шепнуть ей, что нечего думать о выздоровлении больного. Она взглянула на Нежданова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленно и в то же время мертвенное лицо.

«О боже,—думала Елена,—зачем смерть, зачем разлука, болезнь и слезы?... Что же значит это улыбающееся, благославленное небо, эта счастливая отдыхающая земля? Ужели это все только в нас, а вне нас вечный холод и безмолвие? Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех этих недосягаемых безднах и глубинах,—все, все нам чуждо?»

«Елена!»—раздалось явственно в ее ушах. Она быстро подняла голову, обернулась и обомлела. Нежданов, белый, как снег, приподнялся и глядел на нее большими, светлыми, страшными глазами.

— Елена! — произнес он — я умираю.

Она с криком упала на колени и прижалась к его груди

— Владимир... Я надеюсь...

— ...Станемте говорить правду. Со мною кончено. Пошел под колесо. И выходит,

что нечего было думать о будущем. Старая шутка смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспамьяство и фюить! (он слабой махнул рукой). Ну, что же мне вам сказать... Я любил вас! Это и прежде не имело никакого смысла, а теперь подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается... Я нужен России... Нет, видно не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продает... мясник... Постоите, я путаюсь... Тут есть лес...

Нежданов положил руку на лоб. Елена наклонилась к нему.

— Владимир, я здесь...

Он разом принял руку и приподнялся.

— Прощайте,—проговорил он с внезапной силой, и глаза его блеснули последним блеском.— Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуйте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...

Елена приложила губы к его лбу.

— И дозвольте! — промолвил он и опустился на подушку.— Теперь темнота...

Елена тихо вышла.

— Что? — спросил ее шопотом брат.

— Он заснул,—отвечала она чуть слышно. Нежданову уже не суждено было проспать...

Эпilog.

Пять лет прошло с того времени.

Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелует в неравной битве с ним?

Елена вышла замуж за очень любезного молодого человека; он где-то служит и имеет порядочное состояние... у Елены воспитывается бедная родственница.

В знойный полдень 26 мая 1871 года в Париже, когда уже восстание Парижской Коммуны было подавлено, в одном из тесных переулков батальон версальцев брал баррикаду. Несколько пушечных выстрелов уже разбили ее; ее защитники, оставшиеся в живых, ее поклялись... Как вдруг на самой ее вершине, на продавленном кузове поваленного омнибуса, появился высокий человек в старом сюртуке, подпоясанном красным шарфом.

В одной руке он держал красное знамя, в другой — кривую и тупую саблю, и кричал что-то напряженным голосом, каракаясь кверху и помахивая и знаменем, и саблей. Версальский стрелок прицелился в него — выстрелил... Высокий человек выронил знамя и, как мешок, повалился лицом вниз, точно в ноги кому поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

— Tiens! — сказал один из убежавших инсургентов другому.— On vient de tuer le Polonais!...

Этот «Polonais» был — Илья Меркулов.

История

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА № 3.

(ДВЕ ПРЕМИИ)

Юмористический
рассказ

Иллюстрации
Н. КОЧЕРГИНА.

ние получил свое, вплоть до седьмого колена по восходящей и нисходящей линиям.

А на дворе спешно заканчивался капитальный ремонт. Была суббота. Нужно было бежать в банк за получением денег. Заведующий работами объявил, что расчет должен быть произведен до 4 часов, и никак не позднее завтрашнего утра.

Между тем гражданин Ханукина не обнаруживала ни малейших признаков утомления или упадка духа, — осада проложалась планомерно. Мырзин сидел в подвале за прикрытием из бочек и сознавал, что выбит из колеи окончательно.

Это Мырзин-то! Тот самый, который готовился в Шерлоки Холмсы, который составлял книгу об индуктивно-дедуктивном методе сыска. Мырзин! Чья логика была — железо, а выводы — сталь. Чьими советами не раз пользовался сам начальник отделения, не говоря уже о квартальных. Мырзин, которому казалось, что он способен раскрыть любое преступление, применяя один из усовершенствованных им методов — или наматывая клубок, или разматывая клубок, или наматывая и разматывая одновременно. Это так думал Мырзин. Гражданка Ханукина — та думала иначе. По ее мнению выходило как дважды два-четыре, что белье стащила никто иной, как сам же Мырзин, что он прошил его со всей своей бандой из правления, той самой бандой, которая умышленно строит всякие каверзы бедным пролетариям дома, которая закуплена буржуазными элементами — эмпманами и с парадных лестниц. Словом, гражданка Ханукина, одна и не в очередь, выполняла полную программу общего собрания жильцов дома.

— За каждую ниточку ты мне ответишь, — грозила Ханукина куда-то в пространство. — Я все твои штучки выведу на чистую воду. В острого твое место, а не на нашей трудовой шее. За то тебе, дармоеду, денежки платят, чтобы ты за порядком смотрел, а не пьянствовал, не локал бы пивыше, как пожарный насос. Где спрятался? Подайвай мне мое белье! С живого

Ночью сняли белье с чердака. Белье было мокрое и принадлежало самой боевой гражданке, в доме — Ханукиной, из 74 номера. Вор игнорировал оба эти обстоятельства. Отсюда вывод: или вор был посторонний, не знакомый с личностью гражданки Ханукиной, или, если домашний, то из самых отпетых, которому ничего не составляло пожертвовать покоем остатка своих дней. Даже при гарантии, что преступление никогда не будет раскрыто, ни один нормальный человек добровольно на такую казнь обречь себя не мог.

Для оправдана Мырзина это было ясно, как полуватная лампочка, пока он с шести утра метался по дому, напуганный проклятиями потерпевшей. Было похоже на китайскую казнь колоколом, от которой человек неминуемо сходит с ума.

Приглашенный для составления акта милиционер вскоре начал обнаруживать все признаки нервного расстройства: выкурил, не отрываясь, пачку «Совета», потерял два карандаша — свой и оправдомов, — ничего толком не написал и, наконец, позорно сбежал, шепнув Мырзину:

— Собаку приглашать не советую, она ее загрызет...

Кто кого был должен загрызть по соображениям милиционера — собака Ханукину или наоборот? — для Мырзина так и осталось неясным.

Потеряв способность что-либо соображать, оправдом отсиживался по темным углам, по чердакам и подвалам, выжидал, когда Ханукина объявит, наконец, перерыв. Но чем дальше, тем становилось очевиднее, что перерыва сегодня не будет. Ханукина была вездесуща и непессякаема, всюду его наловила и кляла в круто завороченных выражениях за головоустройство, бездарность и тунеядство. Когда терял острогу ни индивидуальный метод воздействия, Ханукина принималась за все правление жилищоуправления. Каждый из входящих в правле-

Гри Зацепкин.

удобств все шансы были на стороне Фонтанки. Гонимый какой-то внутренней силой, Мырнин машинально побрел в ту сторону.

На углу два татарина внимательно исследовали принадлежности дамского туалета. Возле пошатывался сильно нетрезвый гражданин, держа под мышкой что-то белое, перемазанное в грязь.

— Восемь гривен за все. Шибко мокрый, — говорил один из татар.

— Эх, князь... Мокрый... А погода?... Вот то-то и оно... Полтора даешь?...

Мырнин прошел было мимо, но, присмотревшись к пьяному, узнал в нем спившегося мужиченку с третьего двора — Зацепкина.

— Э, приятель... Чем торгуешь?

— Доброго здоровья, гражданин управдом... Я — тихой! Выпил немножко, это точно... На свои!... Чорта ли нам, маярам!...

— Откуда мокрое белье? С чердака снял? У нас в доме?

— А нив в жизнь!... По чердакам — ни-ни... Свое кровное пропиваю... Татары попытались исчезнуть. Мырнин попросил их повременить и помочь ему довести пьяного до ближайшего постового. Необычайная удача сразу подхлестнула Мырнина. Он весь горел, как будто выиграл двести тысяч. И Фонтанка, и гражданка Ханукина

выскочили из головы, как будто их там никогда и не бывало. Как это считать? Слепой случай? Удача? Прозрение? Подумав немножко, Мырнин пришел к выводу, что в этом что-то есть, и решил включить в свою будущую книгу парочку глав о сыскной интуиции.

Гражданке Ханукиной было сообщено, что похититель белья обнаружен целиком и полностью и теперь сидит в милиции. Однако это не охладило ее боевого пыла, она окопалась на площадке перед

конторой и оттуда повела перекрестный огонь по собравшимся членам правления.

На управдома Мырнина это больше не действовало. Пока шло заседание правления, он сидел, гордый своей удачей, делая вид, что в этой удаче не последнюю роль играли и его необычайные детективные способности. Покровительственная улыбка больше не покидала его выразительного, точно по циркулю вычерченного лица. Как человек умный, он умел снисходить к маленьким человеческим слабостям, а потому в ответ на предложение преправления Козина какнибудь ликвидировать Ханукинский террор, кратко формулировал свое отношение к вопросу:

— Подаст — отстанет.

Громкоговоритель в «Красном уголке», смежном с комнатой правления, объявил 11 ч 2 м., когда Козин закрыл собрание. В насквозь прокуренной комнатке было дымно, точно в рыбкооптильне. На среднем столе высались груды окурков и валлось столько списанных цифрами бумажек, как будто здесь засадала дюжина математиков и высчитывала пути еще не открытой занептуновской планеты. Среди груды бумаг путалось неимоверное количество портфелей. Правящие расходились, разбирая эту неотъемлемую принадлежность каждого сознательного общественника.

Когда количество портфелей сократилось до четырех, Мырнин заново набил трубку.

— Последнюю выкурю — и пошел, — сказал он. — Завтра чуть свет поднимут. Боевой день кончился. Хорошо — деньги успел получить до закрытия банка, а то был бы завтра скандал.

Казначей правления, Иван Иванович Архангелов, — личность в полной мере безвольная и крайне суматошная, — всполошился:

— Да, граждане... Кстати напомнили о деньгах... По зрелом размышлении, деньги я решаю забрать с собой... А то вдруг — раз, два и пожадуйте бриться... Четыре с половиной тысячи — не прыщ на носу... Могут под машинку выстричь, а я отвечаю!

Иван Иванович был по профессии парикмахер и любил острые словечки. Он звякнул замком письменного стола, порылся в хаосе и переложил объемистую пачку, завернутую в газетную бумагу, в свой портфель.

— Ответственность несем все в равных дозах, — отозвался Пров Провыч Жила, безработный из фармацевтов, обладатель большого, сильно ноздреватого носа, отчего издали казалось, будто у него на носу зачем-то приспособлена альпийская козюра.

— Все-то все... — соображал Архангелов, не зная, как ему поступить.

Николай Нилыч Козин, серьезный и вдумчивый кустарь-одиночка по велосипедной и плимусовой части, просматривал газету. Он на минуту оторвался, поправил очки и предостерегающе произнес:

— И дом небезопасно. Вон, в Лештуковом прошлой ночью на одной площадке две квартиры обчистили. Жильцов переваляли, ценности забрали и того... иголки не подточить...

Миллиционер.

— Пожалуй, лучше не брать, — заволновался Архангелов, перекладывая пачку обратно в стол. — Лежит и лежит между пакетами. Кому в голову придет, что здесь червонцы? А? Как вы думаете?..

— Вы бы в шкаф заперли. Иван Иванович! Надежнее. Все-таки в некотором роде несгораемый, — посоветовал Мыррин, откуда-то, из табачного облака.

— Замок не в порядке! Тысячу раз просил починить. Прямо с ума сойдешь с вами, Пал Палыч.

Архангелов в отчаянии щелкнул ключом и переложил пачку из стола в шкаф.

— Замок не в порядке, а сами в шкаф суете? Не логично, — удивился Жила.

— Не совсем не в порядке, а так... на три четверти, — почесывая затылок Архангелов.

— На семь осмых. — засмеялся Козин. — Откуда такой броненосец появился?

— Пал Палыч где то в подвале раскопал.

— Что ж, вещь внушительная. Сразу солидную домовую обстановку создает, — сказал Мыррин. Он встал и хлопнул рукой избитый и облезлый железный шкаф, наводивший на мысль о погроме. Архангелов думал, покусывая ногти. Потом взглянул на часы.

— Возьму с собой и крышка, — с отчаянностью решил он.

Деньги из шкафа перешли снова в портфель казначей.

— А почему бы не отдать Пал Палычу? — спросил Козин. — Ему завтра платить, пусть он и сохраняет.

— И правда! — обрадовался Архангелов. — Держите-ка, Пал Палыч...

— Не по адресу, Николай Нилыч, — мягко отклонил Мыррин. — У нас есть казначей. А то выходит, будто мы лишаем доверия нашего уважаемого Ивана Ивановича, — управдом слегка поклонился и, картинно выгибаясь, прошелся по комнате.

Наступила натянутая пауза. Архангелов стоял с протянутой пачкой в руке. Козин внимательно изучал поряжевший ботинок. Пров Провыч что-то рисовал на протоколе

сегодняшнего заседания. Мыррин, и о п ы х и в а я трубкой, читал на стене плакат, который он давно знал наизусть. Все сделали вид, будто не замечают затруднений казначей.

Архангелов нервничал все сильнее. Он снова запер пачку в письменный стол. С облегчением вздохнул и хотел закурить. Не довел намерения до конца, нервно вскочил и переместил пачку в несгораемый шкаф, после чего только закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, снова взвлек пачку, повертел ее в руках и решительно сунул в портфель.

— Все-таки надежнее... Пусть лучше ночь не пошло.

Ну, что же, так — так так... — почему-то вздохнул Козин.

— Волноваться, по-моему, нет смысла. Не каждую же ночь палеты бывают, — успокоил Жила. — Быть может, к вам, Иван Иванович, еще и не попадут...

— Вы всегда утешите, Пров Провыч! Характер у вас — как тупая бритва! — Архангелов отвернулся и с видом жертвы, обреченной на заклятие, уставился на заем индустриализации.

— Вы, как хотите, а я пошел, — сказал Мыррин. Он взял свой портфель, попрощался со всеми за руку и вышел, бросив уже в дверях:

— Иван Иванович, ровно в восемь я буду у вас.

— Хошь в шесть, — махнул рукой казначей, — все равно всю ночь не спать.

Управдом ушел.

— Дельный паренек, — кивнул головой на дверь Жила.

— Башка! — подтвердил Козин. — Всех жуликов в районе знает.

При упоминании о жуликах, Архангелов снова ухватился за портфель.

— Это — мой, Иван Иванович, — сказал Козин.

— Извините... По ошибке... Все они похожи.

Казначей отыскал свой портфель, раскрыл его, долго и бестолково рылся.

— Куда я их засунул? Или в столе? Тут сам черт ногу сломит. А, вот... Окончательно и бесповоротно оставляю здесь, в несгораемом шкафу...

Он нервным движением оправил уже растрепавшуюся пачку и запер ее в шкаф.

— Товарищи, при вас кладу... В случае чего — того...

Козин и Жила переглянулись.

— Что ж... В сущности, наше дело сторона, — как-то загадочно произнес Жила.

— Эх, товарищи! — укоризненно вздохнул Архангелов.

— В денежных делах отду родному не поверю, — сказал Козин.

Он подошел к шкафу и принялся вертеть ручку на разные лады, пробуя открыть без ключа.

— И почему завтра воскресенье! — сокрушался Архангелов. — Лежали бы в банке тихо, спокойнее... А тут...

— Готово, — воскликнул Козин, распахивая шкаф.

— Ну вот! Ну вот! — чуть не плакал казначей, перекладывая пачку в письменный стол.

В красном уголке раздался звонок. Жила прошел к телефону и позвал оттуда:

Управдом
гр-н Мыррин.

Гр-ла Хапукина.

— Иван Иванович, супруга...

Архангелов подошел к телефону.

— Да... сейчас иду... Только что кончили...

Иду, иду...

Он повесил трубку. Жила, стоявший рядом, с видом заговорщика, взял его под локоток и зашептал:

А? Заметили? Как это он ловко... со шкафом... Раз, два — и готово.

Иван Иванович боялся понять намек товарища:

— Что вы, Пров Провыч... Почтенный человек... Умница...

— И это дело не глупое... Да я ничего и не сказал... Только, удивляюсь ловкости рук... Хе-хе...

Козин, услышав из другой комнаты шептанье товарищей, настрожился. Он вспомнил почему-то материальные затруднения Жилы, около года искавшего работы, и решил быть на чеку.

— Ну-ка я звякну, моя тоже, наверное, успокоится, — сказал он, подходя к телефону. Архангелов быстро вернулся к столу и снова защекал ключем.

Козин позвонил жене, сообщил об окончании общественной страды и попросил заварить чайку покрепче. Вешая трубку, поймал на себе заговорщичий взгляд Жилы.

— Вы что, Пров Провыч?

— Ничего, Николай Нильич... — покосился на правленскую комнату. Приложил палец к губам. Взял Козина под руку, зашептал: — Казначей-то наш... ох, нервничает... Места не находит... Ох, подозрительно...

— Представьте, и мне бросилось в глаза... Положим, он всегда такой суматоха.

— Предлагаю я переизбрать... Не послушали-б. В случае чего, пеняйте на себя...

— О чем они шепчутся? — прислушивался Архангелов, затаив дыхание. — Подозрительно. Деньги надо забрать с собой... Хотя и товарищи, а чорт их знает, что у них на уме...

Козин и Жила вернулись в правление как раз в тот момент, когда казначей перекладывал пачку из стола снова в свой портфель.

— Решили с собой взять? — ехидно спросил Жила и многозначительно посмотрел на Козина.

Пачка задержалась в руке Ивана Ивановича. Она совсем растрепалась и имела довольно жалкий вид. Никому и в голову не могло прийти, что в этой рваной газетине лежит целый капитал.

— Зачем вы старые счета с собой берете, Иван Иванович? — подозрительно спросил Козин, невольно переглянувшись с Жилой.

— Какие счета?..

Бесцветные глаза Архангелова округлились, как два серебряные рубля. Он дрожащими руками развернул газетную бумагу. В пачке действительно находились старые счета, росписки и прочий хлам. Жила незаметно ущипнул Козина и засвистел что-то, похожее на похоронный марш. Иван Иванович лихорадочно рылся в столе, в портфеле, в шкафу, опять в столе и не находил того, что искал... Его лысая голова покры-

лась крупными, жемчужными каплями испарины.

— Это что ж... это что же... — бессвязно лепетал он, схватывая портфель Козина.

— Оставьте мой портфель в покое! Зачем он вам? — Козин вырвал портфель из рук казначея.

— Извините... может быть по ошибке... Или у вас... — он потянулся за портфелем Прова Провыча.

— Здесь только грязное белье. Ведь вы же знаете, я на заседание прямо из бани, — сказал Жила, овладевая своим портфелем.

— Товарищи, милые... Я верно, по ошибке... Сунул к вам... или к вам, Пров Провыч...

— Да что сунули-то?

— Пачку... Пачку с червонцами... Тут столько разных свертков... И столько портфелей...

— Только три, — прищурился Жила. — Зачем вам совать в чужие?.. Вы казначей и деньги у вас... нет, вы эти шуточки бросьте, не маленькые...

Архангелов дико уставился на приятелей, потом что-то сообразил и ненатурально рассмеялся:

— Шутники!.. Вот шутники!.. Спрятали... Хорошая шутка, честное слово... как в театре... фу, а я-то испугался!.. Сердце — ни к чорту... и нервы, вообще... Ну, пошутили и кончено... Давайте деньги и по домам. Окончательно и бесповоротно, друзья мои, деньги я забираю с собой... Давайте!..

— Шутник, ваше благородие! Хе-хе! — ядовито хихикал Жила. — Вот актер настоящий... А? Николай Нильич? Прямо — что твой Чехов... Прибрал денежки в карман, а другие ищет. Пойдемте, Николай Нильич, пока в грязную историю не вляпались...

— Безобразно и не честно! — рассердился Козин и резко двинулся к двери.

— Не пушу! — закричал Архангелов. — Это... Это грабеж!..

— Что?.. Как вы сказали?..

— Деньги на стол!.. Не пушу!.. В миллион звонить буду!.. — кричал Архангелов, дрожащими руками закрывая дверь на ключ и пряча ключ в карман.

— Вы что, голубчик, с ума спятили? — переминались члены правления. — Ведь деньги сейчас у вас в руках были? Если вы серьезно — извольте, смотрите...

Козин выкладывал из портфеля бумаги на стол. Потом выгрузил все из карманов, даже выворотил их.

Жила у самого носа казначея тряс свое сильно заошеенное белье и мокрую мочалку:

— Голубчик, очнитесь... Да если вы серьезно — на-те... Пойдите, да не забрал ли у правдою по ошибке?

— Эх, хватились, Пров Провыч!.. Управдом еще когда ушел.

— После того этот ненормальный десять раз свою пачку по разным местам перекладывал... Ну-ка, вспомните, Иван Иванович, куда вы еще совали?

Долго звонил телефон, затем умолк. Потом стучали в дверь. Никто из присутствовавших не обрадовал на это внимания, заня-

тый поисками неизвестно куда исчезнувшей пачки с червонцами. За дверью надрывалась жена Архангелова:

— Открой же, Ваня! Что за безобразие, запирается от своих!.. — Иван Иванович хотел открыть дверь. Козин и Жила снова переглянулись. Жила стал к двери спиной:

— Извините, уважаемый, теперь уже мы не позволим открыть дверь; пока пропажа не найдется, ни сюда никто не должен входить, ни отсюда никого не выпустим..

— Маничка, — кричал через дверь казначей, — ложись, милая, спать!.. У нас экстренное, секретнейшее собрание... Жизненный вопрос... Да не барабань ты, ради бога, весь дом взбужгачишь!..

— Дрожайшая Мария Кирилловна, — сладеньким голоском кричал Пров Провыч, — зайдите, пожалуйста, к моей супруге, предупредите, что я задержусь..

— И к моей заодно, — попросил Козин. — Вы можете по телефону, а у меня телефона нет.

— К телефону не позволю подходить, — возновался Архангелов. — Чтоб без сомнения... А вдруг, какой-нибудь условный знак?..

Чтобы успокоить казначея, решили снять трубку. Снова принялись за поиски. Обе комнаты были перевернуты вверх дном десятки раз. Снимали и вешали на место портреты вождей. Выгребали весь мусор из двух печей. Даже выстукивали обои и пытались поднимать половицы, как на грех пригнанные чрезвычайно прочно. Окна не размазывались все лето, форточек не было и потому передача денег кем-либо неизвестному сообщнику с воли совершенно исключалась. По предложению Жилы, щеголявшего чистым бельем, все поочередно разоблачались до нитки. Червонцы как в воду канули.

Утомленные, выбившиеся из сил, потерявшие способность соображать, расселись по разным углам. Наступило долгое, жуткое молчание, насыщенное взаимным подозрением, недоверием и злобой.

— Тюрьма! — изредка вздыхал Жила.

— Расстрел! — бескровными губами шевелил казначей.

— Позор! — стонал Козин.

Приходила жена Козина, стучала в дверь.

— Заседаем! — зло крикнул Николай Нилыч.

— Заседаем, Анна Силична! — в один голос подтвердили двое остальных.

Когда Козина ушла, Жиле пришло в голову, что хорошо бы вызвать Мырина, у которого, как на зло, не было в квартире телефона.

— Управдом и без телефона! — возмущался Козин. — Провести ему на жилищный счет и все тут!..

— Да я из своих готов заплатить, только бы... стонал казначей.

— Да... Мырин в два счета разобрал бы все... Что же, подождем...

Решили ждать. Чего? Никто хорошенько не отдавал отчета себе. Быть может — чуда. Быть может — озарения. Каждый понимал,

что деньги здесь, в этих двух комнатах, и каждый подозревал двоих других в некрасивом поступке, в желании подвести товарищей.

«Ведь, лежат где-нибудь!.. О, если бы знать!» — думал казначей все об одном в том же, так как окончательно потерял способность думать о чем-нибудь другом.

— Придумал! — хрипло сказал Козин, когда молчанье сделалось совершенно переносным.

— Что придумали? — вместе спросили двое других.

— А вот что... Злоумышленник — кто-нибудь из нас троиц. Ясно. Пусть даже не злоумышленник... Будем считать это шуткой. Да конечно ж, это шутка! Так вот... В той комнате стоит урна для окурков. Каждый из нас прогуляется туда в темноте. Тот, кто пошутит с червонцами, опустит пачку в урну. Никто не будет звать, кто из нас этот шутник... Потом посмеемся и разойдемся спать. Идет?

Лида Прова Провыча и казначея перекосились саркастической гримасой. Оба поняли, что пачку подтбри уважаемый Пред. А так как номер не прошел, то он и придумал этот глупый трюк с урной. На предложение «преступника» согласились с радостью.

Выходили, поочередно, в темную комнату, к урне. Двое других в это время сидели отвернувшись по углам, Козин шел третьим номером. Он в потемках ударился лбом о уечку и выругался.

«Бог карает, бродягу» — злобно подумали приятели, когда услышали христ и чертыханье преда.

После этой процедуры зажгли свет и все бросились к урне. Никакой пачки там не оказалось.

— Что ж, товарищи, значит всем погибать? — со слезами на глазах спросил Архангелов.

— Зачем же всем?.. Неопределенно заметил Пров Провыч.

— Не всех, а кого-то по головке не поглядят... — поддержал его Козин.

Снова ругались, упрекая друг друга в отсутствии порядочности, в экономической контр-революции и во всех смертных грехах. Архангелов зачем-то становился на козени, бил себя кулаками в грудь, не то умолял, не то проклинал кого-то, просил пощадить его седины и жизнь малолетних детей, хотя никаких детей у него не было. Потом успокоился и попросил у кого-нибудь папиросу.

Папирос не оказалось. Шарили по всем углам, собирали окурки. Когда выкрики все, пахнувшее табаком, наступили самые тяжкие муки.

Казначей
гр-и Архангелов.

Время ползло удивительно медленно. Трое обреченных передумали всю свою долгую жизнь, от первых проблесков сознания, учли все ошибки, вспомнили все заблуждения. Жуткое молчание давно уже не прерывалось ни одним словом. Даже дышать старались бесшумно. Когда у кого-либо нечаянно вырывался вздох, он его подавлял и исподлобья косился на остальных.

Под полом шумно возились мыши, справа какой-то свой мышинный праздник. Иногда раздавался отчаянный писк, как будто кого-то терзали нестерпимыми пытками.

Меленно и четко тикали большие часы с недельным заводом. Если вслушаться, то можно было разобрать, как отчетливо выговаривает маятник: «По-зор... Тюрь-ма... Рас-стрел»..

Член правления
гр-н Жила.

Откуда-то издали нарастал зудящий, непрерывный, тоскливый звук. Начался он с гудения низкой басовой струны и постепенно поднялся до противного, скрипящего фальцета. При максимуме напряжения звук слился с пронзительным звонком,

— Первый трамвай, — шепотом, как в присутствии покойника, сказал Пров Прович.

— Шесть часов, — в тон ответил Козин.

— Через два часа придет Мыррин... Он все выяснит... он выяснит...

Все почему-то вздохнули.

Что должен был выяснить Мыррин? Каким путем он это мог сделать? Над этим никто не рассуждал. Каждый почему-то был уверен, что спасенье возможно только с этой стороны. Такова сила авторитета. История с бельем Ханукиной была еще слишком ярка в памяти.

И Мыррин пришел. Пришел ровно в восемь. Очень был удивлен, застав тройку в сборе в такой неурочный час. Затем, со свойственной ему способностью к выводам, сообразил:

— В карточки резались? Ну, кто кого?..

Трое землисто-серых людей встали в торжественные позы.

— Вот что, товарищ управдом, — начал Козин, по привычке беря на себя председательствование. — Дело тут такое, что... Поверните, кстати, ключ в двери... Дело в том... Одним словом, присядьте... Дело, видите ли, в следующем... Кстати, одолжите папиросочку...

Пров Прович захихикал:

— Дело в следующем, когда я был заведующим, носил брючки в полоску, пожалуйста папироску...

— Пров Прович, как у вас в такой момент язык поворачивается паясничать! — нервно перебил Архангелов.

— Да в чем дело, друзья? — забеспокоился Мыррин. — Не угробили же вы ко. о-нибудь? Как будто все налицо...

— С этой стороны все в порядке, — заводновался Архангелов — А вот, как бы это сказать... Как вы у нас, значит, башка, вроде этакого гения, то и выручайте... Опять же и белье Ханукиной, то же дело, так сказать, ваших рук... Вернее, головы...

Мыррин скромно крякнул.

— С бельем этим ерунда вышла. Маленькое недоразумение...

Все почему-то очень близко приняла к сердцу слова управдома:

— Да, ну? Какое недоразумение?

— Да, понимаете!.. Ведь какой у нас народ-то? Самый первобытный. К Ханукиной этой сестра приехала из деревни. Ну, постирала Ханукина белье и послала эту фефелу на чердак развесить. А та пугалась - пугалась, ходов наших не знает, взяла да и развесила на чужом чердаке. А Ханукину нашу знаете ведь: не разобравшись в чем дело, весь дом на ноги поставила: ах, обобрали! А так как дело это вполне возможное, то все и поверили. Сегодня утром полезла соседка к себе на чердак, а там белья, неизвестного звания, так сказать, навешано и счета нет. Разобрались, белье-то оказывается Ханукинское, все целехонько. Замки-то у нас, сами знаете, все под один ключ, ну, вот и все...

— Вы же Заклепкина с поличным поймали?

— Заклепкина женино барахлишко пропиывал. Жена на поденщине до ночи работала.

— Пал Палыч, спасай же! — не выдержал Архангелов. — Ведь денежки-то у меня сперли!..

— Какие денежки?

— Все до копеечки!.. Все четыре с половиной тысячи! — Иван Иванович горько заплакал. — Измучился я за ночь-то...

— Постойте, постойте... Деньги, говорите, пропали? Каким образом?

Все наперебой, долго и путанно, рассказывали историю пропажи червонцев. Когда Мыррин понял, наконец, в чем дело, он только развел руками.

— Задача! — сказал он. — Такого ни с одним Шерлоком Холмсом не случилось, ручаюсь. Ну, подумайте сами, какой тут метод прищипки? Дедуктивный или индуктивный? Безграмотность сплошная. Такая бестолковщина только у нас и может произойти. Ни тебе завязки, ни тебе нарастания, ничего...

Долго думал Мыррин, наконец, щелкнул пальцами:

— Тут вот с чего надо начинать...

— С чего хотите, только чтобы деньги нашлись, — хныкал Архангелов.

— С самого некультурного приема...

— Чорт с ней, с культурой! — махнул рукой Козин.

— С обыска присутствовавших, — отчеканил управдом, обводя всех испытующим взглядом.

Зародившаяся было надежда сменилась разочарованием:

— Обыскивались догола, ничего ни у кого...

Мыррин долго ерошил волосы.

— Что же, последнее средство — заявить властям. Пусть разбираются...

Всем стало до тошноты неловко.

— Нельзя ли без заявки? — спросил Козин. — Как-нибудь по-Шерлоковски. Насколько помнится, он все своими средствами...

— Какой там, к лешему, Шерлок! — рассердился Мыррин. — Шерлок для культурных случаев хорош. А у нас что? Ни логики, ни системы, ни литературы. Какое-то сплошное безобразие. Сидели трое, можно сказать, граждан. Сидели и куда не выходили. А между прочим, четыре с половиной тысячи Митькой звали... Хамство какое-то!

— Павел Павлович, пощадите! — умолял Архангелов.

— Нет, друзья, не могу, и не просите. Дело это не литературное, а потому заявляю в Угрозыск, пусть он вас по-своему ликвидирует...

— Застрелюсь я! — вырвалось у казначея.

— Лучше смерть, чем такой позор, — поддержали двое других.

Мыррин стоял, почесывая кончик носа, и соображал:

— Разве так еще испробовать, — поджентльменски... Вы знаете, что такое поджентльменски?

— Ну, ну, знаем... говорите...

— Ну, поджентльменски: кто спер червонцы — гони их на стол. И концы в воду. А мы все поклянемся не вспоминать.. Идет, ну, клянись!..

Все поклялись.

— А теперь гони монету...

Трое переминались с ноги на ногу, пожимали плечами, бросали друг на друга уничтожающие взгляды.

— Ну, ну, раскачивайтесь, — подбадривал Мыррин. — Не хотите? Эх, далеко еще нам, видно, до Европы.. Ведь при такой постановке вопроса самый закоренелый злодей должен размякнуть. Ведь все равно капут! А тут — выложил денежки и иди себе, хоть в пивную. И никакой ответственности. Шутка и шутка... Значит и поджентльменски не желаете? Ну, так будете вшей кормить. Будем обращаться с вами, как с ворьем. Сейчас пошлю в милицию записку и всех вас арестуют. Моя роль кончена.

Преддирекция гр-н Козин.

УСЛОВИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ № 3.

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Два лучшие из присланных окончаний будут напечатаны с подписью приславших и награждены премиями: Первая премия — 50 р. Вторая премия — полное собрание сочинений А. П. Чехова, 22 тома в переплетах. 2) В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений». 3) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора и снабжены его точным адресом. 4) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений». Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений». 5) Последний срок доставки рукописей — 1 апреля 1929 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе. 6) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград, 25, Стремянная 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 10

Решение рассказа-задачи „ЛЕСНАЯ СКАЗКА“

«Лесная сказка» должна была представить большой интерес для участников Конкурса драматическим сюжетом, блеском и оригинальностью формы. Написанная в некоторой части ритмической прозой, она и вообще вся очень ритмична; ее содержание—по удачному выражению письма одного подписчика—«пульсирует все время». «Так и напрашивается мысль, — пишет он далее,—что автор задумал вещь на ходу, под быстрые шаги, или сидя у открытого окна при сильном ветре». Это очень хорошее и тонкое впечатление, даже если бы само предположение фактически и было ошибочным. Автор письма, Н. Н. Ж., почувствовал в а л рассказ, как чувствуют музыку, ощутил художественно размеренные, четко отбиваемые темпы и чередование их, как это бывает в музыкальных произведениях.

Мы не имели права, предлагая задачу, указывать на эту характерную ее сторону. И с удовольствием отмечаем, что многие из 97 приславших решения обнаружили и литературное, и музыкальное чутье, отразив в своих заключительных главах ритм и тональность рассказа. Конечно, из этой большой группы только очень незначительное меньшинство прислало мало-мальски удовлетворительные окончания. Но и это не плохо.

Ведь известно, что все люди делятся на три части: меньшая — единицы — творит; большая — тысячи — понимает и хорошо воспринимает созданное; самая большая — сотни тысяч — проходит равнодушно и не замечает художественного творения. Печной горшок для нее дороже. И цель культурной революции, к которой мы стремимся, энергично уменьшать, сводить на нет третью группу, чтобы она влилась во вторую и дала ростки для новых всходов — первой. Не будь второй группы, — не было бы, пожалуй, ни писателей, ни музыкантов, ни художников. Не было бы искусства. Во втором слое людской массы оно черпает свои силы. Тайна взаимодействия мастеров и этой массы незрима, не поддается измерению, но ясно ощущается. Вот почему принадлежать к этим тысячам — значит стоять уже на известной степени развития, быть хорошими ассистентами и даже вдохновителями авторов во всех областях искусства.

Многие читатели не вполне овладели формой, но все же нащупали ее, вылепили подобие какое-то, и мы приветствуем их!

В этом Конкурсе мы должны отдельно оценивать форму и влиное в нее содержание.

Рассматривая все присланные рукописи, мы отобрали в особую группу 22, доставленных подписчиками. Мы полагали, что женский инстинкт поможет им легче разобраться в психологии Ариши, в ее жизненной драме, наметившей бурно и неожиданно, как гроза.

Кстати: обратили ли читатели внимание на эту художественную черточку рассказа? На великолепное и не банальное, сильное и напряженное в своей сжатости описание автором грозы, непосредственно после которой наступает и житейская гроза?

Мы ошиблись. Женские решения не рознятся от мужских, в них нет каких-либо характерных черт женского творчества, и в общем они оказались слабее мужских. Вот образчики из этой группы. У одной решавшей—нет конца. Ариша разорвала фотографию, найденную в бумагах старика, где она снята с мадам. — У другой — Ариша вскопала грядку. Этого нет в рассказе. — У третьей: в немногочисленных бумагах старика (ведь он носил их при себе) почему-то были два старых счета из гостиницы в финляндских Териоках наряду с фотографией, где Ариша снята с матерью. По указанию Павлика, тело вырыли и куда-то увезли. Отец Ариши оказался полковником генерального штаба, занимавшимся в Финляндии в охранке. Откуда автор почерпнул

эти данные, противоречащие не только смыслу, но и прямому тексту рассказа? — Еще хуже у четвертой: — Ариша, узнав отца и свое прошлое, решила мстить. И для этого... сделала атаманом шайки бандитов (!) «Во всей Черниговщине была известна банда Маруси». Тут все неудачно, начиная с места действия: ведь в рассказе так ясно описана северная природа и слово с е в е р употреблено. И какая же это месть и кому — сделаться бандитом? Плохо читан рассказ и не продуман. — У пятой: Ариша «скопнула востом сапога землю, бросила бумажки, зарыла. Вот и все». «Решила посадить картофель: человек зарыт глубоко. В конце концов — он ей чужой». — У шестой — сплошная публицистика. Лесной воздух почему-то «неудержимо зовет к труду». — Оригинальный и странно фальшивый вариант придумала седьмая: мать Ариши — дочь садовника. Отец — граф, повенчался, только отправляясь на фронт. И Ариша говорит залпом, в одной короткой 7-строчной тираде, совершенно не вяжущиеся друг с другом слова: «Отец, твое исполнилось желание, ты умер на родине и родные руки похоронили тебя. А ты, мамуся? Вы оба — ну да, мамуся, — оба с отцом — только бывшие люди». — Но ведь «мамуся» и отец уже умерли, и дико звучит по отношению к покойникам это «бывшие люди», да еще когда мамуся была чистокровная пролетарка. — У восьмой: — бумаги отца ничего не сказали Арише, но по фотографии она узнала и себя, и отца, и мать. У нее текли слезы и, чтобы скрыть их причину от Павлика, она стала резать луковицу. Эта черточка — хорошая. — Далее идут несколько чисто публицистических решений, с наигранными словами. — У К. К. — ритм не выдержан, но есть отдельные хорошие места. Конец — публицистика. — У О. М. — хороший ритм. Написано несколько неумело. В отца стрелял Павлик. И в сердце Ариши вопрос остается нерешенным: и Павлик невинен, ведь он не знал и должен был стрелять. — У Н. А. Л. — хорошая мирная развязка: Павлик стрелял, ранил, но поймать старика не успел. Ариша рассказала все мужу. Лаская жену, Павлик добавил: «это хорошо, что он умер, не узнав, что ты его дочь. Комсомолка Ариша была бы ему непонятна. И жить ему трудно было бы, потому что новая жизнь теперь». — Не плохо у И. Ф. В., но отсутствие навыка писать ясно сказывается. Напр., Ариша бросилась вырывать у мужа бумаги отца «как разъяренная львица, защищающая детеныша». Ну, зачем этот старый-престарый, истрепанный образ? Или Павлик спрашивает: «Костюма не сыскать, не убрала ли куда?» — Никогда красноармеец свою форму костюмом не назовет. — У Н. К. Р. — не выдержан ритм, а написано также не плохо. — У Е. А.: — «Ариша эту сказку навсегда похоронила в своем сердце». Возможно такое решение. — Отметим главы Г. С. С., И. В. С. (есть публицистика). Непонятен вывод одной подписчицы: «Суровая жизнь — борьба показала Арише много ужасов и научила почти равнодушно взирать на чужие несчастья».

Мы нарушили обычную схему разбора рукописей этим выделением женских решений, которые, как видит читатель, принадлежат к различным типам. Но остающееся громадное количество глав дает достаточный материал для систематки и общих выводов.

Первый из них такой: Все, кроме одного, участники Конкурса совершенно правильно поняли, что старик, раненый на границе — отец Ариши. У этого читателя при неизвестном старике оказалось 200 долларов, которые он должен передать от отца дочери и жене, если их разыщут.

Второй вывод. Более или менее правильно, с большим разнообразием в деталях, читатели показали, как Ариша узнала про отца. Только у одного, — несмотря на имя и фамилию в бумагах, Ариша осталась в сомнении. Почему? — Письма, фотографии, паспорт (хотя в рассказе сказано, что документов в прямом смысле вовсе не было), метрическая выписка дочери Ирины (почему-то автор не привел полных имени и фамилии) — вот данные, по которым Ариша убедилась, что похороненный неизвестный —

отец. Странное впечатление производит глава, где Ариша вспоминает, что у матери в комнате, на облеслом комодe, рядом с обломком шероховатого зеркала, стояла засиженная мухами такая же фотография. Рассказ плохо прочитан. — Особой отметки заслуживает работа М. В. К. (Москва), который удачно сфабриковал, даже на разной бумаге, истрепанные, разорванные и промокшие «документы» старика, в том числе и интересное письмо к нему сельского батюшки. Это остроумно, но бесцельно. Автор предлагает сделать клише с документов и воспроизвести их. Зачем? И без этого обширная у него глава с такими клише заняла бы места больше, чем весь рассказ. И что еще важнее — этот участник Конкурса переместил центр, суть рассказа, — в маленький промежуточный пункт. Достаточно ведь для хода действия нескольких штрихов, буквально нескольких фраз, чтобы объяснить, почему Ариша догадалась. У этого же автора есть курьез, показывающий, как малейшее рассеяние внимания портит дело. Ариша — дочь графа. В письме-документе — «ваше сиятельство», а в интерпретации этого документа в рассказе: «ваше превосходительство». Но, конечно, это мелочь! К работе этого автора мы вернемся дальше в отчете. — У большинства авторов Ариша знакомится с бумагами вскоре после погребения. Некоторые почему то — и житейски мало правдоподобно — откладывают этот просмотр надолго.

Третий вывод должен коснуться важнейших моментов рассказа: что испытала Ариша, узнав, кого она погребла, и что произошло далее, т. е. в чем заключалась психологическая развязка драмы. Эти моменты слитны, так как технически близки, заключенные в одну главу, и мы их не расчленим.

Большинство участников Конкурса увидело драму, но различно подошло к ней. Преобладающее решение носит характер примирительный. Численно значительно меньшая группа распадается в свою очередь на единичные своеобразные окончания, иногда непродуманные и часто художественно и житейски неприемлемые. Пример: сухое рассуждение Ариши, с ужасом узнавшей, что она — «буржуйка». «Как отнесется Павлик, когда узнает, он, истинный пролетарий»? И автор, и его Ариша, очевидно, забыли, что Арише всего 18 лет, что у нее нет ни отца, ни матери, т. е. никакого буржуазного окружения, что Павлик любит свою жену-комсомолку, так подходящую к нему, что, наконец, за десяток лет скитания, беспризорности, фабричного труда, — у юной Ариши как будто и следов не могло остаться буржуазности. — Или: письма и фотографию швырнула в печь. «Сгорят — ничего не случится. И не было ни бумажки, ни отца, человека с заграничной бородкой». А могла-то ведь у самого дома остаться, хотя и сравненная с землей? — Или такое маложизненное заключение: «Старика Арише жаль, а отца — нет, не жаль». Рассказала Павлику. Тот о своем отце, убитом на войне: «жаль было, конечно, человека, а отца — не жаль». Уж связал бы автор оба сухаря вместе и положил на полку. Тут была бы и точка. Но почему-то сухарь Ариша вдруг размякла от признания своего друга, поцеловала его и тогда уже повела посмотреть, где зарыла отца. Поцелуй этот портит цельность фигуры. Что за нежности такие некстати! — В противоположность сухарю-Павлику нельзя не поставить такого же выдуманного Павлика, но сентиментального. Павлик уверяет, что он помог бы старику перебежать границу. Это — невероятно. Павлик не мог не задержать старика, даже если бы и знал, кто он.

Какие любопытные крайности попадают в решения! Какое разнообразие мыслей и чувств при обсуждении одних и тех же людей, одних и тех же положений!

Вот еще оригинальное, но неудачное тоном, ритмом и содержанием решение одного автора, которого мы знаем по письмам его за человека начитанного и горячо стремящегося к литературе. Ариша забыла про бумажки старика, только в конце лета (история случилась весной) рассказала Павлику и вместе с ним стала разбираться. Старик при помощи эсперанго

занимался белогвардейской пропагандой. Павлик знает эсперанто, хвалит его и эсперантистов, Ариша также хочет учиться этому языку и сделать в заграничных эсперантистских газетах публикацию о розыске матери. Тут много ошибок. Статистика показывает, — если мы не ошибаемся, — что общее число пользующихся этим искусственным языком на земном шаре — всего около 300 000 человек. И какой смысл вести белогвардейскую пропаганду в России на эсперанто? Какой смысл образованному белогвардейцу, знающему иностранные языки, вести пропаганду на эсперанто в чужих краях? Какой смысл вообще вести белогвардейскую пропаганду среди эсперантистов, людей, по большей части молодых и не имеющих корней в буржуазном режиме? Зачем делать хотя бы и в эсперантистских газетах публикации о розыске матери, давно умершей в Москве? Если Ариша не догадалась, что мать умерла, почему только через десять лет ей так вдруг захотелось осведомиться о ней, давно забытой и сердцем, и памятью? Целый ряд недоуменных вопросов можно было бы еще задать автору этой главы. И на ложный путь его привело только желание сказать возможно больше хорошего об эсперанто, которому, конечно, как и всякому способу культурного общения между людьми, должно быть место на земле, но для которого нет решительно никакой почвы в этом рассказе. — Также неудачно решение М. по тону и содержанию: Ариша бросает все и уходит, чтобы «познать тайну жизни». Нужно было сильно мотивировать этот уход, вскрыть тайник психологии. Ведь переворот этот не может не казаться странным. — У одного автора Павлик учиняет целый допрос Арише, «не встречала ли она подстреленного человека, бросившегося в лес». И пристально смотрит в глаза. Дрогнуло сердце у Ариши, но спокойно выдержала взгляд. «Нет, не видала». Откуда это подозрение могло родиться? Ошибка психологическая и затем хронологическая: рассчитайте время событий, сравните силы раненого человека и здоровой лошади. — В одной главе Ариша рада, что могила отца не будет перед глазами, так как Павлика переводят. В другой главе: Ариша узнала, что старик — ее отец. И вдруг пришел красноармеец: — «ваш муж убит при перестрелке с эмигрантом». Красноармеец ушел, Ариша почему-то осталась, и уже потом она поехала к мужу. Это неверно, и не соответствует тексту, что мирного старика, болезненно рвавшегося на родину, автор снабдил для чего-то револьвером.

Характерно, что многие участники Конкурса с густили драматизм положения и заставили Павлика быть невольным убийцей старика. Автор всего рассказа этого не имел в виду, но такая подробность — законна, литературна и свидетельствует о смелости мысли, не боящейся углубить коллизию и расширить ее.

И вот мы переходим к наиболее интересной части нашей сегодняшней работы: — к решениям преобладающего большинства. Здесь есть, конечно, также варианты, но они вмещаются в единую мысль, символизируются единым художественным образом: примирением с жизнью и маленьким островком огненно-красных маков среди жирной, густой ботвы картофеля. Это — прекрасно! Такая символика и в духе, и в тоне рассказа.

Чем, в самом деле, не хорошо, что Ариша на самой могиле все рассказала Павлику, который по долгу службы стрелял в переходившего границу в сообществе контрабандистов человека, и вместе с Павликом стала ходить иногда на могилу отца? Таких решений — целая группа.

Иные еще вводят новое положение, очень умное и облегчающее развязку туго запутанного узла: после двойного волнения (смерть отца и сознание, что его убил муж) Ариша вдруг впервые чувствует, что она носит под сердцем ребенка любимого человека. Конечно, жизнь берет свое.

Здесь мы снова должны отметить работу М. В. К., о которой говорили выше. Вот образчик того, как политическая тенденция, отражающая цельное

мировоззрение, может быть введена в чисто беллетристическое повествование, не изменяя художественного лика его и его абсолютной ценности.

Ариша заплакала, бросилась ему на шею и закричала:

— Я нашла своего отца, Павлик!

— Где?

Она показала ему на вскопанную полянку. Вместе с Павликом она сажала мак на свежей могиле. А в августе, рано утром, Павлик будил Аришу и говорил ей:

— Вставай скорей! Иди: мак расцвел!

Ариша вышла.

— Надули, черти — ворчал Павлик, — дали белого и не махрового мака.

Два десятка белых цветов нежно, безжизненно, как тончайший фарфор, качались на высоких колючих стеблях. Они осыпались при первом прикосновении ветра и, как саваном, одевали землю своими лепестками.

Художественный образ здесь дан законченный, выточенный, и мысль автора не только ясна, она — выпукла. За всю нашу работу — это только второй случай. Первый был в рассказе И. И. Макарова (Буйного) «Грунькино проклятье», в описании столетней сосны, которую сгрудившись выкорчевывали мужики. На этой сцене мы тогда останавливали внимание читателей. Разница между обоими образами та, что у Буйного было большое полотно и широкие мазки, здесь же — тонкая миниатюра. Пластинка слоновой кости, чуть тронутая акварельными красками. Мы не случайно задержались так долго на этом маленьком кусочке одной главки. Ведь цель наших отчетов — разборов побудить читателя задуматься над своими и чужими ошибками и достижениями.

Вывод четвертый: о стиле доставленных рукописей. В решении этой задачи, как мы уже упомянули в начале отчета, стиль и ритм занимают самодовлеющее место и подлежат особой оценке. Не мало отдельных хороших фраз попадает в присланных главах, но чрезвычайно редки более или менее выдержанные решения.

Счастлив, кому дано мыслить образами! Это — художник от природы. Но выдумывать образы — бесполезное занятие: всегда получится нечто вымученное, будет пахнуть трудовым потом от цветка вместо его обычно волнующего аромата. Кому что дано, и не следует насиловать себя. Кроме того, не всякие мысли можно укладывать в стихи или ритмическую прозу. Вот у Л. А. Н. кое-что недурно в описании природы. Словачен ритм, а одна фраза — «Слух уловил вдалеке гулкую дробь конских копыт» — напоминает знаменитый звукоподражательный стих Вергилия в Энеиде. И вдруг: «фразы отца образовали причудливые цепочки мысленных построений и наконец плавно потекли по лабиринтам мозговых извилин». И далее: «Жизнь была гигантской ступой, где живые трупы толкались человеческой алчностью, лишней и ненужной, как слепая кишка». Автор этих строк, видимо, читал и Мечникова, и многое другое, но причем здесь, в этом отрывке, художественная литература? — Или А. Е. А., у которого много хорошего в ритме и умно связан картофель и маки, пишет: «память обычно не фиксирует мысли такие и сознание в них не участвует, оно образует как бы провалы».

В свое время Ломоносов писал генерал-поручику Шувалову знаменитое письмо о пользе стекла, начинающееся словами:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов...

И письмо, и самая форма его были практически необходимы Ломоносову при сношении с могущественным Шуваловым, но никто никогда не считал это произведение выдающегося самородка за образец поэтического творчества. Его оправдание — в условиях времени и взаимоотношений. Что здесь заставляло авторов вводить в поэтические образы и ритмику слепую кишку, фиксированные мысли и прочее? — У одного автора: «Погода ясна и прозрачна, как янтарь». Ну, разве это образ? Где находят такие янтари? И как погода может быть похожа на янтарь? — У другого — нудные, вымученные,

искусственно подобранные слова, не согретые никаким порывом вдохновения: «Жизнь—это лесные шумы, сгрудившиеся в камни копытных ударов о мягкую весеннюю землю». Никак себе не представишь такую жизнь! У этого автора новый мотив в развязке: Павлик получил перевод (странно: «подошел посылный»). Ариша любовно тронула Гнедко и шепнула: «Скорей, мы к новой жизни идимся! Она звонче струн и ярче старых маков». Музыки одной мало, нужен и смысл! Ариша рассказа не могла думать такими образами. И почему маки старые? Ведь разговор шел еще о покупке семян, никаких маков не было у Ариши. — Не плохо в отношении ритма у В. Н. Б., но нужно осторожно обращаться со словами. Напр., нельзя говорить «зардится», когда нужно зардеет и т. д.

В противоположность этой поэтической группе участников Конкурса — мы, конечно, далеко не исчерпали здесь всех примеров, — следует поставить отчаянных прозаиков, которые даже не почувствовали рассказа. Вот два примера: «Ариша привела в надлежащий (?) вид комнату и вещи». «Нагнуло в нос ароматом смольного запаха». (Аромат и запах одно и то же). «Бумаги служили предметом (?) развлечения ветру»... «Неужели отец погиб от руки (так Ариша не могла выражаться) Павлика?». «Сама не верила в возможность этой гипотезы» (!!). «Значит — первое отпадает»... (Что, милая лесная Ариша лекцию читает или производит химическое исследование и делает научные послышки и выводы?). Дальше Ариша говорит Павлику: «У нас в доме кто-то хозийничал, я не нашла твоего красноармейского костюма. Он пропал». Не могла Ариша говорить мужу явной чепухи и не могла комсомолка, неспорченная, живущая в глуши, называть «красноармейским костюмом» обычную одежду Павлика. Кстати: у этого автора такое окончание: Павлик получает перевод и Ариша довольна, что могла отца не будет перед глазами. — Другой пример: «Немного усталая, вспотевшая Ариша зашла в сторожку, взяла чистое белье и пошла купаться. Выкупалась с соблюдением всех приемов предосторожности, чтобы не подвергнуть себя заболеванию». (Где живет юная, полная жизни женщина? На лесном приволье или в санатории? Что описывает автор: больничную ванну или купанье, так сильно и поэтично уже рассказанное однажды в первых главах?). «После работы и купанья явился хороший аппетит, какой бывает только у здоровых молодых людей (наблюдение врача над помещенной в доме отдыха изможденной работницей). «После одноблюдного (плохой неологизм!) завтрака она вспомнила про маленький архив (?), лежавший сморщенным комочком, который принадлежал похороненному незнакомцу, и т. д. и т. д. А мысли то у этого автора не плохие, только форма ему не дается; очевидно, он мало думает о ней. Жаль!

Пятый вывод. Очень многие участники Конкурса чересчур злоупотребляют типичными выражениями и даже целыми сценами автора. Это понижает достоинство работы. Зачем повторять без нужды? Можно воспользоваться эпитетом удачным, не более.

Шестой вывод. Читают плохо многие! Невнимательно, небрежно. Белокурая девочка превращается в знойную брюнетку и т. д. Необходимо внимание напряженное, сосредоточенность полная. Иначе не стоит работать.

И, наконец, седьмой вывод, *pro domo sua*: участнику Конкурса, каждому в отдельности, — кого это касается — следует потратить лишние 1/2 часа на аккуратную, четкую переписку крепкими чернилами или на перепечатку на машинке своей коротенькой работы, чтобы не заставить портить глаза и просиживать лишние десятки часов над разборком небрежных рукописей того, кто так любовно и бережно относится к литературным занятиям читателей.

В. Б.

Ни одной заключительной главы, достойной полной премии, на Конкурс № 10 не поступило. Редакция разделила увеличенную до 150 рублей премию на 5 частей.

1-я премия в 50 руб. присуждена М. С. ПЕТРОВУ-КОБЯКОВУ, подписчику в г. Астрахани.

При несомненной природной литературности, автор, как это ни странно, если судить по рукописи, плохо владеет грамматикой в отношении начертаний слов и пользования знаками препинания. Конечно, для печати эти недочеты исправлены.

2-я премия в 40 руб. присуждена Е. Б. ТУРКИНУ, подп. в г. Астрахани, сотруднику Фабзавкома Металлообрабатывающих Заводов А.О.С.Н.Х.

3-я поощрительная премия в 20 р. присуждена Д. Ф. ХРАМКОВУ, подписчику в г. Саранске, Мордовского округа, Средне-Волжской области, работающему в газете «Завод и Пашня».

4-я поощрительная премия в 20 руб. присуждена Надежде Ивановне ОСТКЕВИЧ, подписчице в городе Одессе.

5-я поощрительная премия в 20 р. присуждена И. С. МОЛОДЦОВУ, подписчику на ст. Каневская, Кубанско-Черноморской области.

Кроме того с похвалой отмечаются работы: В. В. Ижицкого (Тирасполь); Н. К. Васильева (Майкоп); Н. А. Зеленгура (Симферополь) и Е. И. Кияшко (Харьков).

Заключительная глава к рассказу-задаче „ЛЕСНАЯ СКАЗКА“, напечатанной в № 9 „Мира Приключений“ 1928 г.

1-й ВАРИАНТ.

Ариша на камень у свежей могилы усе-лась и глаз не спускает с цветочка. Заду-малась крепко. Лес радостью жизни ды-шал. Яркое солнце на листьях омытых брызгами. Радостно было в лесу. Грустно на сердце Ариши. Со смертью так близко столкнулась она. Смерть радость жизни за-крыла. Загоревшие руки точеные бессильно л. жали. Как светлая капля скатилась слеза. «Жил, как собака бездомная» — вслух вдруг сказала Ариша — «домой умереть лишь про-брался». Вздохнула. Образ туманный, дале-кий, жизнью почти что затертый, — матери вдруг появился. Помнит, как та умирала под грудю жалких лохмотьев. Вспомнила ласки ее перед смертью: «дочка моя доро-гая, горькая детка моя, как ты без мамы одна проживешь в этой жизни проклятой, где твой отец? Или убит, или теперь где-нибудь за границей. Нет у тебя никого. Бедная детка, сиротка моя дорогая». Вспом-нила детство свое беспризорное, голод, по-бои, скитанья... жизненной грязи лицо безобразно открытое. Вспомнила Павлика — сердце забилось сильнее. Любый, как бли-зок, как дорог сейчас он! Скорей бы при-ехал! Ухо привычное топот услышало кон-ский лаптей. Ближе и ближе. Как птичка навстречу вспорхнула и вот уж застыла в желанных руках. Как крепко целует, как радостно сердцу. Коней убирает Абрам крutoногий.

— «Ну, жинка, скучала? Держи семена — это маки. Давай-ка нам есть поскорее».

— Павлик, а там, на границе, что было?

— Да что — контрабанду ловили. Вчера там двоих застрелили, а третий куда-то ушел. Да тоже, кажись, ему пулю всадили. Погибнет в лесу, далеко не уйдет... О чем загрустила? Такое уж наше военное дело. И те тоже сами на риск ведь пошли. Ну ладно, корми лошадей, ой, есть как хочу.

Уснул утомленный Павлуша, всю ночь ведь не спал. Лежит на кровати совсем как ребенок. Курчавые волосы спали на лоб. Тихонько губами к нему прикоснулась — пошла по хозяйству работать. У бабы по дому работы — что в море бездонном воды, но любо работать для мужа любимого и тяжесть работы совсем не заметна.

Уж к вечеру дело пошло. Работу окон-чила, вспомнила снова так ярко, как умер старик тот несчастный. Вон и веночек завядший на свежей могиле лежит. «Пав-лик — картошку хотел, я маки хотела са-жать, и вот старика схоронила». В сто-ронку пошла, бумаги измятые, кровью за-лятые, стала читать. Что это? — Не сразу всю мысль охватила. Все вспомнила, все в тех бумагах прочла. Названье усадьбы, фамилию мамы, город куда убежала — все, даже, как звали маму. «Так значит от-ца схоронила! Вот как встретить пришлось. А он-то меня не узнал, горемыка! Вздох-нула и слезы, как бисер, из глаз покати-лись».

— Ариша, А-ри-ша, где ты?

Скорей побежала к ручью. Слезы омыла, не хочет, чтоб слезы те Павлик видал. За-чем говорить? — Это сказка была и прошла.

— Ариша, ну что же, где маки-то сеять мы станем? Картошку, пожалуй бы, лучше; ну, ладн, пусть верх будет твой. Да что ты, о чем же ты плачешь? Тяжко тебе, что случилось?

И Павлик пытливо так смотрит в лицо.

— Нет, Павлик, все хорошо...

Но Павлик не верит. Не хочет сказать: «Пли веру в меня потеряла?» — И грустно на сердце обоим так стало.

— Ужель разлюбила?

— Нет, Павлик, какой-же ты глупый, ведь знаешь: — люблю.

— Любить-то ты любишь, а веры в меня не пишешь. Закрыться ты хочешь от мужа.

Вздохнул, отошел от нее и жалким таким показался.

— За что я Павлушу страдать заставляю? — От жалости сердце болезненно сжалось. — Его одного я люблю, зачем от него я скрываю?

— Милый, любимый, прости, я тебе говорить не хотела — отца без тебя скоропня!

— Ариша, родная, очнись — захворала!

— Нет, Павлик, здорова я; ты помнишь, сказал: — двоих застрелили, а один убежал.

— Ну что-ж, его что ль видала?

— Да, Павлик, умер он здесь, я его скоропня, — отец он мой был. Да нет, не пу-

стайся, что смотришь так остро? Здоровая я. Все расскажу...

Уж шагом бесшумным подкралась ночь, как саваном темным закрыла и лес, и шиханы, и речку. Давно захрапел уж в сених Абрам крутоногий. В сторожке лишь свет и две головы у лампы склонились. Как будто цветочек двухцветный. Бумаги измятые, кровью залитые, все разбирают.

— Ну что же, Ариша, так значит ему суждено, верно, было... А ты-то — ведь графская дочь.

— Павлик, — так крепко вцепилась в него, в глаза так пытливо со страхом взглянула, — а ты-то теперь не разлюбишь меня?

— За что же тебя разлюбить?

— За то, что не наша я — графская дочка.

— Дуреха моя дорогая, что нам до отцов-то до наших? Да будь ты хоть царской дочкой — тебя все равно любить буду.

Уж лампа погасла, сторожка закрыла свои глаз. Ничто темноты не смущает. Лишь звезды высоко над лесом уснувшим сверкают. Все тихо в сторожке. Лишь храп раздается Абрама. Вдруг шопотом сонным Ариша сказала: — Павлик, давай там, на могиле, мы маки посадим... — И с этим уснула, от спящего мужа ответа не слыша.

М. С. Петров-Любяков.

2-й ВАРИАНТ.

Солнце лениво, словно бы нехотя, сползло за размытую, призрачно синюю линию дальнего леса. Полыхает в пол неба багрово-красное, предзакатное зарево. Сумрачной тенью подернулись темно-зеленые пади. Густой молочной стеной поднялся туман от реки. Шумно хлопая крыльями, стороной протянули какие-то болотные птицы. Далеко, далеко, в самой глухомане леса неуверенно ухнул проснувшийся сыч. И только одно еще лысое взгорье облыто светом. Целует запоздавший солнечный луч каменную грудь валуна.

В гаснущем свете зари живым изваянием — Ариша. Щекой оперлась на руку. Глядит неподвижным, невидящим взором. На длинных, чуть изогнутых ресницах, бриллиантами слезы дрожат. А в глазах — как живой — землист-серый, седой человек с заграничной бородкой.

Это отец — так сказал ей клочек измененной, ветхой бумаги. — Да, отец... девочка... белая... славная... дочка... найду ли. Папа... бедный мой, папа...

— Ари-и-ша!

Павлик зовет. Поднялась было бурно стремительно прежней влюбленно-счастливой Аришей и вдруг содрогнулась, как от тяжелой внутренней боли.

— Нет... не могу... на нем кровь... свежая, алая кровь того, кто недавно был лишь чужим стариком с седой, такой острой бородкой...

И зачем именно он.. зачем Павел.. Почему так ужасно сложилось?.. Ах, не то...

что уж с нею творится... отчего ей так дорог отец... чужой он... с самого детства чужой...

Но.. как мучительно все раздвоилось... словно две совершенно различных Ариши в тело вселились... нет... та.. другая Ариша.

От сторожки протяжно, призывно:

— Ари-и-ша..

— Зовет! — Усмехнулась, недоброй улыбкой тронуло рот.

Зовет... и как он спокойно: — «Вдрил я вслед из винтовки, споткнулся старик, но справился все же, ушел... ну, да так, сторожа... околел в лесу белогавайская падаля... и... и околел... Хорошо — ничего не сказала.

Молча спустилась к воде. Наклонилась над угольно-черной, во тьме ворчащей рекою.

— Ари-и-ша!

Тревожится, вишь... идет... и любит, ведь любит. Маков привез, чтоб посеять там, на поляне... угодить думал, глупый...

Хрустнула ветка в лесу под торопливой ногою.

— Ари-и-ша... Ари-шень-ка!..

Ближе и ближе шаги... вот сейчас подойдет, схватит во тьме, сомнет всю в крепком объятье... Станет ласкать рукою, пахнувшей кровью...

— Нет... не могу...

Подстреленной птицей забилась. Еще ниже над кручей склонилась и — вниз головой.

Глухо всплеснула река.

— Ари-п-ша... Свет мой, Арипенька!..
Темный молчит настор-женный бор.
И снова домающийся в тоске и тревоге
человеческий голос:
— Ари-п-ша!
Злобным дохотом отозвался с того берега
флин. Жалобно заверещал вдалеке, в зу-
бах кровожадной куницы, попавшийся заяц.
И опять тишина — зловеющая.... жуткая.

Рвет ее страстной мольбою призывный,
человеческий голос. Еще и еще...
А вокруг равнодушно-холодная, другой,
неведомой жизнью, живущая чаща.
Ночь прядет свои сказки п сны.
Тесно сплелась с ними жизнь.
И кажется это не явь, а только лишь
сказка лесная.

Б. Е. Туркин.

ТРИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНКУРСА

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1929 г.

I. Систематический Литературный Конкурс.

В отличие от 1928 года ежемесячные задачи будут заключаться: 1) не только в сочинении окончания к помещенному рассказу, но и 2) в написании всего рассказа, когда дана только последняя глава его, 3) в создании самостоятельного повествования на основе напечатанных без текста одних иллюстраций. Последние два вида задач дадут большой простор и фантазии, и литературным способностям читателей. Кроме того, в 4) параллельно будут помещаться небольшие задачи самых разнообразных форм и содержания от пысканно литературных до простых и доступных любому внимательному читателю.

Соглашаясь с многочисленными высказанными пожеланиями, Редакция даст возможность получить премию за литературную работу не одному только лицу по каждой задаче, а нескольким. Первая премия всегда будет денежная — от 150 рублей за $\frac{1}{2}$ печ. листа (20 000 букв) и до 25 руб. за малые задачи. Некоторые премии поощрительного характера будут выдаваться в виде полных сборных сочинений известных писателей и различного рода художественных книг и сочинений по искусству, в том числе наиболее популярных Историй искусств.

II. Конкурс на лучший рассказ „ЗА РАБОТОЙ“.

Строительство Союза Республик, наши культурные достижения и устремления, любовь к труду должны найти свое отражение в художественной литературе. За лучший, живой и действенный рассказ на фоне фабричных и заводских производственных процессов, поучительно освещающий обстановку и быт рабочих, или за рассказ, знакомящий с важной и интересной, но почти незаметной работой скромных труженников, заслуживающей, однако, по особым условиям ее, пристального общественного внимания, будет выдано 3 премии: в 250 р. в 200 р. и 150 р.

Рассказ должен быть в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа (от 20 000 до 30 000 типографских знаков). Присланные на Конкурс, но не удостоенные премии, однако годные к печати рассказы могут быть приобретены Редакцией по соглашению с авторами. Срок присылки рассказов на этот Конкурс 1 апреля 1929 г.

III. Конкурс на лучший рассказ „НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“.

Художественно-изображающий жизнь и быт на фоне сравнительно мало известной своеобразной природы и условий окраин необъятного Союза Республик. Рассказ также должен быть размером от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа. За лучшие рассказы будут выданы 3 премии: в 200, 150 и 100 р. Неурезанные рассказы могут быть напечатаны по соглашению с Редакцией. Срок доставки рассказов на премию истекает 1 апреля 1929 г.

Во всех трех Литературных Конкурсах могут участвовать все личные подписчики «Мира Приключений», члены их семейств, а также все коллективные подписчики (учреждения). На первой странице четков и ясной напечатанной на машинке или тщательно переписанной рукописи рассказов должен быть наклеен ярлык бандероли, под которой получается журнал, или сообщен № и число квитанции учреждения, принявшего подписку.

При работе Жюри, в состав которого, в зависимости от тем доставленных рассказов, приглашаются известные специалисты, будет обращено особое внимание на литературно-художественные достоинства и разбрасываемого произведения, на интересность фабулы, на соответствие ее действительной жизни, на динамичность в развитии сюжета.

КОСМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Очерк проф. Н. А. РЫНИНА

Стремление исследовать верхние слои атмосферы, разрешить загадку слоя кивисайда, чтобы облегчить Землю на высоте около 200 километров и не пропускающего радио-волн, и, наконец, проблема космических и межпланетных полетов все более и более занимают ученых и техников. В особенности внимание многих привлекает желание изучить природу космических лучей и их свойства.

В связи с этим появилось много проектов достижения больших высот полета. Многочисленные авторы таких проектов преимущественно предлагают для этой цели ракетные или реактивные корабли. Последние предлагаются или автоматическими, без пилота, снабженные лишь регистрирующими приборами, или с людьми.

К первым можно отнести, например, авто-атомическую радио-ракету Ладмана, ракеты Гефта, ракеты Годлар и многих других. Проекты же пассажирских ракет предлагались многочисленными учеными: Обертом, Гоманном, Вальером, Цюлковским, Годларом и др.

Кроме того разные лица предлагали устроить в мировом пространстве на известном расстоянии от Земли обсерваторию, в которой можно было бы производить различные наблюдения. Идея таких «искусственных планет или островов» космического океана были даны Лаффертом, Цюлковским, Никольским и др. Материал для постройки таких стан-

ций, по мысли авторов проектов, доставляется с Земли при помощи ракет. Люди в скафандре собирают эти части в одно целое, ракета сообщает им требуемую скорость, чтобы они вращались вокруг Земли наподобие ее спутника, и затем оставляет их. Люди, оставшиеся в таком космическом острове, могут производить требуемые наблюдения.

Одним из новейших проектов устройства подобной летающей вокруг Земли космической станции является проект германского инженера Германа Ноордунга, только что опубликованный в вышедшей в Германии в 1929 г. особой книге.

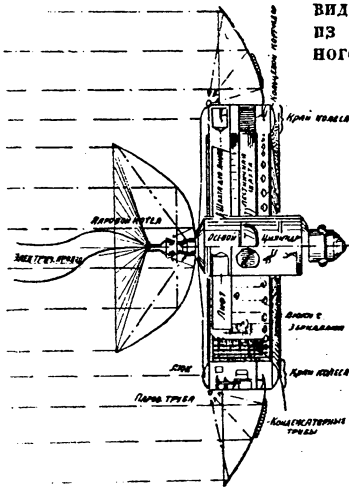
Назначение этой станции — изучение природы космических лучей и астрономические наблюдения. Для этого она при помощи космических

кораблей (ракет) переносится с Земли в космическое пространство и устанавливается на поверхности Земли над экватором в расстоянии 35 900 км, т. е. в месте, где при угловой скорости станции вокруг земной оси такой же, как и самой Земли, центробежная сила, действующая на станцию, уравновешивается с силой земного тяготения, и станция будет вращаться вокруг земной оси, не падая на Землю. При этом линейная скорость движения станции должна быть 3080 тыс. секунд.

Вся станция состоит из трех частей: 1) жилого колеса, 2) обсерватория и 3) машинная станция. На рисунке они

Рис. 1. Общий вид космической обсерватории с ее тремя частями. Вид из окна ракетного корабля. Сзади, вдали, на расстоянии 35 900 км — Земля. Слева внизу — вращающееся жилое колесо с его двумя рефлекторами. Вверху — машинная станция и справа — обсерватория. Все они соединены проводами и гибкими трубками.

видны, как бы из окна ракетного корабля,

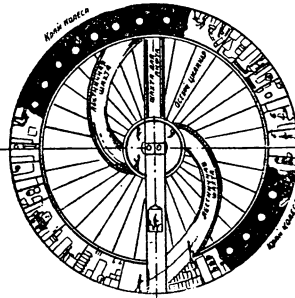

Рис. 2. Жилое колесо. Слева — разрез по оси. Справа — вид со стороны Солнца без рефлекторов и часть в разрезе.

поддерживающего связь между ними и видимой в отдалении Землей. Опишем по порядку эти части.

1. Жилое колесо (рис. 2 и 3). Главное назначение его устройства — дать возможность людям, живущим в нем, испытывать ощущение тяжести такое же, как и на Земле. Для этого колесо при помощи моторов должно вращаться вокруг своей оси. При диаметре колеса в 30 м и при обороте его в 8 сек. у окружности его развивается центробежное ускорение, равное земному, что и даст требуемое ощущение тяжести. Без такого устройства люди, находящиеся в колесе и несущиеся в свободном полете вокруг Земли, были бы невесомыми, что порождало бы ряд непривычных, а может быть и болезненных ощущений, и потребовался бы ряд добавочных приборов и механизмов для жизни в колесе.

Итак, колесо устроено вращающимся вокруг оси. Пассажиры каюты расположены по его периферии, от которой к центру ведут изогнутые почти по логарифмической спирали две лестницы. В центре уже отсутствуют силы тяжести, и люди могут летать по воздуху, отталкиваясь от стен. По одному из диаметров устроены лифт. В одном конце цилиндра у оси имеется шлюз для выхода наружу. В другом конце его располагается термическая установка, состоящая из котла с водой, которая превращается в пар силой лучей солнца, отраженных от аболотического рефлектора, окружающего котел. Пар из

Рис. 4. Обсерватория в виде котла. Давление внутри ее 1 атм. Видны два шлюза, два электрических кабеля, гибкая труба и алюминиевые торцы.

этого котла приводит в действие динамомашинны, дающие электрический ток, заставляющий работать электродвигатели, вращающие колесо и сужающие для разных других целей. Из конца оси колеса близ фокуса этого рефлектора идут провода к машинной станции, расположенной в отдалении от кольца. Для того, чтобы эти провода не закручивались при вращении колеса, конец оси последнего, к которой они примыкают, особым мотором вращается в обратную сторону.

Кроме описанного рефлектора — вокруг колеса устроен еще другой большой, отражающий лучи солнца на кольцевой трачатый котел с водной, идущий вокруг колеса. Пар, после произведенной им работы, охлаждается в конденсаторах сзади этого рефлектора.

2. Обсерватория (рис. 4). Она движется вокруг Земли как и колесо, но уже

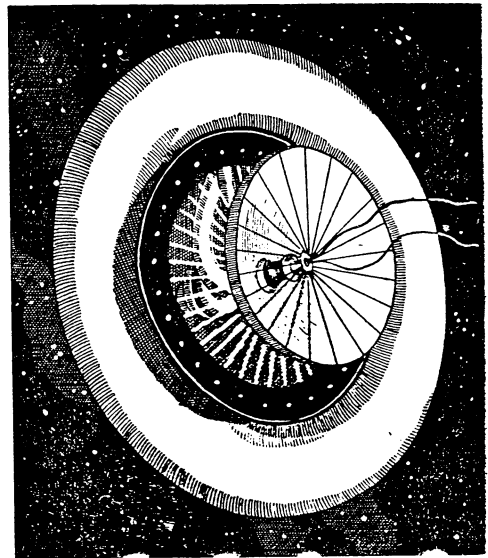

Рис. 3. Общий вид жилого колеса со стороны Солнца. Средний рефлектор может быть заменен соответствующим увеличением размеров наружного рефлектора.

не вращается вокруг своей оси. Воздух поводится к ней по трубке из колеса. Испорченный воздух также удаляется по трубке. Тепло и свет доставляются по электрическим проводам из колеса и из машинной станции.

3. Машинная станция (рис. 5). Устройство ее в главной части подобно параболическому зеркалу с котлом у оси жилого колеса. На рисунке видны: зеркало, котел в его фокусе, машинное помеще-

с двумя шлюзами, конденсационные трубы позади зеркала. Эта установка даст добавочную электрическую энергию, посылаемую по проводам в колесо и обсерваторию. Кроме того при надлежащем повороте, зеркало может освещать теньевую часть обсерватории, давать световые сигналы на Землю и, кроме того, здесь же находится мощная радио станция. Колесо, обсерватория и машинная установка располагаются, смотря по надобности, друг от друга на расстоянии от 100 до 1000 метров. Люди в скафандрах с небольшими реактивными двигателями могут переноситься между частями осей установки.

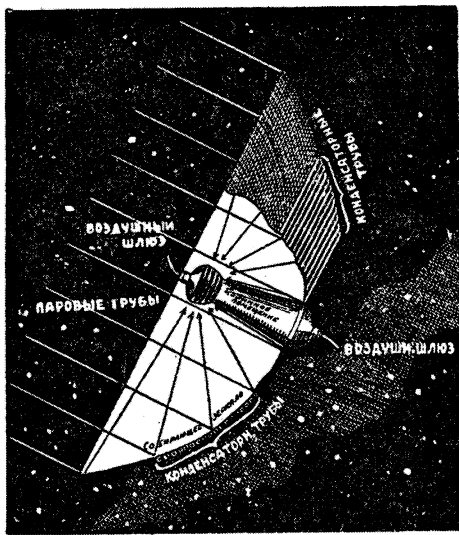

Рис. 5. Машинная станция (разрез по оси и часть бокового вида).

проект одной из которых и дал Ноордунг.

МУКА-НОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

ВЗРЫВАТЫЕ СВОЙСТВА МУЧНОЙ ПЫЛИ. — КАКАЯ СИЛА КРОЕТСЯ В САХАРНОЙ ПУДРЕ. — ТАЙНА САМОВОЗГОРАНИЯ ЗЕРНА И СЕНА.

Очерк Л. П.

Почему бы не двигать автомобили зерновой мукой? Как горючее, это стоило бы в три раза дешевле бензина.

Такие опыты, в связи с попытками применить систему чередующихся взрывов для движения автомобилей, производится теперь в Америке. Машины снабжаются смесью зерновой муки и воздуха и, посредством электрической искры, производится ряд взрывов.

Интересно, как родилась эта мысль. Несколько лет назад ученые пытались узнать все, что возможно, про взрывы, разрушающие так много мукомольных мельниц, элеваторов для зерна и фабрик.

Для опытов были сделаны игрушечные модели таких построек и производились взрывы вдуванием зерновой или мучной пыли, причем взрыв вызывался зажженной свечей, помещенной внутри.

Только что построенная модель такого рода представляет в миниатюре первокласс-

Автомобильный мотор, движимый зерновой мукой. Простое доказательство того, какая энергия заключена в растительном веществе.

ный современный зерновой элеватор, и взрыв в нем производится электрической

пскрой. С одного конца маленького элеватора башенка, крышу которой заменяет кусок плотной бумаги. Взрыв разрывает эту бумагу с громким выстрелом и с тучей дыма.

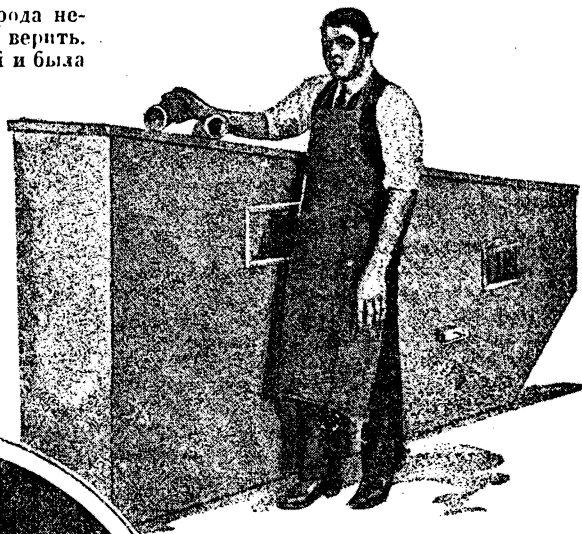
До последнего времени никому не приходило в голову, что пыль может самопроизвольно взрываться. Даже после того, как этот факт был установлен, мукомолы и другие, страдавшие от такого рода несчастных случаев, не хотели этому верить. Польза экспериментальных моделей и была главным образом в том, что они убеждали недоверчивых людей.

Если бы хозяйка вошла на кухню с несколькими фунтами зерновой муки и пригоршнями раскидала эту муку по воздуху, и неосторожно зажгла свичку, она взорвала бы весь дом.

Когда зерновая мука висит в воздухе тучей мелких отдельных частиц, причем каждая из них в прямом соприкосновении с кислородом

по воздуху и зажечь. Рисовая мука в подобных условиях также опасна.

То же самое можно сказать и про овсяную муку. Также небезопасен на полке кладовой крахмал в пудре. И он может иметь действие сильно взрывчатого вещества. Недавно в Америке, в Иллинойсе, взорвалась фабрика крахмала. Было много

Ящик из листового металла для смешивания зерновой муки с воздухом и для образования взрывчатого вещества.

Автомобильный мотор со снятой с него крышкой. Справа видна труба, через которую мотор всасывает смесь зерновой муки и воздуха.

родом воздуха, пламя распространяется во всей мучной туче с такой быстротой, что тотчас же образуется огромная масса газа, взрывчатая сила которого так велика, что разрываются стены.

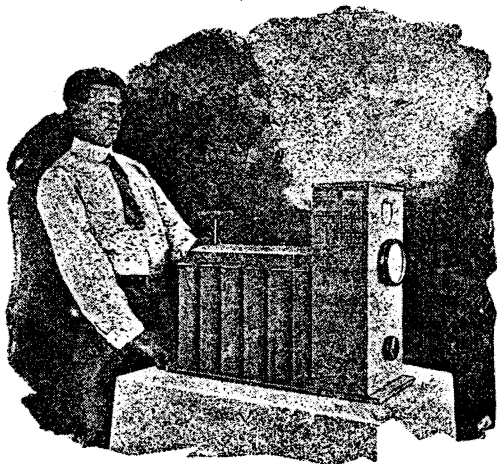
Современная хозяйка держит на полках своей кладовой множество как будто невинных продуктов, которые на самом деле могут оказаться сильно взрывчатыми веществами. Даже динамит не может оказаться разрушительнее обыкновенной пшеничной муки, если муку эту рассыпать в комнате

человеческих жертв на самой фабрике, но замечательнее всего, что ехавшие в тележке в расстоянии тридцати футов пять человек исчезли совершенно. От тележек остались одни щепки.

От времени до времени взрываются конфектные фабрики. Сахарная пудра—сильно взрывчатое вещество, еще опаснее перечисленных выше. В кондитерской в Бостоне несколько служащих девушек были заняты тем, что обсыпали сахарной пудрой конфекты. Воздух помещения был насыщен этой пудрой. Одна из девушек зажгла папиросу и тотчас же произошел ужаснейший взрыв, разнесший здание.

Что может быть безвреднее куска мыла? Чтобы он загорелся, его пришлось бы сунуть в печь. Но мыльный порошок, который употребляется каждой хозяйкой, способен произвести страшные разрушения, как сильно взрывчатое вещество. Мыло жирно и потому горюче. Если же в сухом виде его рассыпать в комнатном воздухе, пыль эта взорвется от малейшей искры.

Любое горючее вещество, находящееся в виде порошка, соединяясь с воздухом, насыщается кислородом и в ограниченном пространстве взорвется, если будет зажжена свичка.

Миниатюрный элеватор, с которым проводятся опыты взрывов мучной пыли.

Употребление электрической искры для производства взрыва в миниатюрном зерновом элеваторе подало мысль воспользоваться смесью зерновой муки и воздуха в качестве горючего для автомобильных моторов. Надеемся, что таким путем, посредством ряда небольших взрывов, мотор будет правильно двигаться, а нужная зерновая мука может быть куплена в любой лавке.

Так же точно можно пользоваться для этой цели и рисовой мукой, и овсяной, и сахарной пудрой.

В настоящее время экспериментально разрешается вопрос, имеет ли смысл применять этот способ для стационарных машин.

Для опыта пользуются методом смешивания зерновой муки с воздухом в большой ящике из листового металла. Внутри ящика помещается электрический вентилятор. Из ящика воздух, насыщенный мукой, втягивается через трубку в автомобильную машину, производя ряд небольших взрывов, когда он загорается от электрической искры.

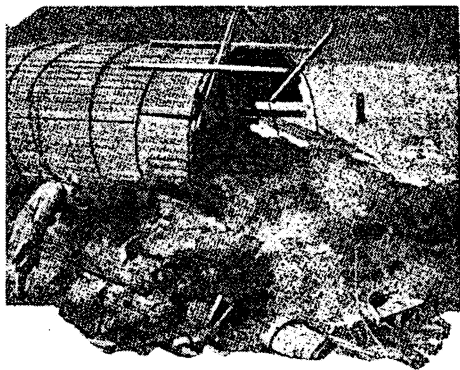
Как велика сила, развиваемая взрывом зерновой пыли, смешанной с воздухом,

видно из того, что содержимое мешка овсяной муки в 2½ фунта, смешанное с 4 000 кубических футов воздуха и зажженное в закрытом месте, подбросит массу железа, весящую одну тонну, на высоту пяти миль.

Не меньше вреда, чем взрывы муки, приносят и пожары, вызванные водой. Силою да рилом во время разливов сгорают сараи с сеном. Большие количества собранного сена подвергаются брожению, при этом возникает такой сильный жар, что начинается горение. Даже когда сараи погружены в воду на несколько футов, загорается сено, находящееся выше. Такое же самовозгорание может произойти и с зерном.

На одной ферме в Мидльсексе, расположенной в узкой долине, где вода разлива поднялась особенно высоко, был сарай с пятьюдесятью тоннами сена. Разлив начался в пятницу утром, а в понедельник стал заметен запах гари. Несколько часов спустя сарай вспыхнул и сгорел. Вспыхнуло и своеобразное хранилище зерна.

Как же объяснить все эти явления? Легко сказать: «самопроизвольное возгорание», но где найти его причину? До сих пор никто

Вместилище для зерна на ферме в Мидльсексе, взорванное вследствие самовозгорания.

не знает. Повидимому, какой то химический процесс в отсыренном сене и зерне развивает достаточно высокую температуру, чтобы мог произойти пожар.

ДЕНЬ с ЧАРЛИ ЧАПЛИНЫМ

Очерк КОНРАДА БЕРКОВИЧИ

ОТ РЕДАКЦИИ. Кто из любителей кинематографа, — а кто у нас не любитель? — не встречал на экране имени Чарли Чаплина, составившего себе „мировую славу“ первоклассного комика?

Любопытную характеристику Чаплина дает друг его, — довольно известный по переводам его романов и у нас в СССР — американский писатель Конрад Берковичи, румын по происхождению, социалист по убеждениям, эмигрировавший в Америку, возносимый левой американской печатью и более чем сдержанно упоминаемый в печати буржуазной. Дарование беллетриста ясно просвечивает и в этом очерке. День Чаплина — это, в сущности, его биография. Любопытны в описании Берковичи и яркие штрихи быта и нравов всемирной столицы кино. Очерк напечатан в последней книжке солидного американского ежемесячника.

Я приехал в Голливуд после полудня, когда солнце ртутными лучами жгло разнообразные крыши сказочных домов города кинематографической славы. На расстоянии, с высот ущелья Кахуэнга, Голливуд представлялся не городом, а чудовищной выставкой испанской архитектуры. Каждый образец, каждая разновидность были показаны в скале цветов от ярко желтого до сверкающего голубого, соперничавшего с голубизной неба. Я приехал на автомобиле через пустыни Утаха. Неожиданный переход от холода к приятному, почти раздражающему теплу, заставил меня заметить тонкий песок дороги, покрывавший мое лицо и тело.

Я подъехал к студии Чаплина. (Мы условились с артистом по телеграфу о встрече. Я не видел Чаплина больше года). Тут стояло с полдюжины автомобилей. Бляшки на них показывали, что они прибыли сюда из такого же количества штатов. В конторе Чаплина, на скамье у стены, загорелые мужчины и женщины терпеливо ждали, когда им удастся взглянуть на большого маленького человека, заставлявшего их смеяться.

— Почему вы их заставляете тут ждать? И почему к ним не выходит мистер Чаплин? Это заняло бы всего одну минуту, — спросил я одного из секретарей. Она только выразительно пожала в ответ плечами.

После того, как я обменялся рукопожатиями с Томом Харрингтоном, который уже много лет секретарь, телохранитель, слуга и защитник Чаплина, я спросил:

— Где Чарли?

— Не видел его уже два дня. Он совсем не показывался в студии.

Чаплин ставил одну из своих картин, но он не всегда мог бороться с соблазном, когда ему хотелось убежать и попытаться забыть, что он работает. Сотня женщин и мужчин, все одетые для своих ролей, нетерпеливо расхаживали взад и вперед. Съемщики приготовили аппараты и ждали на своем посту, потому что никто не знал, когда вдруг появится Чарли и начнет работать, точно ничего и не произошло, точно он вышел всего несколько минут назад.

Я завладел одной из артистических уборных и нырнул в большой бассейн, где уже забавлялось несколько русалок, пользовавшихся отсутствием хозяина, чтобы поплавать.

Я гробыл в воде немного минут, когда громкий крик возвестил о приезде Чарли. Русалки вылезли, оставляя меня в бассейне одного, и побежали в уборные одеваться.

Чарли, немножко худее, немножко старше, чем год назад, когда я с ним расстался, сел на край бассейна и, сняв сапоги, стал болтать в прохладной воде маленькими, прекрасными, женственными ногами. Неизбежному Тому, подошедшему, чтобы шепнуть ему что-то на ухо, он кинул через плечо:

— Сегодня ничего больше не будет. Завтра в семь часов!

Мы стояли по горло в воде и некоторое время говорили о том и о сем. Чарли вдруг предложил:

— Погдем к Дугу¹.

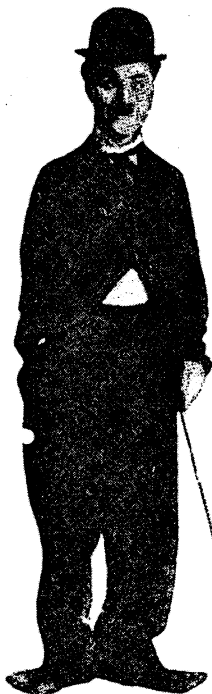
Мы разговаривали, пока я одевался. Я спрашивал себя: что произошло с Чарли?

¹ Уменьшительное имя популярного кинематографического артиста Дуглас Фербенкс...

Чарли в жизни

Он был гораздо тише обычного. Он делал усилие, чтобы оставаться веселым. В лице его была какая-то неудовимая грусть. Его нервные пальцы все время судорожно сжимались.

и

— Да что это такое с вами? — спросил я.

Но я взял неверную ноту, потому что Чарли сейчас же стал кувиркаться, прыгать, петь еврейские песенки на жаргоне и показать мне новый трюк, который он научился делать со своей шляпой. Он оборонялся, замыкался в самом себе. Я отозвался на его настроение.

Несколько минут спустя мы были готовы к отъезду. Мы хотели пройти в дверь, когда я вспомнил про ожидавших почитателей и про автомобили, в которых дети ссорились на солнцепеке за то, чтобы взглянуть на человека, которого они обожали. Воспоминание о мальчугане лет восьми, не снукавшем глаз с двери из боязни, что если он отвернется на секунду, он пропустит исключительный случай, — воспоминание это заставило меня остановиться и сказать Чарли:

— Я занесался в бой-скуоты.

— Вы? — Чарли рассмеялся.

— Да. И я поклялся делать каждый день доброе дело. Уже темнеет, а я его еще не сделал.

— Вы скоро сделаете, — сказал Чарли. — Уличное движение в Холливуде стало невозможным, и вы знаете, как я боюсь пересечь улицы.

— Чарли, — сказал я, — гас ждет сорок человек, приехавших за тысячи миль, чтобы повидать вас. Там маленькие девочки и мальчики, которых вы могли бы осчастливить. Когда они вернутся домой, они расскажут миру, — своему маленькому миру, — что видели вас собственными глазами.

Чарли побледнел.

— Я из-за этого отсутствовал два дня. Там один старик с ужасным лицом и он уже целую неделю, как раскинул лагерь перед моей дверью. Я не могу этого сделать.

Зная чувствительность Чарли к лицам, я понял его противодействие. Но я уже взял его под руку и почти тащил в контору.

— Вот мистер Чаплин! — сказал я собранию, в то время, как артист улыбался и старался казаться невозмутимым. Со скамьи встал человек и вместо того, чтобы подойти к Чаплину и рассматривать его с таким же любопытством, как остальные, крикнул в дверь:

— Входите, все!

Какая неопишемая суматоха! Какие крики радости и восторга в продолжение следующих нескольких минут!

в р о

Чаплин забыл свою непопимость и пожимал всем вокруг руки и говорил каждому, как он рад, что они приехали. Он раздавал всем свои фотографии с автографами, фотографии, в которых не было сходства с подвижной, жестикულიрующей фигурой экрана.

л и х.

Вошел, опираясь на суковатую палку, старик, блестящие глазки которого смотрели пронзительно. Распухшая нижняя губа его висела над длинным подбородком. Чарли мгновенно потерял самообладание и веселость. Он умоляюще смотрел на меня, как ребенок, просящий защиты у более сильного человека. Это был тот самый старик! Он подошел к артисту и стал внимательно разглядывать его: точно он смотрел на новый род картофеляного клопа. Потом, скривив лицо, он обернулся и сказал остальным:

— Это не он!

Мужчины, женщины, дети, сразу умолкли. Если бы они были золотонкаателями и им сказали бы, что их самородки — простая медь, они не могли бы быть более разочарованы.

— Выкиньте его вон! — закричал Чарли. — Выкиньте его вон!

Но прежде, чем Том успел попросить старика покинуть контору, толпа вытеснила его за дверь и я видел по лицам детей, с каким удовольствием швыряли они в старика разными вещами.

Я увел дрожавшего артиста в его уборную и посмотрел в окно, чтобы узнать, что произойдет дальше.

Автомобили одни заворачивали направо, другие — налево. И хотя посетители не поверили старику, он все же заронил в них какое-то сомнение. Они также готовы были верить, как готовы были и сомневаться. Старик ушел, и хоть его и осмивывала и ругала молодежь в автомобилях, он качал головой и кричал им:

— Это не он!

— Вы сделали ваше доброе дело? — язвительно спросил меня Чарли.

— Я все же освободил вас от старика, — ответил я.

Завеса спала с лица Чаплина. Он снова был таким, как прежде. Его ничто не беспокоило, ничто не угнетало. У него был хороший вид, глаза его блестели, пальцы больше не сжимались и, когда он позвал Тома и своего управляющего Ривса, голос его звучал весело.

Когда Чаплин в хорошем настроении, его все зовут «Чарли». Когда же он в плохом, даже самые близкие друзья обращаются к нему не иначе, как «мистер Чаплин». Ривс говорил с ним с едва уловимым оттенком упрека в голосе.

— Появление этого старика стоило мне десять тысяч долларов, — сказал, смеясь, Чарли.

— Почему вы не сказали Тому или Ривсу, чтобы они отделались от него? — спросил я.

— Не подумал об этом! Не подумал! — потом, обращаясь к своим служащим:

— Ну, так завтра, в восемь часов.

Телли, один из секретарей Чаплина, с видом собственного достоинства обратился к нему кое с какими вопросами. Но Чарли не побеспокоился ответить.

Мы скоро очутились у Дуга. Квадратная миля земли была вся покрыта башен-

ками, мостиками и стенами в восточном стиле. Женщины и мужчины в восточных одеждах слонялись в одиночку и группами. У рояля сидела очаровательная молодая девушка, одетая почти что ни во что, и выбивала восточную мелодию, создавая настроение. Дуг был в трусиках. Его смуглое мускулистое тело блестело под мягким светом заходящего солнца. Не обращая внимания ни на что окружающее, знаменитый артист — акробат тренировался, прыгая из одной растянутой сетки в другую, проделывая этот трюк гораздо лучше, чем окружавшие его товарищи по экрану. Но когда я присмотрелся ближе, я увидел, как другие артисты нарочно исполняли это хуже, чем могли бы, чтобы польстить гордости великого человека. Скоро состязание происходило только между Чаплиным и Дугласом и хотя муж Мэри¹ делал все, что мог, его превзошел более податливый и легкий Чаплин. Лестеры отвернулись, чтобы не видеть поражения своего пледа. Если кто-нибудь надеялся попросить услуги или любезного словечка в этот вечер от Дуга, случай был потерян Немного позднее, когда мы, — Дуг, Мэри, Чарли и я, — пили кофе, Чарли сказал:

— Я сегодня был для него «стариком». Он тоже потерял два дня.

Я рассказал Чарли старую сказку про стоножку. Во время утренней прогулки стоножка встретило другое насекомое и спросило:

— Какую ногу вы опускаете первую и какую потом?

Стоножка не знала. Но на следующее утро она не могла ходить, потому что не знала, которую ногу ей опускать сначала и которую потом.

Дуг был заинтересован, Мэри задумчива, Чарли доволен. Когда мы вышли, он сказал:

— Вы были сегодня вторым «стариком». Бьюсь об заклад, что Дуг не будет завтра работать. Когда он мне показал на той неделе подъемный мост для замка в картине, которую он ставит, я сказал: «это славная штука, чтобы опускать утром и вносить бутылку с молоком». Он не мог после этого работать два дня. Он рассердился, что я высмеял его фантазию.

На бульваре Солнечного Заката роскошные автомобили увозили домой звезд первой величины. Менее роскошные автомобили увозили домой звезд второго разряда, а те, которые не достигли еще небосвода, просто шли пешком по горячему тротуару. Большинство мужчин и женщин было еще в гриме, а на некоторых еще были костюмы, в которых они работали в течение дня. Фальшивые бороды, фальшивые усы. Парики. Лица, раскрашенные синим и красным. Женщины — в платьях эпохи Людовика Четырнадцатого шли рядом с первобытными людьми, индейцами, ковбоями и китайскими мандаринами. В роскошном лимузине везли домой знаменитую собаку, которую сопро-

¹ Мэри Пинфорд.

вождали двое сторожей. Скоро промчался другой лимузин. Не менее знаменитую собаку также мчали домой, где ее ждал привычный ей комфорт. Холливуд обсуждал достоинства этих звезд и сплетничал про их дела с тем же зложелательством, с каким Холливуд сплетничал и про двуногих звезд.

Мы сели в ресторане за столик и множество знакомых подошло пожать мне руку. К моему удивлению, я узнал, что некоторые знаменитости никогда еще не встречались с Чаплиным публично. Смешно, но в Холливуде больше чем где-либо соблюдаются правила этикета. Странно, что артисты, еще недавно страдавшие от условностей общества, живут теперь, соблюдая формальности, которые когда-то тяготили их!

Мы скоро остались одни.

— Проведите вечер со мной,—попросил Чарли.

У меня были кое-какие дела, но голос его был такой просительный. В этих словах выразилось все одиночество человека. В глазах его была благодарность, когда я сказал ему, что и не предполагал иначе провести этот вечер.

Мы едва принялись за еду, когда в дверях кафе появился старик с блестящими черными глазами и отвисшей нижней губой. Чарли выронил ложку. Старик стоял в дверях, оглядываясь кругом, но глаза его только на мгновение задержались на артисте и потом стали блуждать от столика к столику. Я встал и подошел к нему.

— Скажите мне, — спросил я, — почему вы заявили, что это не он, когда вы увидели мистера Чаплина? Что заставило вас сказать такую вещь?

— Конечно, это не он, — ответил старик, — разве я его не знаю? Я узнал бы его в сотне и толпе.

— Его? Кого? — спросил я.

— Своего сына, — ответил старик. — Я ищу его уже пять лет. Он исчез из дома. Люди говорили мне, что он играет в кинематографе. Когда я приехал сюда на прошлой неделе, кто-то сказал мне, что мистер Чаплин мой сын. А это неправда. Разве я его не знаю? Он еще пять лет назад был на голову выше мистера Чаплина.

Когда я подвел к нашему столику старика, Чарли дрожал с ног до головы. Когда же я ему передал, что говорил старик, он захотел узнать все подробности. Час спустя, когда мы с Чарли вышли из ресторана, он спросил:

— Что это такое отговесля любовь? — и потом задумчиво добавил. — Меня никогда так усердно не искал отец.

Неизбежный Том снова подошел к нам. Чарли что-то шепнул. Том убежал, а мы стали его ждать. Скоро он вернулся с капкой. Чарли натянул кэпку на один глаз, вероятно на бок, и наружность его изменилась до неузнаваемости. Одним движением он слегка сдвинул галстук. Манжеты вылезали из рукава. Похрюка его изменилась.

— Пойдемте по городу к Лес-Авджелосу, погуляем!

— Уластят вам! Вас сейчас же везде узнают.

— Нет, не узнают, — возразил Чарли.

Я обернулся, чтобы взглянуть на него. Какая сермяга в человеке!

Брюки его повисли, плечи осели, из угла губ свисала папироса. Он ничем не отличался от сотни других молодых людей, возвращающихся с работы и шатающихся по улицам. Мы шли бок о бок и Чарли придумывал фантастический рассказ про хозяина, который плохо к нему отнесся.

— Если он мне не даст повышения на будущей неделе, — я уйду. Слово даю, что уйду! — Он повторил это несколько раз. — И я сказал этому делегату: «юноша, так не годится!»

Чарли перевоплотился в человека, которому подражал в походке, одежде и разговоре. Голос его дрожал от гнева.

Мне хотелось смеяться. Это была великолепная имитация. Но что за выражение глаз было у Чарли! Не мог же я смеяться над несчастными человекам...

— Это позор. Почему хорошим кинематографическим актерам платят в неделю тысячи долларов, а хорошим столярам не платят столько же? Просто стыд, как эти кинематографические актеры получают все только за то, что забавляют народ. А мы работаем и ничего не получаем или получаем пустяки...

— Да, ведь, некоторые актеры заслуживают этого, — сказала я ему в тон. — Возьмите, например, Чарли Чаплина.

— Чепуха! — ответил Чарли. — Он этого не стоит! Да, к тому же, у него такая веселая работа. А что за веселье в моей работе? Эх, если бы я играл, как он, мне было бы все равно, платят мне или нет!

Когда Чарли перестал разыгрывать эту роль и мы сидели в маленькой кофейне, посещавшейся рабочими, Чарли рассказал мне, как он отправился некогда в Сан-Франциско, чтобы попробовать выиграть приз, предложенный одной кинематографической фирмой человеку, который лучше всего будет имитировать Чарли Чаплина.

— Я сделал все, что мог, — уверял меня Чарли, — но не получил даже последнего приза. Человек, выигравший первый приз, был положительно ужасен. Если я такой в представлении других людей...

И он больше не произнес ни слова. Но когда мы вышли, он оправился, иначе одел кэпку, спрятав манжеты и его тотчас же стали узнавать прохожие. Ему кланялись и за нами шли следом до ближайшего угла.

Я не знал, что Копо, шофер Чарли, все время ехал за нами в автомобиле. Мы мчались быстро, против всяких правил уличного движения (автомобиль Чарли знают все полицейские), и отправились посмотреть борьбу. Я не мог удержат Чарли на его месте. Люди, сидевшие выше нас, все время кричали: «сидите!» Чарли следил за каждым движением на арене. Он избрал любимца и так слесил с ним в одно, что каждый раз, как человека ударяли, Чарли

вскрикивал от боли. Когда человека ударили в живот, Чарли согнулся, как складной нож. Когда человека удалили по челюсти, Чарли схватился руками за лицо. Когда же человека окончательно положили, Чарли упал мне на руки.

У выхода один старый приятель Чаплина сказал мне:

— Он всегда выбирает побежденного.

Чарли взглянул на него своими большими, детскими глазами, влажными от боли.

— Вы были когда-нибудь на кругу? — спросил он.

— Нет.

— Ну, а я был. И я всегда был побежденным. И знаете почему? Потому что победитель всегда лучше меня ел накануне. Не будьте никогда удачником! — добавил он, обращаясь ко мне.

— А что же вы тогда скажете про себя? — спросил я.

— Мне очень жаль, — как бы извиняясь сказал Чарли. — Но приходилось выбирать или это, или смерть.

— А разве с другими не то же самое?

— То же самое, — согласился он. — Но это ужасно.

Когда мы вернулись в город, мы заметили молодую парочку, смотревшую на магазинную выставку, где красовались полные спальни за 169 долларов.

Чарли сказал мне:

— Предположим, что я им дам чек на 169 долларов. Что произойдет?

— Они, наверно, купят спальню.

— Но тогда это всего только будет для них обстановка спальни, а не идеал. Им больше не о чем будет разговаривать. Это как мой дом на Бьюри Хилл. Теперь, когда он у меня есть, он ничем не отличается от всего остального.

Натянув низко кашку, он снова принялся выдумывать фантастические горести. Он — трамвайный кондуктор. Оплата плохая. Работа тяжелая. Он уже три года хочет жениться и не может. На что надеяться трамвайному кондуктору?

Но эта роль не удалась ему так хорошо, как первая, потому что он скоро заговорил про свою следующую постановку. Ему даже было нецелю, что его узнавали не так часто, как обычно.

Впереди нас медленно шли две молодые девушки, точно они хотели, чтобы их наглали.

— Давайте, развечем их.

Мы четверо остановились перед окном ювелира.

Это были две девушки работницы. Мы скоро сидели с ними за столиком в кондитерской. Девушки не узнавали Чарли. Он хвастался им своими заработками. Он — учителю фехтования. Он учил фехтованию артиста Валентина.

Девушки не верили ни одному его слову. Они умоляюще смотрели на меня. Наконец, одна из девушек спросила меня:

— Вы тоже учитель фехтования?

— Нет, я слесарь, слесарь любитель.

— Почему вы его не запрете на замок? —

сказала она. — Такого нельзя оставлять на свободе.

Это была веснушчатая, рыжеволосая прелесть, и она очень забавляла Чарли. Она была остроумна и не пропускала случая сказать колкое слово. Когда Чарли хвастался, рассказывая, какие огромные суммы он зарабатывает своей профессией и девушки не верили ему, он опустил руку в задний карман брюк и вытащил пачку денег крупного достоинства.

— Ах! — сказала вторая девушка, — может быть он и говорит правду!

Но веснушчатая встала со своего стула при виде таких денег.

— Пойдем, Мэгги, — я не хочу, чтобы нас впутали во что-нибудь такое. Полицейские могут явиться за ним каждую минуту.

Мы снова очутились в автомобиле и ехали к Голливуду. Было уже около полуночи, но улицы были оживлены, как днем. Меньше было людей в театральных костюмах, но Голливуд не потерял ничего из своего фантастического вида. Очертания и тени испанских бенгалу и пагод, и странные цветные огни, проникавшие через занавешенные окна, придавали городу Кино еще более необычный вид, чем днем. Вечер был уже поздний, но казалось, что все еще продолжают сумерки.

— Я голоден, — произнес Чарли и сказал что-то шоферу.

У него родилось новое настроение, казавшееся гораздо более естественным, чем прежде. — Бег жизни, — говорил он, — страшно быстр. Те, кто слишком слаб, чтобы устоять, падают. — Он вполне соглашался с теорией сверхчеловека. В саду вырывают сильных, чтобы дать слабым возможность жить. Жизнь — жестокая вещь. Доктора поддерживают жизнь казек и слабосильных. Они идут против интересов и благополучия сильных, естественного которых следует покровительствовать и которых нужно ободрять. Все другие идеи — отвратительная сентиментальность. Он сознавался, что и сам бывал слаб, но когда он приходил в себя, он становился умнее. Другие люди одновременно с ним начинали жизнь при одних и тех же условиях. Он был удачлив, потому что был сильнее.

Разговаривая, мы вошли в роскошный, но совершенно пустой русский ресторан. Мы были единственными посетителями. Лакей налетел друг на друга, торопясь прислуживать нам. Из боковой двери показалось с подюжины русских женщин, одетых в дыганские костюмы, и трое мужчин, одетых казаками. Голоса их были невыразительны и среди них не было ни одной привлекательной женщины.

Когда была пропета первая песня, они сели, чтобы отдохнуть, но одна из женщин осталась, чтобы спеть соло. Когда этот номер подошел к концу, поднялся один из мужчин и стал танцевать танде с кинжалами, вонзая в пол острия кинжалов. В то время как он вертелся и кружился. К тому времени, как прошла половина медлительного обеда, каждый член труппы исполнил

свой номер, а пианист сыграл длинную, сентиментальную Шопеновскую балладу. Я думал, что они все кончили. Как-то неловко было, что нас развлекала такая большая труппа. Ресторан был совершенно пуст. Это были русские князья, графы и княгини, пытавшиеся заработать что-нибудь на жизнь. Их славянские лица и щущие глаза все время были обращены к нам.

Все началось опять сначала. Хор пел, казак исполнил танец с кинжалами, одна за другой вставали женщины в цыганских костюмах, чтобы пропеть свою песню, а пианист сыграл еще одну сентиментальную балладу. А новые посетители все же не приходили. Мы кончили обед. Нам хотелось уйти. Но было невежливо уходить, пока кто-нибудь пел или плясал. А русские не оставляли промежутков между номерами. Звучало еще эхо одной песни, когда началась новая.

Чарли просительно смотрел на меня, точно я мог что-нибудь сделать. Был час ночи. Было два часа ночи. Дверь ни разу не открывалась посетителем. А казак плясал танец с кинжалами. Женщины пели цыганские песни. Пианист исполнял сентиментальную балладу — непрерывно движущийся круг и никакая возможность для нас уйти. Мне казалось, что мы бежим в колесе.

— Пойдемте, — сказал я Чаплину.

Он умоляюще протянул руку, точно говоря:

— Как же мы можем?

На нас была устремлена дюжина пар глаз. Человек с кинжалом танцевал. Пиа-

нист выколачивал балладу. Я готов был вскочить и закричать от муки. Готов был совершить убийство, когда дверь открылась и весело вошли две женщины в сопровождении двух мужчин, цилиндры которых были слегка сдвинуты на бок. Редко приходило спасение в такой нужный момент.

— Welcome! Welcome! (Добро пожаловать!) — кричал Чарли, низко кланяясь.

Прежде, чем эти люди уселись, мы уже выбежали из ресторана. Коно спал, опустив большую, черную голову на руки, опирающиеся на колесо.

— Что вы скажете по поводу силы сильных? — пошаманял я над Чарли. — Почему вы оставались дольше, чем хотели?

— Я так хочу спать. Я так устал. — Чарли упал на сиденье автомобиля.

Коно взял его на свое попечение. Я пошел назад в свою гостиницу.

На бульваре Солнечного Заката я встречал женщин и мужчин, шедших в том или ином направлении. Мужчин и женщин, приехавших в Холливуд с большими надеждами и которые теперь ходили по улице, потому что у них не было пристанища на ночь. Немного времени спустя роскошный лимузин повезет на утреннюю прогулку знаменитую собаку — звезду. Я заглянул в окна русского ресторана. Обе пары еще сидели там. Русские неистово пели и плясали. Мунуто у было думал открыть дверь и спасти несчастных посетителей. Но потом вспомнил, что уже сделал свое доброе дело, а впереди был новый длинный день.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 10.

Надо решить три пошленных здесь задачи №№ 37, 38 и 39. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще полочка дополнения можно получить прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

1-я премия. „Бахчисарайский фонтан“, — А. С. Пушкина, худ. издание в переплете.

2-я премия. Бесплатное получение в течение 1929 г. журнала „Вестник Знания“.

3-я и 4-я премии. „Гений и творчество“ — проф. С. О. Грузенберга — Основы теории и психологии творчества.

5—10-я премии. По выбору премированных одно из след. изданий: „Наука в вопросах и ответах“, „Общественная медицина и социальная гигиена“ — проф. З. Г. Френкель, „Пылающие бездны“ фантаст. роман Н. Муханова, „История одной баррикады“ — повесть, или повесть №№ „Мира Приключений“ за 1927 или 1928 гг.

Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте нужно делать надпись „В отдел задач“.

Срок присылки решений — 4 недели со дня отправки настоящего № журнала из Ленинграда.

Трапеция из квадрата.

Задача № 37 — до 3 очков.

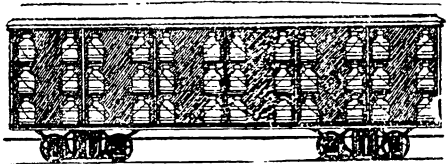
Надо построить равнобедренную трапецию равновеликую данному квадрату, причем боковая сторона этой трапеции должна быть равна стороне данного квад-

рата. Помимо того надо выяснить, существует ли столь же простой или еще более простой способ построения из квадрата другой равнобедренной трапеции, у которой как боковая сторона, так и высота одинаково были бы порознь отличными от стороны данного квадрата? — Под простотой надлежит здесь понимать количество долей квадрата, из которых выкладывается трапеция.

Молоко и пассажиры.

Задача № 38 — 2 очка.

Пелесообразно ли в общем размещении бидонов во свежем молокем в специальном железнодорожном вагоне, изображенном здесь на рисунке? В связи с

этим и другой вопрос: если робкий пассажир хочет лучше обеспечить себя от всяких несчастных случаев, могущих встретиться на железной дороге, то есть ли для него смысл выбрать разные места в поездах разной скорости, например, на быстром экспрессе и на тахоходном „максиме“?

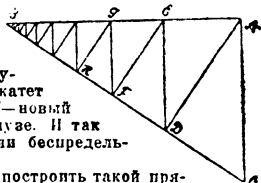
Каков треугольник?

Задача № 40 — вне конкурса.

(Сообщена подписчиком В. В. Смирновым).

В прямоугольном треугольнике проведена высота AD из вершины прямого угла. Из подошвы D опущен перпендикуляр DE на катет AB . Из точки E проведен новый перпендикуляр к гипотенузе EF . Из точки F опять опущен перпендикуляр на катет AB , а из его подошвы G — новый перпендикуляр к гипотенузе. И так длится до предельной или беспредельной возможности.

Надо определить или построить такой прямоугольный треугольник, в коем сумма всех перпендикуляров, проведенных, как указано выше, составляет сумму сторон (периметр) данного треугольника.

Подземный лабиринт.

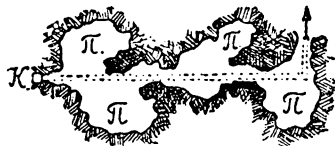
Задача № 39 — 3 очка.

Речь идет, собственно, не о лабиринте, а о подземном проходе, который приобрел свойства лабиринта, благодаря особому своему расположению, изображенному здесь в плане в упрощенном виде. Буквой K обозначен колодец или шахта (вертикальная); откуда все подземелье сообщается с надгной поверхностью, откуда вниз идет лишь длинная окружная дорога. Стрелкой в правом конце обозначен горизонтальный выход с другой стороны в долину. Кратчайший проход по подземелью отмечен на плане пунктиром; буквами Π помечены пещеры.

Из колодца K дневной свет не проникает вовсе, поэтому во всем подземелье царствует поанейший

мрак. Только самая правая пещера слегка освещается снаружи, но при нахождении во всей остальной части подземелья этот свет совершенно невидим, так как все стены и своды черны, как уголь, они не отражают одинаков и искусственного света.

При всей выгоде пользования этим подземным проходом для сообщения между горным селением и долиной местные жители редко и неохотно ходят по нему, так как это сопряжено с постоянными блужданиями по пещерам. Ручные фонари мало приносят пользы, так как слабый свет их освещает пространство лишь на несколько метров: при быстром ходе всегда есть риск стукнуться головой о стену, но и тихий шаг не облегчает задачу, потому что при отсутствии ориентировки человек все равно сбивается с направления, попадая в соседние пещеры. На всех жителей лишь один старик, которому приходилось по несколько раз в день бывать в долине, приспособился ходить по подземелью, не сбиваясь с пути, но он не хотел никому открывать своего способа хождения, а

на все приставания ворчал: „вот вы, молодые... все вперед, да вперед... а нет того, чтобы поучиться, например, у раков... Назад-то выходит иногда и вернее, и скорее. Раскумежайте-ка сами!“

Нельзя ли узнать, применительно к этим загадочным словам, как в действительности ходил старик по подземелью в обоих направлениях? Об электрифицировании подземелья, конечно, не может быть речи, но известно, что простой фонарик он брал с собой постоянно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше—напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать марки. Непринятые рукописи хранятся 3 месяца и потом уничтожаются. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Игра судьбы“.—„Запах крови“.—„От судьбы не уйдешь“.—„Рождения Питта“.—„Стихл банкера“.—„Коса на замок“.—„В германском плену“.—„Победитель“.—„На далеких окраинах“.—„В поисках счастья“.—„Поездка на Кипач“.—„На горах Азербейджана“.—„Первые шаги на пути к просвещению“.—„Александрит“.—„Смерть Васюкова“.—„Поршок идеологии“.—„Последний день Ваньки-Шавдыря“.—„Старое письмо“.—„Наследство дивана Карима“.—„Странное приключение“.—„Синтез на Тихом океане“.—„Приключение Тома“.—„Поселок прокаженных“.—„Тигровая почва“.—„Пряжа жизни“.—„Реванш“.—„Голова обезглавленной“.—„Изобретель“.—„3-я дорога“.—„Деревня Ульмоль“.—„Как добывают алмазы“.—„Август Шрамм ищет золото“.—„Клад“.—„Тайге“.—„Тап“.—„Жадность“.—„Рассказ охотника“.—„Гассан и его пять жён“.—„Рассказ муллы Керима Г'афизова“.

Ф. М. Щ. (Ростов н/Д).—Ваш рассказ «Синтез на Тихом океане» прочитан не будет. Присылать беллетристические произведения, написанные карандашом через переводную бумагу,—значит совершенно не уважать труд Редакции. Редактор не может часами догадываться о том, что угодно было сказать автору.

ЖУРНАЛ «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

ДО 1924 г. РАСПРОДАН

ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА:

За 1924 г. вышло 3 номера (№№ 1—3)	Цена 2 р.	} в переп. 6 р.
» 1925 » » 6 » (» 1—6)	» 3 »	
» 1926 » » 9 » (» 1—9)	» 5 » » 6 »	
» 1927 » » 12 » (» 1—12)	» 6 » » 7 »	
» 1928 » » 12 » (» 1—12)	» 6 » » 7 »	

На 1929 г. подписка продолжается.

С требованиями обращаться в Изд-во „П. П. Сойнин“

Ленинград, 25. Стремянная, 8.

Образец переплета.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ
С ОТДЕЛОМ
ОТ ФАНТАЗИИ
И НАУКЕ

1929
12 КНИГ
1000 стр.

БОГАТО И ХУДОЖЕСТВ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ
В МНОГОКРАСОЧНЫХ ОБЛОЖКАХ.

„Мир Приключений“

СТРОГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
С УЧАСТИЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ В ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ.

На 1929 г. журналом „Мир Приключений“ организованы 3 конкурса:

- I. Ежемесячные литературные конкурсы — 12 премий на общую сумму 1600 руб.
- II. Конкурс на лучший рассказ „ЗА РАБОТОЙ“ — 3 премии на сумму 600 рублей.
- III. Конкурс на лучший рассказ „НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“ — 3 премии на сумму 450 руб.

Кроме денежных премий присуждаются премии ценными книгами за работу часто литературную и за работу мысли в областях математической, физической и др. — Поощрение памяти, внимания и др. способностей вплоть до искусства в шахматной игре.

—* Подробности в конкурсе см. стр. 2-5 кн. 10 „Мир Приключений“ 1928 г. —*

Подписная цена на 1929 год:

ОДИН руб. за 2 мес., **3 руб.** за 6 мес., **45 руб.** в год с доставкой и пересылкой.
ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД РАССРОЧКА: первый взнос 2 руб. 50 коп. и к 15 июня 2 руб. 50 коп., или при подписке, к 15 марта, к 15 июля и 15 сент. по 1 р. 25 коп., при условии высылки денег в Контору журнала «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ», ЛЕНИНГРАД, 25, Стремянная, 8.

ПОДПИСКА на 1929 год ОТКРЫТА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВ.
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ — 4 с. изд.

„ВЕСТИК ЗНАНИЯ“

Под редакцией акад. С. Ф. ПЛАТОНОВА и членов
 Редаксовета: акад. Д. М. ЗАБОЛОТНОГО, Н. А.
 МОЖАЕВА (шляхосельб.), акад. Е. В. ТАРЛЕ.

НОВОЕ В НАУКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ,
ИСКУССТВЕ И ТЕХНИКЕ.

12 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— 60 к.

„ВЕСТИК ЗНАНИЯ“

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

АБОНЕМЕНТ № 1

- 24 книги** «Вестник Знания».
- 12 книг** «Классики Мировой Науки».
- 12 книг** «История Искусств».

12 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
12 р.	6 р. 50 к.	3 р. 25 к.	1 р. 10 к.

„ВЕСТИК ЗНАНИЯ“

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

АБОНЕМЕНТ № 2

- 24 книги** «Вестник Знания».
- 12 книг** «Природа и Люди».
- 12 книг** «Жизнь Животных» А. Брэма.

12 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
12 р.	6 р. 50 к.	3 р. 25 к.	1 р. 10 к.

„ВЕСТИК ЗНАНИЯ“

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

АБОНЕМЕНТ № 3

- 24 книги** «Вестник Знания».
- «Вселенная и Человечество» в переплете.
- «Народы Мира» в переплете.

12 мес.	Без рассрочки.
15 р.	«Вселенная и Человечество» и «Народы Мира» высылаются ценною посылкою при первых номерах.

ПОДПИСАВШИЕСЯ (выславшие деньги) НЕПОСРЕДСТВЕННО В ГЛ. КОНТОРУ ЖУРНАЛА „ВЕСТИК ЗНАНИЯ“
 ЛЕНИНГРАД, 25 — СТРЕМЯННАЯ, 8, **получат бесплатное приложение**

НАУКА В КАРТИНАХ — КОНСПЕКТАХ